

Германское общество на исходе Средневековья

Эрнест Бельфор Бакс

GERMAN SOCIETY

AT THE CLOSE OF

THE MIDDLE AGES

BY

E. BELFORT BAX

LONDON

SWAN SONNENSCHN & CO.

1894

The Project Gutenberg eBook of Германское общество на исходе Средневековья.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Германское общество на исходе Средневековья

Автор: Эрнест Белфорт Бакс

Дата выхода: 4 января 2015 [eBook #47868]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Шарлин Тейлор, Маттиасом Граммелем и группой онлайн-распределенной корректуры (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive/American Libraries (<https://archive.org/details/americana>)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО НА ИСХОДЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Германское общество на исходе Средневековья", автор Эрнест Белфорт Бакс

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive/American Libraries. [См. <https://archive.org/details/germansocietyatc00baxeiala>](https://archive.org/details/germansocietyatc00baxeiala)

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО НА ИСХОДЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АБЕРДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО НА ИСХОДЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Э. БЕЛФОРТ БАКС

АВТОР "ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ", "РЕЛИГИИ СОЦИАЛИЗМА", "ЭТИКИ
СОЦИАЛИЗМА", "СПРАВОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ" И Т. Д. И Т. П.

ЛОНДОН

SWAN SONNENSCHN & CO.

1894

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА		СТРАНИЦА
	Введение,	1
I.	Первые признаки социального и религиозного восстания,	43
II.	Движение Реформации,	92
III.	Литература периода Реформации,	114
IV.	Фольклор эпохи Реформации,	139
V.	Немецкий город,	156
VI.	Восстание рыцарства,	165

VII.	Деревня и город в конце Средневековья,	194
VIII.	Новая юриспруденция,	219
	Приложение А,	231
	Приложение В,	260
	Приложение С,	272

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель работы, первой частью которой является настоящий том, - дать английским читателям общее представление о социальном положении и народных движениях Германии в период, известный как Реформация. В соответствии с этим планом я лишь вскользь коснулся теологических споров, которые в то время, очевидно, занимали главное место в мыслях людей, или чисто политической стороны вещей. Они рассматриваются лишь в той мере, в какой непосредственно затрагивают общественные и внутренние дела. Настоящий том, имеющий более общий характер, чем его предшественники, посвящен периоду, ограниченному, грубо говоря, последними годами XV века, с одной стороны, и 1525 годом, годом великого крестьянского восстания, с другой. В нем содержится рассказ о более ранних народных революционных движениях конца Средневековья, предшественниках Крестьянской войны, а также рассматриваются основные причины, экономические, социальные и юридические, общего распада того времени.

В следующем томе будут более подробно рассмотрены события 1524-1526 годов. Третий том будет содержать историю анабаптистского движения в Центральной Европе от его возникновения в Цвиккау в 1522 году до его упадка после взятия Мюнстера архиепископскими и императорскими войсками в 1536 году. Правление святых в Мюнстере, естественно, занимает главное место в этой части работы.

Что касается источников для истории Германии этого периода, то я постарался включить в нее все доступные, которые показались мне важными для правильного понимания того времени. Три главные общие истории Реформации, *"История Германии в период Реформации"* Ранке, *"История немецких народов"* Янссена и *"Немецкая история в семидесятые годы"* Эгельхафа, едва ли нужно говорить, что они были использованы в работе. Точка зрения Ранке, чья история является подробной и в некоторых отношениях исчерпывающей, - это точка зрения общего буржуазного филистерства. Янссен представляет ультрамонтанскую католическую точку зрения; но, помимо ее тенденции, каждый должен восхищаться блестящей и в большинстве случаев точной ученостью, которая ее характеризует. Работа Эгельхаафа может рассматриваться как противопоставление Янссену. Его точка зрения - это точка зрения "либерального" немецкого протестантизма среднего класса; но она также содержит множество намеков и подсказок, которые могут быть использованы трудолюбивым историком.

Переписать историю в свете исследований последних десятилетий девятнадцатого века будет великой задачей следующих двух или трех поколений. История должна быть представлена заново на основе первобытного коммунизма с его племенными и

деревенскими группами, с его сексуальными отношениями, основанными на *роде*, с его тотемистическими религиозными представлениями, и с точки зрения непрерывного развития от этих начал до индивидуализма сегодняшнего дня, основанного на полном разрушении раннего общества.

Средний студент, изучающий любой исторический период, неизменно вчитывает в свою интерпретацию ту интеллектуальную, моральную и социальную атмосферу, которая находится ближе всего к нему. Он не может отбросить промежуток времени, отделяющий его от рассматриваемого периода. Это самое трудное из всех упражнений воображения, а для большинства людей и вовсе невозможное - осознать, что одни и те же слова, имена, обычаи и институты означают совершенно разные реалии на разных этапах исторической эволюции. Люди не в состоянии представить себе измененную перспективу и незнакомый фон, на котором жили, думали и чувствовали люди в другую эпоху. Агамемнон, "царь людей", для них - кайзер Вильгельм в ином обличье. Ликург - это нечто среднее между Питтом и доктором Джонсоном. Цицерон - сэр Чарльз Рассел, живший в I веке до н. э. Формальная преемственность имен, понятий или вещей скрывает от них "истинную внутренность" разрыва между старым и новым, который постепенно свершился. Изменения в человеческих делах, конечно, непрерывно; но только когда они достигают определенной стадии, они проникают сознание людей в целом, и даже тогда они распознают только острые вершины над меняющимся горизонтом. Почва, из которой они возникают, не видна, а значит, не понятна и истинная суть самих вершин.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ РЕФОРМАЦИИ. ВВЕДЕНИЕ.

К концу пятнадцатого века вся структура средневековой Европы внешне осталась нетронутой. Государственные деятели и писатели, подобные Филиппу де Коммину, по-видимому, так же мало подозревали, что тому состоянию вещей, которое они видели вокруг себя, в котором они выросли и представителями которого они являлись, суждено когда-нибудь исчезнуть, как лорд Пальмерстон или любой другой государственный деятель эпохи Кобдена-Брайта подозревал, что существующая система общества, скажем, в 1860 году, в любой момент может претерпеть другие изменения, кроме тех, о которых говорилось выше. Общество было организовано на основе феодальной иерархии статусов. Прежде всего, дворянское сословие, духовное и мирское, противопоставлялось крестьянству, либо полностью подневольному, либо номинально свободному. В дополнение к этому противостоянию дворян и крестьян существовало противостояние волости, которая, в своем корпоративном качестве, стояла в отношениях господина с окружающим крестьянством.

Города в Германии были двух видов: во-первых, "свободные от империи", то есть номинально принадлежащие самому императору (*Рейхштадт*), и, во-вторых, находящиеся под властью промежуточного лорда. Экономической основой всего этого по-прежнему была земля; статус человека или корпорации определялся тем, как они владели своей землей. "Нет земли без лорда" - таков был принцип средневекового государства; так же как "у денег нет хозяина" - основа буржуазного мира с его *self-made men*. Каждое ранговое отличие в феодальной системе по-прежнему обозначалось по большей части особым костюмом. Это был мир рыцарей в доспехах, церковников в облачениях и палантинах, юристов в мантиях, князей в

шелке, бархате и золотой ткани, крестьян в шнурованных ботинках, коричневом плаще и суконной шляпе.

Но хотя вся феодальная организация внешне оставалась нетронутой, мыслитель, наблюдавший за знаменами времени, не замедлил бы прийти к выводу, что феодализм "доигрался", что вся ткань средневековой цивилизации становится сухой и увядшей и либо уже начала распадаться, либо находится в преддверии этого. Причины перемен в течение последних полувека действовали под поверхностью социальной жизни и быстро подрывали всю структуру. Все более широкое использование огнестрельного оружия на войне, быстрое распространение печатных книг, распространение новой образованности после взятия Константинополя в 1453 году и последующее распространение греческих учителей по всей Европе, непрерывно и неуклонно расширяющиеся связи с новым миром и, как следствие, увеличение стоимости драгоценных металлов; и, наконец, открытие Васко де Гамой нового торгового пути с Востока через Кап - все это свидетельствовало о том, что прозвучал смертный удар по старому порядку вещей.

Несмотря на кажущуюся внешнюю целостность системы, основанной на землевладении, земля переставала быть единственной формой производительного богатства. Следовательно, она теряла то исключительное значение, которое придавалось ей в ранний период Средневековья. Уже возникла первая форма современного капитализма. Крупные скопления капитала в руках торговых компаний становились обычным явлением. На месте старого обычного племенного права, которое до сих пор преобладало в манориальных судах, утверждалось римское право, служившее своего рода оплотом против капризов территориального сеньора; эти изменения способствовали развитию буржуазного принципа частной, а не общинной собственности. В интеллектуальной сфере, хотя теология все еще сохраняла свое превосходство в качестве главного предмета человеческих интересов, рядом с ней быстро росли другие интересы, наиболее заметным из которых было изучение классической литературы.

Кроме того, зарождался интерес к природе, который, как само собой разумеющееся, приобретал магическую форму в соответствии с традиционными и современными способами мышления. В самом деле, подобно мерцанию умирающей свечи в своем гнезде, Средние века в начале XVI века, казалось, демонстрировали все свои характерные черты в преувеличенном и искаженном виде. Старые феодальные отношения выродились в кровососущий гнет; старая грубая жестокость - в оправданную и продуманную жестокость (хорошо иллюстрируемую коллекцией хитроумных инструментов, хранящихся в башне пыток в Нюрнберге); старое грубое суеверие - в систематизированную магическую теорию естественных причин и следствий; старая любовь к пышности - в пышную роскошь и великолепие, исторический пример которых мы имеем в "Поле золотой ткани"; старое рыцарство - в наемную храбрость солдата, чьим ремеслом было сражаться, и который признавал только одну добродетель - животную храбрость. И снова все эти преувеличенные характеристики смешивались с новыми элементами, которые еще больше искажали их и предвещали грядущие перемены, конечным результатом которых станет их исчезновение и исчезновение той жизни, признаками которой они были.

Растущая тенденция к централизации и последующее подавление или сокращение местных автономий Средневековья в интересах некоего национального правительства, яркими примерами которого стали политическая карьера Людовика XI во Франции, Эдуарда IV в Англии и Фердинанда и Изабеллы в Испании, не могла не затронуть в меньшей степени ту слабо связанную политическую систему германских государств, известную как Священная Римская империя. Первый рейхстаг Максимилиана в 1495 году издал имперский эдикт,

подавляющий право на частную войну, на которое претендовало и которым пользовалось все дворянское сословие - от принцев империи до самого захудалого рыцаря. В том же году была создана Имперская палата (*Reichskammer*), а в 1501 году - Имперский Аулический совет. Максимилиан также организовал постоянную армию из наемных войск, называемых *ландескнехтами*. Вскоре после этого Германия была разделена на имперские округа, называемые кругами (*Kreise*), в конечном итоге их стало десять, и все они подчинялись *рейхсрегу*, в распоряжении которого находились военные силы для наказания нарушителей мира. Однако общественное мнение эпохи в сочетании с особыми политическими и экономическими условиями Центральной Европы в значительной степени лишили этот закон его непосредственного действия. Грабежи на дорогах и даже частные войны в значительной степени продолжались и в XVI веке. Карл V. проводил ту же политику, но только после подавления низшего дворянства в 1523 году и, наконец, крестьян в 1526 году произошли существенные изменения; и тогда централизация, какой она была, была в пользу князей, а не императорской власти, которая после Карла V. становилась все слабее и слабее. Особенность истории Германии заключается в том, что до наших дней она не знала централизации в национальном или расовом масштабе, как Англия или Франция.

В начале XVI века общественное мнение не просто одобряло открытый грабеж носителя шпор и владельца крепости, но рассматривало его как особую привилегию, осуществление которой было скорее почетным, чем позорным. Города, конечно, возмущались тем, что их мещан обворовывают и грабят, и при любой возможности вешали рыцарей; и между богатыми городами и рыцарями, заполонившими торговые пути, ведущие к ним и от них, всегда существовало нечто вроде вечной вражды. Тем не менее, эти воинственные отношения воспринимались как нечто само собой разумеющееся, и занятие разбоем на дорогах не было позором в современном смысле этого слова.

Вследствие обнищания рыцарей в этот период, вызванного причинами, о которых мы расскажем позже, ремесло или профессия недавно получили прилив сил, и в то же время осуществлялись более жестоко и беспощадно, чем когда-либо прежде. Приведем несколько примеров таких случаев, которые отнюдь не были редкостью. В непосредственной близости от Нюрнберга, который, как известно, был одним из главных центров императорской власти, постоянно находился главарь разбойников-рыцарей по имени Ганс Томас фон Абсберг. В обычае этого разбойника, у которого было много приверженцев, было грабить даже самых бедных приезжих из города и, не довольствуясь этим, калечить своих жертв. В июне 1522 года он набросился на несчастного ремесленника и собственным мечом отрубил ему правую руку, несмотря на то что тот на коленях умолял его взять левую и не лишать его средств к существованию. В августе следующего года он со своей бандой напал на нюрнбергского кожевника, чья рука подверглась аналогичной обработке; один из его товарищей заметил, что он рад снова приступить к работе, так как "давно не занимался руками". По такому же случаю был расправлен со стригалем. Руки в этих случаях собирались и отправлялись к бюргермейстеру Нюрнберга, с какой-нибудь фразой, что отправитель (Ганс Томас) будет так обращаться со всеми, кто приедет из города. Сами князья, когда это было нужно, без колебаний предлагали убежище этим рыцарственным разбойникам. С Абсбергом были связаны Георг фон Гич и Ганс Георг фон Ауфсесс. Среди других известных рыцарей-разбойников того времени можно упомянуть лорда Бранденштейна и лорда Розенберга. В качестве иллюстрации сугубо профессионального характера этого занятия и жестокой черствости общества, его практикующего, можно рассказать, что Маргарета фон Бранденштейн имела обыкновение, как записано, давать совет избранным гостям, собравшимся на ее борту, что если купец не выполнил данное им обещание, то они должны без колебаний отрубить ему обе руки. Даже Франц фон Зиккинген, которого иногда называют

"последним цветком немецкого рыцарства", хвастался тем, что среди близких помощников его предприятия по восстановлению рыцарства было много джентльменов, привыкших "пускать своих лошадей по большой дороге, откусывая кошельки путников". Так сильно было общественное мнение благородного сословия о неприкосновенности привилегии грабежа на дорогах, что один монах, читая однажды проповедь в соборе и оспаривая ее как неоправданную, едва избежал смерти от рук нескольких рыцарей, присутствовавших среди его прихожан, которые утверждали, что он оскорбил prerogatives их ордена. Всякий раз, когда эта форма рыцарского отступничества подвергалась критике, находились ученые перья, чтобы защитить ее как законное средство существования аристократов; ведь рыцарь должен жить в соответствующем стиле, и это часто было его единственным ресурсом для получения средств к существованию.

Вольные города, которые подчинялись только имперской юрисдикции, были практически независимыми республиками. Их организация была микрокосмом всей империи. Вершиной городского общества был бюргермайстер и так называемая "челядь" (*Ehrbarkeit*), состоявшая из патрицианского сословия, в большинстве случаев из семей, которые, как предполагалось, происходили от первоначальных вольных горожан, старых Марков-бретенов. Они, как правило, состояли из самых богатых семей и монополизировали все управление городом, а также право распоряжаться различными источниками его доходов и расходовать их по своему усмотрению. Однако к тому времени, о котором мы пишем, торговые гильдии также достигли самостоятельной власти и в некоторых случаях вытеснили бюргерскую аристократию, хотя в целом ими могли манипулировать представители патрицианского сословия, которые, как правило, одни могли заседать в Совете (*Rath*). Последний орган, по сути, стоял по отношению к городу в том же положении, что и феодал по отношению к своему поместью. Сильные своим богатством и аристократическими привилегиями, патриции властвовали как над горожанами, так и над соседними крестьянами, подчинявшимися муниципалитету. Они безнаказанно преследовали и ретировались. Они присвоили себе главные права на муниципальные земли, во многих случаях по собственному капризу вводили повинности и превращали привилегии гильдий и права гражданства в источник собственной наживы. Их судебные приставы в сельских округах, составлявших часть их территории, зачастую были более жестоки в обращении с крестьянами, чем даже сами дворяне. Учет доходов и расходов велся самым скудным образом, а растраты, неуклюже скрываемые, были скорее правилом, чем исключением.

Оппозиция непривилегированных горожан, возглавляемая, как правило, богатыми гильдиями, не принадлежавшими к аристократическому сословию, действовала через гильдии и открытые собрания горожан. Ей уже не раз удавалось добиться представительства общей массы гильдейцев в так называемом Большом совете (*Grosser Rath*), а кроме того, как уже говорилось, отстранить "почетных" от некоторых общественных функций. В целом патрицианская партия, хотя и оставалась достаточно влиятельной, в начале XVI века уже шла на спад, а богатая и непривилегированная оппозиция начала, в свою очередь, формироваться в квазиаристократический орган в противовес массе более бедных горожан и тех, кто находился вне сферы муниципальных прав. Последний класс становился важным и бурным фактором в жизни больших городов. В ремесленных гильдиях, состоявших из непатрицианских граждан, естественно, в целом преобладала их наиболее состоятельная часть.

Мы можем отметить, что развитие средневекового города с момента его зарождения и до периода упадка в XVI веке происходило почти одинаково:^[1] Сначала городок, или, скорее,

то, что позже стало городком, был полностью представлен группой *родов* или семейств, изначально поселившихся в пределах марки или района, на котором впоследствии стоял город. Они составляли первоначальную аристократию, от которой и пошла традиция *Ehrbarkeit*. В городах, основанных римлянами, таких как Трир, Ахен и другие, дело обстояло, конечно, несколько иначе. Там истоки *эрбаркейта*, возможно, следует искать в ведущих семьях римских провинциалов, которые занимали город к приходу варваров в V веке. Вокруг этого ядра с самого раннего периода Средневековья постепенно образовывались свободные люди из окрестных районов, беглые крепостные и другие, искавшие в общине под непосредственным господством могущественного сеньора защиту и средства к существованию, которые они не могли получить в противном случае, когда их родная деревня-община, случалось, подвергалась набегу какого-нибудь знатного мародера и его приспешников. Обстоятельства, в том числе и тот факт, что община, к которой они присоединились, уже занялась торговлей и стала гильдией купцов, привели к дифференциации производственных функций среди новоприбывших, а значит, и к созданию ремесленных гильдий.

Еще одно происхождение горожан, которое нельзя упускать из виду, можно найти в прислуге при дворце-крепости какого-нибудь великого владыки. В раннем Средневековье все такие магнаты содержали обширное хозяйство, причем церковные владыки, как и светские, часто имели по несколько дворцов. В Германии это происхождение поселка продолжил Карл Великий, который основал школы и другие гражданские учреждения с магистратом во главе вокруг многих основанных им дворцов. "Новая эпоха, - говорит фон Маурер, - начинается с вилл-оснований Карла Великого и его постановлений о них, ибо то, что его знаменитые капитулярии в этой связи предназначались для его вновь основанных вилл, очевидно. При этом он явно имел в виду римскую виллу и по ее образцу скорее развил существовавшую ранее конституцию двора и виллы, чем полностью ее реорганизовал. Поэтому даже в его новых творениях можно найти старую основу, хотя и в гораздо более расширенном плане, причем экономическая сторона таких вилл-колоний была особенно полно и эффективно упорядочена".^[2] Выражение "Палатин", применяемое к определенным районам, свидетельствует о том, о чем здесь идет речь. Как уже говорилось выше, развитие города везде шло по одному и тому же пути. Гражданское сообщество всегда стремилось как можно дальше отстраниться от власти, которая контролировала его. Хуже всего они себя чувствовали, когда их сразу же затмевал территориальный магнат. Когда их непосредственным господином был князь, территория феодальной юрисдикции которого была более обширной, его власть ощущалась менее деспотично, и поэтому их положение значительно улучшалось. Однако только когда города были "свободны от империи" (*Reichsfrei*), они достигали идеала средневековой гражданской свободы.

Из описанных условий естественным образом следует, что в первую очередь возникал конфликт между первобытными жителями, воплощенными в их корпоративном обществе, и территориальным владыкой, кем бы он ни был. Не успело поселение получить хартию свободы или определенные иммунитеты, как возник новый антагонизм между древней корпорацией города и торговыми гильдиями, которые представляли собой более поздние дополнения. Территориальный лорд (если таковой имелся) теперь вставал, обычно, хотя и не всегда, на сторону патрициев. Но гильдиям все же удалось в конечном итоге вырвать многие ведущие государственные должности из исключительного владения патрицианских семей. Тем временем ведущие люди гильдий превратились в *приезжих*. Они приобрели богатство и

влияние, которое во многих случаях передавалось по наследству, и к началу XVI века столкнулись с более или менее завуалированной и более или менее открытой оппозицией мелких гильдийцев и новых приезжих в город, безработного пролетариата крепостных и свободных крестьян, которых экономическое давление быстро загоняло в стены, но которые, в силу кристаллизации гражданской организации, уже не могли быть в нее втянуты. К этой массе можно добавить некоторое количество обедневших бюргеров, которые, хотя номинально и входили в городскую организацию, были угнетены богатством магнатов, плебеев и патрициев.

С каждым годом увеличивалось число людей, которые в результате упадка или, можно сказать, краха феодальной системы были сорваны со старых привязей и брошены на произвол судьбы в мире, совершенно не готовом к такому увеличению числа практически бродяг. Никогда еще бродяги во всех странах Западной Европы не были так многочисленны, как в начале XVI века. Часть этих лишенных наследства людей поступала на службу к королям и князьям в качестве наемных солдат и таким образом становилась первым зародышем современной постоянной армии. Другая часть перешла в профессию попрошайки, которая, как теперь заметно на континенте, стала организована в ортодоксальной и традиционной форме в гильдии, каждая из которых имела своего мастера и других служащих. Еще одна часть искала более или менее постоянного места жительства в качестве подмастерьев ремесленников и неквалифицированных рабочих в городах. Этот факт заслуживает внимания как первое свидетельство появления пролетариата в современной истории. "Как видно, - пишет Фридрих Энгельс, [3] , - плебейская оппозиция тогдашних городов состояла из весьма смешанных элементов. Она объединяла вырождающиеся компоненты старой феодальной и гильдейской организации с еще неразвитым и зарождающимся пролетарским элементом современного буржуазного общества в зародыше. С одной стороны, это были обедневшие гильдейцы, которые благодаря своим привилегиям все еще были связаны с существующим гражданским порядком, с другой - служилые люди, которые еще не стали пролетариями. Между ними находились "компаньоны" (*Gesellen*), в кои-то веки оказавшиеся вне официального общества и по своему положению напоминавшие пролетариат настолько, насколько это было возможно при тогдашнем состоянии промышленности и при существовавших привилегиях гильдий. Но, тем не менее, почти все они были будущими гильдмастерами в силу этой самой гильдпривилегии". [4] Примечательной особенностью городской жизни того времени была сложность и дороговизна вступления в городскую организацию даже для статуса простого горожанина, а тем более для гильдсмана. За несколько десятилетий эта сложность чрезвычайно возросла.

Гильдии были характерны для всей средневековой жизни. По образцу деревни-общины, которая изначально основывалась на понятии родства, каждый интерес, ремесло и группа людей объединялись в "братство" или "гильдию". Идея индивидуальной автономии, индивидуального действия, полностью независимого от общины, - это современная идея, которая никогда не приходила в голову средневековья. Как мы уже отмечали выше, даже нищие и бродяги не могли представить себе, что попрошайничество может стать карьерой только под эгидой гильдии нищих. Гильдия не была похожа на современный коммерческий синдикат, абстрактное тело, объединенное лишь нитью одного непосредственного личного интереса, члены которого даже не знали друг друга. Членство в гильдии пронизывало всю жизнь средневекового человека - религиозную, общественную, социальную и

политическую. Гильдии в большей или меньшей степени напоминали масонские общества, чья деятельность ни в коем случае не ограничивалась только торговыми функциями, которые лежали на поверхности. "Бизнес" еще не начал поглощать всю жизнь человека. Ремесло или "тайна" были функцией, тесно переплетенной со всем конкретным социальным существованием. Но среди симптомов переходного периода, характерных для XVI века, интересно отметить, как уже говорилось выше, образование купеческих компаний помимо и вне старой гильдийской организации. Эти последние действительно кажутся своего рода предвестием колец, трестов и акционерных обществ наших дней. Много и горько было жалоб на то, как цены взвинчивались этими ранними примерами капиталистического синдиката, который мощно способствовал накоплению богатства на одном конце шкалы и усилению бедности на другом.[5]

Богатый бюргер не любил ничего, кроме показного изобилия богатства в своем доме, в своей одежде и на своих развлечениях. На одежду и украшения для себя и своей семьи он часто растрачивал то, что для его предка прошлого века могло быть состоянием всей жизни. Особенно это было характерно для рейхстагов и других имперских собраний, проводившихся в различных вольных городах, на которых были представлены все три феодальных сословия империи. Целью богатого советника или гильдмейстера в таких случаях было превзойти князей империи в великолепии своей персоны и заведения. Князь не любил, когда его опережали, и приучал себя к роскоши, тем самым неограниченно увеличивая собственные расходы. То же самое происходит со всеми сословиями.

Рыцарство и мелкие дворяне, не довольствуясь домашней пищей, стремились к дорогой одежде, дорогой еде и экзотическим винам и приближались к богатой обстановке городского магната. Одной-двух лошадей, доспехов, меча и копья, домашних пуантов, сделанных почти всегда в его поместьях, вина, выращенного в окрестностях, грубого овсяного хлеба, составляющие которого перемалывались на его собственной мельнице, оленины и дичи, добытых им самим или его немногочисленными помощниками, уже не хватало для удовлетворения потребностей рыцаря. Чтобы удовлетворить свои новые потребности, он должен был работать в двух направлениях. Раньше он почти не нуждался в деньгах. Он получал, как и отдавал, все в натуральном виде. Теперь же, когда ему пришлось иметь дело с зачатками мирового рынка, деньги стали первостепенной необходимостью. Первым и самым очевидным способом их получения было давление на крестьянина в его поместье, который, укушенный новой манией, также начал накапливать и превращать в деньги излишки продуктов труда в своем хозяйстве. Из того, что мы уже говорили о нравах и методах рыцарства, читатель вполне может представить, что оно без колебаний "сажало" непокорного крестьянина, как это называлось, то есть бросало его в темницу своего замка, если другие средства не могли заставить его отказаться от своих сокровищ, как только до его лорда доходило, что они у него есть. Но более обычным способом давления на крестьянина было удвоение и утроение десятины и других податей, наложение новых повинностей (многие из которых были совершенно необоснованными по обычаю) под любым предлогом или без него. Князья, светские и церковные, применяли те же методы в более широких масштабах. Часто церковные лорды изобретательно подделывали манориальные записи.

Вторым из упомянутых методов "поднятия ветра" был залог замка и земель городским синдикатам, занимавшимся денежным кредитованием, или, в случае крупных князей, самим городам в их корпоративном качестве. Евреи также получали свою долю земельных закладных. На самом деле было мало свободных или полусвободных крестьян, чьи земли не

были в той или иной степени заложены. Тем временем цены за несколько лет выросли до невероятных размеров.

Таковы были причины и результаты изменений в домашней жизни, которые экономическая эволюция конца Средневековья принесла всем классам.

Церковные лорды, или лорды духовные, ничем не отличались по своему характеру и поведению от мирских князей империи. В одном отношении они превосходили князей, а именно в подделке документов, о чем уже говорилось. Кроме того, роскошь, благодаря общению с Римом и, таким образом, косвенно с византийской цивилизацией, уже началась у прелатов в раннем Средневековье. Теперь оно вырвалось за все рамки. Церковные дворы стали местом разврата всех видов. Как мы увидим позже, они также стали местами, где впервые расцвела новая образованность. Но помимо общей роскоши, в которой высшие церковники превосходили светский элемент империи, существовала особая причина, делавшая их несносными и для крестьян, и для городов, и для их собственной феодальной знати. Этой особой причиной была огромная сумма, выплачиваемая Риму за паллиум или инвеституру - налог, который должны были собирать жители епархии при каждой смене архиепископа, епископа или аббата. Кроме того, весь доход за первый год после инвеституры поступал в папскую казну под названием аннатов. Это было постоянным источником дохода для церковных владений и, косвенно, для всей империи. Сюда же следует добавить расходы на частые поездки в Рим, где каждый сановник во время своей резиденции держал двор в стиле роскошного великолепия. Все эти расходы истощали ресурсы территорий, удерживаемых в качестве духовных вотчин, в более тяжелой степени, чем это происходило с другими территориями. Более того, система продажи индульгенций или отпущения всех грехов, совершенных до сих пор, теперь преследовалась в невиданных ранее масштабах, чтобы покрыть возросшие расходы папского престола, и особенно расходы на завершение строительства собора Святого Петра в Риме. Таким образом, с помощью своего рода добровольного налога богатства Германии были еще больше перенесены в Италию. Отсюда легко понять причину ядовитой ненависти, которая среди всех слоев населения империи постепенно накапливалась к папству течение более чем одного поколения и которая в конце концов нашла свое выражение в высказываниях Лютера.

Крестьянин того времени был трех видов: *лейбгейгенер* или крепостной, который был немногим лучше раба, обрабатывал владения своего господина, на которого можно было возложить неограниченные повинности и который во всех отношениях подчинялся воле своего господина; *хёригер* или холоп, чьи услуги были ограничены как в натуральном, так и в денежном выражении; и *фрайер* или свободный крестьянин, который просто платил практически квитанцию натурой или деньгами за то, что ему позволялось сохранить свое владение или статус в сельской общине под защитой господина манора. Последний был практически аналогом средневекового английского копигольдера. Немцы претерпели в основном те же изменения в социальной организации, что и другие народы Европы.

Варварские народы во время их великого переселения в пятом веке были организованы по племенному и деревенскому принципу. Вождь был просто *primus inter pares*. В ходе странствий успешный военачальник приобрел полномочия и занял положение, неизвестное в прежние времена, когда войны, как таковые, были лишь межплеменными и межродовыми, не включали в себя передвижения народов и федерации племен, и когда, как следствие, не возникало необходимости в постоянных военачальниках или подобии военной иерархии. Военный лидер теперь ставился во главе более древней социальной организации и связывался со своими ближайшими последователями на условиях, приближенных к

равенству. Известной иллюстрацией этого является случай с вазой, взятой из Реймского собора, и попытки Хлодовига спасти ее от своих независимых соратников.

Процесс развития феодальной государственности Средневековья, конечно, очень сложен из-за различных составляющих его нитей. Помимо самих германских племен, которые массово перемещались, неся с собой племенную и деревенскую организацию, под властью различных военных вождей, были и коренные жители, среди которых они оседали. Последние в сельских районах, даже на многих территориях Римской империи, в значительной степени сохраняли первобытно-общинную организацию. Поэтому новоприбывшие находили в сельских общинах уже существующую социальную систему, в которую они естественно вписывались, но как аристократическое сословие по сравнению с завоеванными жителями. Последние, хотя и не все были низведены до подневольного состояния, все же держали свои земли у завоевателей на условиях, которые представляли собой орден свободных людей, уступающих новоприбывшим.

Короче говоря, военные вожди превратились в баронов и князей, и в некоторых случаях номинальная централизация достигла кульминации, как во Франции и Англии, в королевской должности; в Германии и Италии она приняла форму возрожденной императорской власти, духовным владыкой всего христианства стал папа, имевший своих вассалов в лице князей-прелатов и подчиненных им церковных властей. Помимо князей, происходивших от военных вождей мигрирующих народов, существовали их свободные последователи, которые в конечном итоге превратились в рыцарство или низшее дворянство; жители завоеванных областей составляли отдельный класс низших свободных или крепостных. Но сугубо личные отношения, с которых начался весь этот процесс, вскоре переросли в отношения, основанные на собственности. Самая примитивная форма собственности - земля - вначале была так называемой *аллодиальной*, по крайней мере, среди расы завоевателей, поскольку каждая социальная группа владела под опекой своего главы землей, на которой она поселилась. Теперь, в силу потребностей времени, из-за необходимости защиты, насилия и религиозных мотивов, она переходила в руки владыки, временного или духовного, как его владение; а жители, даже в случае населения, которое не было фактически завоевано, становились его вассалами, холопами или крепостными, в зависимости от обстоятельств. Процесс, с помощью которого это происходило, был более или менее постепенным; действительно, полное исчезновение общинных прав, при котором полностью реализуется понятие частной собственности, не было повсеместно осуществлено даже на западе Европы вплоть до нашего времени.[6]

Из вышесказанного следует, что угнетение крестьянина в условиях феодализма Средневековья и особенно позднего Средневековья рассматривалось им как ущемление его прав. В период, составляющий средневековую историю, крестьянин, хотя и часто дремал, все же нередко пробуждался к внезапному осознанию своего положения. Память о первобытном коммунизме никогда не была окончательно изжита, и постоянные крестьянские бунты Средневековья, хотя и вызывались, вероятно, сразу же каким-то новым вторжением, с помощью которого у "простого человека" пытались вырвать еще один клочок его уцелевших прав, всегда имели на заднем плане идеал, пусть и смутный, его древней свободы. Таков, несомненно, был смысл Жакерии во Франции с ее дикой и, казалось бы, бессмысленной местью; восстания Уота Тайлера в Англии с его систематической попыткой воплотить смутные традиции первобытной деревенской общины в легендах современного церковного вероучения; многочисленных восстаний во Фландрии и Северной Германии; о гуситском движении в Богемии под руководством Зиски, о восстании под предводительством Георга Дозы в Венгрии; и, как мы увидим в основной части настоящей

работы, о социальных движениях реформационной Германии, на которых, за частичным исключением восстания Кета в Англии несколько лет спустя, мы можем считать, что они завершились.

Ведь движения, о которых идет речь, были явно последними в своем роде. Религиозные гражданские войны во Франции и великое восстание в Англии против Карла Первого, также принявшее религиозную окраску, открывают новую эру в народных восстаниях. В последнем случае, в частности, перед нами ясно видна попытка нового среднего класса города и деревни, независимого горожанина и теперь уже независимого йомена, утвердить свое господство над старыми феодальными сословиями или орденами. Новые условия сместили революционную традицию средневекового периода, чей золотой век остался в прошлом с его общинным владением и свободными людьми с равными правами на основе деревенской организации - правами, которые с каждым столетием крестьянин чувствовал все больше и больше ускользающими от него. На место этой традиции пришел идеал индивидуальной свободы, не связанной никакими социальными узами и основанной только на политике, путь к которой был подготовлен той самой концепцией индивидуального владения помещиком, против которой протестовали старые революционные настроения. Самым мощным инструментом в приспособлении умов людей к этому изменению взглядов, другими словами, к утверждению нового индивидуалистического принципа, было римское или гражданское право, которое в период, рассматриваемый в настоящей книге, стало основой, на которой решались спорные вопросы в императорских судах. В этом отношении также, хотя и в меньшей степени, можно упомянуть каноническое или церковное право, состоящее из папских декреталий по различным вопросам, которые были частично основаны на римском или гражданском праве, - юридическую систему, которая также полностью и почти исключительно признавала индивидуальное владение собственностью как основу гражданского общества (хотя и не без признания социальных обязанностей со стороны собственника).

Учеба начинала отделяться от церковной профессии и становилась определенным призванием в различных ее отраслях. Толпы студентов стекались в учебные заведения и, будучи странствующими учеными, зарабатывали на жизнь попрошайничеством или "исповедованием" медицины, оказывая помощь неграмотным за небольшую плату или творя чудеса, например, составляя гороскопы или выполняя тауматургические трюки. Профессора права теперь были самыми влиятельными членами Императорского совета и различных императорских судов. В Центральной Европе, как и в других странах, в частности во Франции, юристы-граждане всегда были на стороне централизованной власти, как против местных властей, так и против крестьянства.

Последствия завоевания Константинополя в 1453 году и последующего рассеивания накопленной греческой образованности Византийской империи к концу XV века начали проявляться в заметном изменении европейской культуры. Круг семи наук, *Quadrivium* и *Trivium*, иными словами, средневековая система обучения, начала устаревать. Схоластическая философия, то есть полемика скотистов и томистов, теперь устаревала. Платона превозносили за счет Аристотеля. Греческий и даже древнееврейский языки были востребованы. Сама латынь приобрела другой облик; латынь эпохи Возрождения - это классическая латынь, а латынь Средневековья - собачья латынь. Физическая Вселенная стала изучаться с совершенно новым интересом, но исследования все еще проводились под эгидой старых привычек мышления. Для исследователя эпохи Возрождения Вселенная, как и прежде, оставалась системой таинственных средств и магических сил. Однако было и

отличие: теперь пытались *систематизировать* магическую теорию Вселенной. В то время как простой человек хранил традиционные магические представления о мире природы, ученый человек выводил эти представления из неоплатоников, из Каббалы, из Гермеса Трисмегиста и из множества других источников и пытался упорядочить эту несколько разнородную массу эрудированных знаний в систему организованной мысли.

Гуманистическое движение, так называемое движение возрождения классической учености, началось в Германии еще до того, как началось то, что можно назвать *бурей и натиском* эпохи Возрождения. Главными выразителями этого старого гуманизма, датируемого серединой XV века, были Николай Куза и его ученики, Рудольф Агрикола, Александр Гегиус и Якоб Вимфелинг. Но новый гуманизм и новое движение Ренессанса в целом по Северной Европе сосредоточились в основном на двух личностях - Иоганне Рейхлине и Дезидерии Эразме. Рейхлин стал основателем нового изучения иврита, которое до этого времени ограничивалось исключительно синагогой. Именно он открыл тайны Каббалы языческому миру. Но хотя именно за введение изучения иврита Рейхлин наиболее известен потомкам, его заслуги в распространении и популяризации классической культуры были огромны. Спор Рейхлина с церковными властями Кельна взволновал литературную Германию из конца в конец. Это была первая общая стычка нового и старого духа в Центральной и Северной Европе. Но человеком, которому суждено было стать олицетворением Гуманистического движения, как называли новое учение, был Эразм. Незаконнорожденный сын дочери роттердамского мещанина, он рано прославился благодаря своей эрудиции, несмотря на неблагоприятные обстоятельства своей юности. Как и все ученые его времени, он быстро переезжал из одной страны в другую и в конце концов обосновался в Базеле, находившемся в то время на пике своей славы как литературный и типографский центр. Все интеллектуальное движение того времени сосредоточено вокруг Эразма, что особенно заметно в карьере Ульриха фон Хуттена, о котором пойдет речь в этой истории. В качестве примеров классицизма этого периода можно отметить равномерную замену отчества на классический эквивалент или некий классический эквивалент, предполагаемый как эквивалент. Так, имя Эразм само по себе было классицизмом имени его отца Герхарда, немецкое имя Мут стало Мутианом, Триттхайм - Тритемием, Шварцерд - Меланхтоном и так далее.

Мы уже говорили о другой стороне интеллектуального движения этого периода. Эта другая сторона проявилась в мистических попытках свести природу к закону в свете традиционных проблем, которые были поставлены, а именно: алхимии и астрологии: открытие философского камня, трансмутации металлов, эликсира жизни, и соответствий между планетами и земными телами. Среди наиболее выдающихся представителей этих исследований можно назвать Филиппа фон Гогенгейма, или Парацельса, и Корнелия Агриппу из Неттесгейма в Германии, Нострадамуса во Франции и Кардануса в Италии. Эти люди представляли тенденцию, которой придерживались тысячи людей в ученом мире. Это была тенденция, которая имела честь быть последней в истории, воплотившейся в отдельном мифическом цикле. Возможно, "Доктор Фаустус" имел исторические корни; но в любом случае "Доктор Фаустус", известный в легендах и литературе, - это всего лишь олицетворение практической стороны нового обучения. В умах людей просыпался интерес к природе. Был один человек, Коперник, который, по крайней мере частично, прорвался сквозь традиционную атмосферу, окутывавшую природу, и его проницательности мы обязаны основанием астрономической науки; но в остальном вся интеллектуальная атмосфера была заряжена оккультными взглядами. На самом деле, ученый мир XVI века вполне мог бы найти себя в притязаниях и фантазиях наших теософов *конца века*, с их представлениями о том, как сделать чудеса не чудесными, как свести чудесное к тому, что

является лишь результатом проникновения в тайные силы природы со стороны некоторых провидцев и исследователей. Каждый чудотворец был принят с распростертыми объятиями как учеными, так и неучеными. Возможность создания того, что выходило за рамки обычных природных явлений, ни у кого не вызвала серьезных сомнений. Заклинания и чары, колдовство, расчеты нативов - все это серьезно изучалось в университетах и судах. Конечно, были люди, которые охотно выявляли самозванцев, и среди них самые ревностные приверженцы оккультных искусств - например, Триттхайм и ученый гуманист Конрад Мут или Мутианус, оба из которых признавались, что считали Фауста мошенником. Но это не означало неверия в возможность предполагаемых притязаний. В фаустовской мифе, кроме того, воплотилось противостояние между новой наукой с ее физической стороны и старой религиозной верой. Теория о том, что исследование тайн природы таит в себе нечто зловещее и дьявольское, скрывавшееся на протяжении всего Средневековья, была выдвинута на первый план новыми религиозными движениями. Популярное ощущение, что грань между естественной магией и черным искусством несколько сомнительна, что одно имеет тенденцию перетекать в другое, теперь получило новый стимул. Понятие о договорах с дьяволом было хорошо знакомо, и то, что к нему прибегали с целью приобщения к тайным знаниям и магическим силам, казалось вполне естественным.

Из сказанного уже ясно, что религиозное восстание имело в значительной степени экономические причины. Сильная ненависть, свойственная как мелкому дворянству, так и мещанам и крестьянам, к церковной иерархии, очевидно, была вызвана ее постоянно растущими поборами. Внезапное увеличение продажи индульгенций, как последняя соломинка, сломало всю систему; но любой другой инцидент мог бы послужить этой цели с тем же успехом. Князья-прелаты в некоторых случаях изначально были не против этого движения; они были бы не прочь превратить свои территории в светские вотчины империи. Только после того, как эта надежда была оставлена, они окончательно встали на сторону папской власти.

Таким образом, начало шестнадцатого века представляет нам средневековое общество, социальное, политическое и религиозное, "загубленное". Феодальная организация внешне оставалась нетронутой; крестьянин, свободный и подневольный, составлял основу; над ним возвышалось рыцарство или низшее дворянство; параллельно с ними существовал *эрбаркейт* менее значительных городов, державшийся на посреднических началах; над этими городами возвышались свободные города, державшиеся непосредственно от империи, организованные в три органа: правящий совет, в котором обычно преобладал *эрбаркейт*, если он не составлял его полностью, общий совет, состоявший из мастеров различных гильдий, и общий совет свободных граждан. Подмастерья, чье положение определялось тем, что они находились вне гильдий, обычно имели свои собственные гильдии. Над вольными городами в социальной пирамиде стояли светские и церковные князья империи, главой которых была Коллегия выборщиков, или семь князей-избирателей. Они составляли феодальные "сословия" империи. Затем шел король римлян; и, как вершина целого, папа римский в одной функции и император в другой венчали это сооружение. Верховенство не только Папы, но и дополнительного временного главы средневекового государства, императора, было признано теневым образом даже в таких странах, как Франция и Англия, не имевших прямой связи с Империей. Ибо, как духовная власть была мирской, так и мирская политическая власть имела, как и все остальное в Средние века, квазирелигиозное значение.

Умы людей в спекулятивных вопросах, в теологии, философии и юриспруденции, перерастали старые доктрины, по крайней мере, в их старых формах. В богословии понятие о спасении по вере отдельного человека, а не по факту принадлежности к корпоративной организации, что было средневековой концепцией, было скрыто в умах множества религиозных людей еще до того, как Лютер придал ему выражение. Отвращение к схоластике, порожденное возрожденным знанием древнегреческих философий в оригинале, породило любопытную амальгаму; но схоластические привычки мышления все еще оставались доминирующими во всем этом. Новые теории природы представляли собой не более чем старые суеверия, систематизированные и сведенные к правилам, хотя то тут, то там проглядывала более поздняя физическая наука, основанная на наблюдениях и экспериментах. В юриспруденции эпоха отмечена окончательным завоеванием римского гражданского права, если не в форме, то в духе, над старыми обычаями, дофеодальными и феодальными. Этот пестрый мир распавшихся рыцарей, щедрых князей, угнетенных и мятежных крестьян, буйных горожан, развратных монахов и монашек, ученых-богомольцев и наемных солдат - мир, некоторые из наименее известных аспектов которого мы собираемся рассмотреть на следующих страницах.

ССЫЛКИ:

[1] Мы, конечно, имеем дело с Германией, но практически тот же курс был пройден в развитии муниципалитетов в других частях Европы.

[2] *Einleitung*, pp. 255, 256.

[3] *Der Bauernkrieg*, p. 31.

[4] В ремесленных гильдиях было три ступени: подмастерье, компаньон и мастер. Каждый гильдиец должен был пройти через них.

[5] См. Приложение А.

[6] См. "Введение в историю марки" фон Маурера; "Деревенские общины" Гомма; "Конституционную историю" Стаббса.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ СОЦИАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО БУНТА.

Отголоски гуситского движения в Богемии далеко разнеслись по Центральной Европе в начале XV века. Зиска не зря завещал свою кожу для изготовления барабана, ведь отзвуки его ударов еще много лет раздавались в Чехии и по всей Центральной Европе. Ученики движения поселились в разных странах и стали центрами пропаганды, а само движение привязалось к крестьянскому недовольству. Среди различных волнений, которые происходили, есть одно или два, которые могут привлечь наше внимание из-за их важности и типичного характера.

В 1476 году, когда Рудольф Шеренбергский занимал епископский престол Вюрцбурга, один пастух по имени Ганс Бохайм из соседней деревни Никлашаузен, привыкший трубить в трубы и барабанить на местных праздниках в местах на берегу маленького ручья Таубер, вдруг загорелся желанием проповедовать об обращении своих соседей от их грехов. Ему показалось, что его жизнь до сих пор была греховной; он отказался от всякого участия в деревенских праздниках, стал мечтателем и объявил, что у него были видения Богородицы. В середине Великого поста он объявил, что ему дана божественная миссия от самой Богоматери, чтобы он сжег свою трубу и барабан и полностью посвятил себя проповеди Евангелия среди простых людей. Все должны были оставить свой прежний образ жизни, отбросить все личные украшения и в скромном одеянии совершить паломничество в Никласхаузен и там поклониться Деве Марии так, как они считают спасением своих душ. Во всем этом не было ничего тревожного для властей. Крестьянские вдохновения были отнюдь не редкостью в Средние века; но дело приняло другой оборот, когда новый провидец, Ганс Пфайферляйн, или "маленький волынщик", как его прозвали, объявил, что Царица Небесная открыла ему, что отныне не должно быть ни императора, ни папы, ни князя, ни какой-либо светской или духовной власти; но что все люди должны быть братьями, зарабатывать свой хлеб в поте лица своего и одинаково участвовать во всех делах. Не должно было быть больше никаких поборов и повинностей; земля, леса, пастбища и вода должны были быть свободными. Новое Евангелие сразу же прижилось. В Никласхаузен со всех сторон хлынули крестьяне - мужчины и женщины, молодые и старые, подмастерья, парни с пашни, девушки с полей, с серпами в руках, без разрешения господина или хозяина и без какой-либо подготовки. Пищу, необходимую одежду и кров им давали те, кто уже принял новое Царство Божье. Всеобщим приветствием среди паломников было "брат" и "сестра".

Так продолжалось несколько месяцев, причем молодой пророк выбирал для своих выступлений главным образом воскресные и праздничные дни. Не зная даже грамоты, он пользовался поддержкой священника Никласхаузена и, возможно, еще двух-трех влиятельных лиц. К святыщу Никласхаузена приносили множество подношений. Почти каждый, кто отправлялся в путь, оставлял после себя какой-нибудь знак, будь то грубая крестьянская шапка или восковая свеча. Те, кто мог себе это позволить, дарили дорогую одежду и украшения. Провозглашение всеобщего равенства было действительно Евангелием, которое привлекало простых людей; восстановление их старых прав, освобождение от всех форм угнетения, как провозглашение с небес, были для него вестью великой радости. Пророческого юношу все приветствовали как нового Мессию. После каждой недельной проповеди он приглашал прихожан вернуться на следующей неделе с удвоенным числом; и его веления неизменно выполнялись. Мужчины, женщины и дети падали перед ним на колени, восклицая: "О, человек Божий, посланный с небес, смилуйся над нами и пожалей нас". Они вырывали шерстяные нитки из его лохматой овчины, считая их священными реликвиями. Священники окрестных районов утверждали, что он колдун и одержим дьяволом, что ему явился волшебник в белом одеянии в виде Богородицы и внушил ему пагубные доктрины, которые он проповедовал. О его чудесах говорили во всех окрестностях. Епископы Майнца и Вюрцбурга, а также Нюрнбергский совет запретили своим холопам под угрозой наказания совершать паломничество в Никлашаузен. Но эффект от таких мер длился недолго.

Наконец, в воскресенье, накануне дня святого Килиана, Ганс Бохайм, закончив свою речь, пригласил слушателей, как обычно, прийти в следующий раз. Однако на этот раз он приказал явиться только мужчинам, но с оружием и боеприпасами; женщины и дети должны

были остаться дома. Не успели вести о таком повороте дел дойти до ушей епископа Вюрцбургского, как тот решил воспрепятствовать движению. После наступления ночи он послал тридцать четыре конных воина в Никласхаузен; они ворвались к спящему юноше, вырвали его из дома, где он лежал, и поспешили в Вюрцбург, связанного, верхом на лошади. Но поскольку дело было к концу недели, в Никласхаузен уже прибыло 4000 паломников, которые, услышав весть о нападении, поспешили за мародерами и настигли их неподалеку от Вюрцбургского замка. Один из рыцарей был ранен, но его товарищам удалось отнести его в стены. Крестьянам не удалось спастись. К воскресенью в Никласхаузене собралось 34 000 крестьян, но сообщение о взятии Бохайма подействовало угнетающе, и несколько тысяч вернулись домой. Тем не менее, среди них были, которые, подстрекаемые, вероятно, другом Бохайма, приходским священником Никласхаузена, пытались сплотить оставшуюся толпу и подстрекать ее к новой попытке спасения. Один из них утверждал, что ему явилась Святая Троица, и велел идти со свечами в руках к замку Вюрцбург, чтобы двери сами собой открылись, и пророк вышел их поприветствовать. Около 16 000 человек последовали за этими предводителями, пройдя многочасовой ночной марш и прибыв рано утром к замку с горящими свечами и вооруженные самым грубым оружием. Кунц фон Тунфельд, дряхлый рыцарь, и Михаэль, его сын, стали во главе этой пестрой группы. Маршал замка принял их, требуя удовольствия. "Нам нужен святой юноша", - сказали крестьяне. "Отдайте его нам, и все будет хорошо; откажитесь, и мы применим силу". Когда маршал замешкался с ответом, его встретили камнями, которые заставили его искать безопасности в стенах. Епископ открыл огонь по крестьянам, но через некоторое время послал одного из своих рыцарей объявить, что дело их проповедника будет рассмотрено в надлежащее время и в надлежащем месте, призывая их в то же время немедленно покинуть город в соответствии с их обетами. Уговорами и угрозами он добился своего; отряды сняли осаду замка и разошлись по домам разрозненными группами. Негодяй заметил, что ничего не подозревающие крестьяне спокойно расходятся по домам небольшими группами, не помышляя о военных действиях, и приказал своим рыцарям преследовать их, нападать на них с тыла и убивать или захватывать главарей. Бедняги, тем не менее, мужественно защищались от этого трусливого натиска; двенадцать из них были убиты на месте; многие из оставшихся нашли убежище в церкви соседней деревни. Угрожая огнем и мечом, они сдались, их привезли в Вюрцбург и бросили в подземелья замка. Большинство из них вскоре освободили, но крестьянин, которому якобы было видение Святой Троицы, а также тот, кто ранил рыцаря во время попытки спасения за несколько дней до этого, были заключены в тюрьму, а в следующую пятницу обезглавлены за пределами замка. Ганс Бохайм был в это же время сожжен дотла. Лидер восстания, Кунц фон Тунфельд, феодал епископа, бежал с территории, и ему разрешили вернуться только после того, как он официально передал свои земли в вечное владение епископству. Такова история движения, которое можно считать одним из непосредственных предшественников крестьянской войны.

В 1491 и 1492 годах произошло восстание угнетенных и ограбленных холопов аббата Кемптена. Церковники этого домена исчерпали все возможные средства, чтобы ущемить несчастных крестьян, а множество свободных холопов были превращены в крепостных с помощью поддельных документов. Однако непосредственной причиной восстания стал захват аббатом запасов вина только что умершего крестьянина, а также лошади, на которую он имел право претендовать. Разъяренные крестьяне набросились на монастырь, и аббату пришлось удалиться в свою крепость, замок Либентан, расположенный неподалеку. Император в конце концов вмешался, и добился компромисса. Но первое организованное крестьянское движение произошло в Эльзассе[7] в 1493 году, и в его рядах были как мещане, так и крестьяне. В большинстве своем они были феодалами епископа Страсбургского. Ловкими путями члены этой тайной организации добивались до холма Хунгерберг,

расположенного к северо-западу от маленького городка Шлеттштадт. Предполагаемыми целями объединения были полная свобода для простого человека, реформа церкви в том смысле, что ни один священник не должен иметь более одного благочиния, введение юбилейного года, в который должны быть отменены все долги, отмена всех десятин, пошлин и других обременений, а также упразднение духовных судов и территориального юридического суда в Ротвайле. Среди статей также фигурирует *Judenhetze*. Лидером этого движения был некто Якоб Вимпфелинг. Программа и план действий заключались в том, чтобы захватить город Шлеттштадт, разграбить находящийся там монастырь, а затем форсированными маршами распространиться по всему Эльзасу, удивляя один город за другим.

Похоже, что это было первое крестьянское движение, получившее название *Bundschuh*, а почти суеверное значение, придаваемое подобному знаку, выбитому на флаге, характерно для Средневековья. Знамя было результатом тщательных обсуждений, и в итоге было решено, что как рыцарь отличается своими шпорами, так и крестьянин, поднимающийся за справедливость для своего класса, должен взять в качестве своей эмблемы обычный ботинок, который он привык носить, зашнурованный от лодыжки до колена кожаными ремешками. Они горячо надеялись, что как только это знамя будет выставлено, все способные сражаться люди из деревень и небольших городов сбегутся под знамена.

Как раз в тот момент, когда все было готово к намеченному удару, *Бундшух* разделил общую судьбу подобных движений и был предан; и это несмотря на страшные угрозы, которые раздавались всем присоединившимся, в случае если они окажутся предателями. Следует признать, что в том, как было зачислено множество людей, было много глупости, что, возможно, и привело к скорому предательству. Всех, кого подозревали в причастности к движению, заставляли присягать на верность тайной лиге. Сразу же после предательства рыцарские отряды прочесывали страну, безжалостно хватая всех подозреваемых в причастности к заговору и таща их в ближайший трибунал, где их пытали и в конце концов четвертовали живыми или вешали. Многим из беглецов удалось укрыться в Швейцарии, где их, судя по всему, встретили благосклонно. Но *Бундшух* только спал, он ни в коем случае не был потушен.

В 1502 году, девять лет спустя, епископству *Шпейерскому*, двор которого отличался экстравагантностью и тиранией, пришлось столкнуться с еще одним *бундшутом*. Во главе этого второго движения стояли умелые люди, и оно охватило почти все регионы Верхнего и Среднего Рейна. Оно также носило характер заговора, а не открытого восстания. В течение нескольких недель в лиге присягнули 7000 мужчин и 400 женщин из большого числа деревень, хуторов и небольших городов, поскольку крупные города были намеренно оставлены в стороне, так как движение было в основном крестьянским. Центром движения стала деревня и *марка* Унтергрюнбах. Его целью было полное уничтожение существующей церковной и феодальной организации империи. В уставе объединения говорилось следующее: "Мы объединились для того, чтобы быть свободными. Мы освободимся с оружием в руках, ибо мы будем как швейцарцы. Мы искореним и упраздним все власти и господства на земле, и пойдем против них с силой нашего войска и с хорошо вооруженной рукой под нашим знаменем. И все, кто не почитает и не признает нас, будут убиты. Князья и дворяне будут сломлены, и с ними будет покончено, мы возьмем штурмом духовенство в их фундаментах и аббатствах. Мы одолеем их, выследим и убьем всех священников и монахов вместе". Имущество духовенства и дворян должно было быть конфисковано и поделено; как и в первом случае, все феодальные повинности должны были быть отменены, первобытный

коммунизм в использовании земли и того, что на ней находилось, должен был быть возобновлен. Пасс-слово, с помощью которого члены организации узнавали друг друга, было ответом на вопрос:

"Как дела?". Вопрос и ответ были в форме рифмы:...

"Loset! Was ist nun für ein Wesen?"

"Wir mögen vor Pfaffen und Adel nit genesen".

Это можно перефразировать следующим образом.

"Ну, теперь! А как обстоят дела?"

"Священников и дворян у нас достаточно и с избытком".

Идея заключалась в том, чтобы в подходящий момент, как это сделали швейцарцы, освободиться от всех промежуточных владык и не признавать никакого господина ниже короля римлян и императора. Девизом их флага стал лозунг "Нет ничего, кроме справедливости Божьей", а цветами - белый и синий. Перед фигурой распятия стоял на коленях крестьянин, а внизу был изображен большой *бундшут* - знак, ставший теперь символом крестьянского движения. С безупречным тактом руководители восстания запретили кому-либо из членов идти на исповедь, и именно пренебрежение этим приказом привело к предательству дела. Крестьянин на исповеди открыл тайну священнику, а тот, в свою очередь, - властям. Экклезиасты, князья и вельможи сразу же приняли свои меры. Последовали самые варварские преследования и наказания всех подозреваемых в причастности к заговору *Бундшу*. У них конфисковывали имущество, изгоняли из страны жен и детей, а самих во многих случаях четвертовали живьем; наиболее выдающихся людей, проявляя утонченную жестокость, тащили к месту казни, привязав к конскому хвосту. Огромная паника охватила все привилегированные сословия, от императора до рыцаря. Они искренне обсуждали ситуацию не менее чем на трех отдельных сословных собраниях. Большому числу участников этого второго *бундшута* удалось спастись благодаря мужеству и преданности крестьян. В спешном порядке было собрано несколько отрядов, которые, хотя и были недостаточны для успешного восстания, смогли сдерживать рыцарских воинов и *ландескнехтов* в критические моменты, чтобы дать людям, которые действительно были жизнью и разведкой движения, время сбежать в Швейцарию или на другие территории, где они были неизвестны. В некоторых случаях тайна сохранялась настолько хорошо, что местные организаторы оставались незамеченными даже в своих деревнях.

В течение десяти лет после краха второго *бундесвера* в рейнском округе крестьяне молчали. Лишь в 1512 году ситуация вновь начала подниматься. Одним из лидеров, ускользнувших от внимания при подавлении прежнего заговора, был Йосс Фриц. Сам он был уроженцем Унтергрюнбаха, который был его резиденцией. Там он исполнял *обязанности баннварта* или егеря окружающих земель. Около десяти лет Йосс скитался из страны в страну, но среди всей своей борьбы за существование он никогда не забывал о *Бундшухе*. Йосс был красивым мужчиной, с хорошими и даже превосходными манерами. Он был очень аккуратен в одежде: то в черном камзоле с белыми рукавами, то в красном с желтыми рукавами, то в черном с зелеными рукавами. Похоже, что когда-то он был *ландескнехтом* и, несомненно, принимал

участие в различных кампаниях в качестве военного. Будь то его воинственная осанка или увлекательный характер, очевидно, что Йосс Фриц был прирожденным лидером людей. Около 1512 года Йосс поселился в деревне под названием Лехен, в нескольких милях от города Фрайбург, что в Брейсгау. Здесь он снова получил должность *Баннварта* и начал всерьез собирать воедино разрозненные нити старого движения и рекрутов. К работе он приступал осторожно; сначала он ограничивался общими жалобами на вырождение времени в деревенской таверне или перед дверями дачников летними вечерами. Вскоре он стал центром восхищенной группы свинов, которые смотрели на него как на человека, много путешествовавшего по миру, охотно искали его разговоров и следовали его советам в своих личных делах.

По мере того как Джосс убеждался, что завоевывает доверие соседей, его обличения пороков времени становились все серьезнее и настойчивее. В то же время он делал намеки на конечный результат существующего положения вещей. Но только спустя много месяцев он решился рассказать о настоящей цели своей жизни. Однажды, когда все они собрались вокруг него, он намекнул, что, возможно, сможет рассказать им что-то полезное, если только они обязуются хранить тайну. Тогда он взял с каждого по отдельности и, успокоив совесть человека заверением, что предложение, для которого он требовал строгой секретности, было благородным, изложил свой план организации всех угнетенных, начинание, которое, как он утверждал, полностью соответствует Священному писанию. Он никогда не настаивал на немедленном присоединении к организации, но предпочитал оставить своего человека на обдумывание вопроса.

Иногда Джосс навещал своих соседей в их домах, объясняя им, как все древние обычаи, права и традиции нарушаются ради удовлетворения алчности правящих классов. Он выдвинул в качестве цели мероприятия отказ от выплаты процентов после того, как они составили эквивалент первоначальной суммы займа, а также то, что никто не должен был отдавать своему господину более одного дня службы в год. "Мы будем, - заявил он, - управлять собой в соответствии с нашими старыми правами и традициями, которых нас насильно и несправедливо лишили наши господа. Вам хорошо известно, - продолжал он, - как долго мы излагали свои претензии австрийскому правительству в Энсисхайме".[8]

От разговоров о мелких обидах Жосс постепенно перешел к разработке своей схемы свержения феодализма и установления условий, равносильных первобытным. В то же время он назначил своим слушателям встречу в определенный час на лугу, называемом *Хардматте*, который находился за пределами деревни и огибал лес. В назначенное время в тишину, нарушаемую лишь звуками утихающей на ночь природы, вторгся нетерпеливый говор деревенских жителей. Собрав всю свою маленькую компанию, Йосс Фриц впервые полностью разработал свои планы. В будущем, говорил он, мы должны позаботиться о том, чтобы у нас не было других владык, кроме Бога, папы и императора; суд в Ротвейле, по его словам, должен быть упразднен; каждый должен иметь возможность добиться правосудия в своей родной деревне, и ни одному церковнику не должно быть позволено иметь более одного благочиния; излишки монастырей должны быть распределены между бедняками; должны быть отменены повинности и поборы, которыми обременены крестьяне; должен быть установлен постоянный мир во всем христианстве, так как вечная вражда знати означала разорение и несчастье для крестьян; наконец, должен быть восстановлен первобытный коммунизм в отношении лесов, пастбищ, воды и погони.

Предложения Йосса Фрица нашли отклик в сердцах слушателей. И только когда он закончил свою речь, настаивая на необходимости создания нового *бундшута*, некоторые из них отступили и отправились за советом к деревенскому священнику. Отец Иоанн (так его звали), однако, был полностью согласен с Йоссом и ответил, что эти предложения - действительно богоугодное дело, успех которого предсказан в самом Писании.

Встречи на *Хардматте* привели к созданию своего рода комитета, состоящего из тех, кто был наиболее предан этому делу. Это были Августин Эндерлин, Килиан Майер, Ганс Фройдер, Ганс и Кариус Хайц, Петер Штублин, Якоб Хаузер, Ганс Хуммель - Хуммель был родом из окрестностей Штутгарта - и Иероним, тоже чужестранец, подмастерье-пекарь, работавший на мельнице в Лехене, который много путешествовал и приобрел значительный ораторский опыт. Все эти люди неустанно старались заполучить новобранцев для нового движения. Подготовив их умы, они передавали новичков Джоссу для более глубокого посвящения, если тот считал нужным. Он учил их не в крестовых походах и паломничествах, а в *Бундшухе*, где они должны были получить "святую гробницу". Истинная "святая гробница" должна была быть найдена, а именно, в слишком давно похороненных свободах народа. Новый *Бундшух*, утверждал он, простирался вплоть до Кельна и охватывал членов всех орденов.

До приезда в Лехен Йосс Фриц действительно путешествовал по Шварцвальду и округу Шпейер, пытаясь, отнюдь не безуспешно, воссоединить раздробленные и разрозненные ветви старого *бундшута*. Среди друзей, которых он приобрел на этом пути, был бедный рыцарь по имени Штоффель из Фрайбурга. Этот рыцарь постоянно путешествовал по городу; он всегда был тщательно одет и обычно ездил на белом коне. Миссионеры *Бундшуха* под руководством Йосса Фрица принимали разные обличья: то они были крестьянами, то горожанами, то обветшавшими рыцарями, в зависимости от местности, которую они посещали. Организация движения осуществлялась по принципам, которые впоследствии были воспроизведены в восстании фениев. Оно было организовано в "кружки", члены которых знали друг друга, но не тех, кто находился за пределами "кружка". Даже гильдия нищих была привлечена к работе, и нищие были очень полезными помощниками, благодаря своим кочевым привычкам. Главы "кругов" с определенной периодичностью сообщали друг другу о количестве новобранцев и моральном состоянии своих членов. Они сравнивали записи с двумя лидерами движения, Джоссом и его другом Стоффелем, которые постоянно ездили с места на место, чтобы держать своих работников в тонусе. Сборы проводились как в самом Лехене, после наступления темноты, так и на лесной поляне неподалеку от деревни. Деревенские таверны, как правило, кухни крестьян с лучшими доходами, естественно, были одним из лучших мест для вербовки, а сами хозяева часто возглавляли "кружки". Странными и живописными должны были быть эти встречи после наступления ночи, когда члены "круга" собирались вместе, крестьяне в своих простых синих или серых одеждах и кожаных бушлатах, лидеры в, как нам кажется, фантастических костюмах того времени: красные чулки, колготки и дублет, перерезанные ярко-желтым, или все платье из желтого, перерезанного черным, сутулая шляпа со страусовым пером, дополняющая все это; Короткая шпага у вождей и мотыга или другое сельскохозяйственное орудие у крестьян составляли оружие компании.

Существовал видимый знак, по которому братья узнавали друг друга: это был знак в виде буквы Н, из черного материала с красным полем, пришитый к нагрудной одежде. Повидимому, существовал и другой знак, который некоторые члены носили вместо вышеупомянутого; он состоял из трех крестообразных прорезей или прорезей в ткани

правого рукава. Этот *бундшух*, как и предыдущий в Унтергрюнбахе, имел свой контрзнак, который, к чести всех заинтересованных сторон, никогда не раскрывался и не известен до сих пор. Новый *Бундшух* был тщательно организован со всеми его должностными лицами, никто из которых не получал денег за свои услуги.

Составленный устав был результатом многих ночных собраний на *Хардматте* и воплотил в себе основные положения, на которых настаивал Йосс в своих обращениях к крестьянам. Они включали в себя отмену всех феодальных властей. Только Бог, Папа и Император должны были признавать власть. Суд в Ротвейле и все церковные суды должны были быть упразднены, а правосудие, как и прежде, возлагалось на сельский совет. Проценты, выплачиваемые по долгам заложенных крестьянских наделов, должны были быть отменены. Рыбная ловля, охота, леса и пастбища должны были быть бесплатными для всех. Духовенство должно было быть ограничено одним благочинием. Монастыри и церковные фонды должны были быть сокращены, а их излишнее имущество конфисковано. Все феодальные повинности должны были прекратиться.

О странном и почти тотемистическом суеверии, которое средневековый ум придавал символизму, здесь свидетельствует первостепенное значение, которое приобрел вопрос о знамени. Знамя было дорогим, а *бундшу* - бедным, но знамя было первой необходимостью любого движения. В данном случае было обязательно, чтобы на знамени был начертан *бундшут*. Художники того времени возражали против того, чтобы рисовать *бундшух* на знаменах; они боялись быть скомпрометированными. Поэтому, прежде всего, нужно было иметь много денег, чтобы подкупить какого-нибудь художника. Килиан Майер отдал пять чанов вина булочнику, тоже члену братства, во Фрайбурге, чтобы тот продал их в этом городе. Вырученные деньги были принесены Йоссу в качестве взноса в фонд знамен. Многие другие поступали так же; некоторые из тех, кто встречался на *Хардматте*, однако, возражали против этого налога. Но в конце концов Джоссу удалось, то ли с помощью крючка, то ли с помощью мошенничества, собрать все, что считалось необходимым. Тогда Джосс обратился к "брату" из отдаленной части страны, никому не известному во Фрайбурге, с просьбой отправиться в этот город и найти маляра. Брат в страшных предчувствиях отправился в дом маляра Фридриха, но поначалу, похоже, не знал, зачем пришел. С большими колебаниями он в конце концов выдал из себя, что ему нужен нарисованный *бундшут*. Фридриху это предложение совсем не понравилось, и он выгнал несчастного крестьянина на улицу, велел ему впредь не приходить с такими сомнительными заказами. Художник тут же сообщил о случившемся в городскую управу Фрайбурга, но поскольку те не знали, откуда пришел и куда ушел таинственный, им пришлось оставить это дело в покое. Однако они отдали приказ всем истинным и верным бюргерам быть начеку в поисках новых следов злодеяния.

После этой неудачи Джосс решил, что ему лучше самому взяться за дело. Был еще один фрайбургский художник, по имени Теодосий, который как раз в то время писал фрески в церкви в Лехене; к нему Йосс отправился однажды вечером вместе с Гансом Эндерлином, авторитетным человеком в деревне, и Килианом Майером. Они пригласили его в дом одного из них и опустошили множество мер вина. Напившись досыта, они отправились гулять в сад, как раз когда начали выходить звезды. Джосс подошел к художнику со своим проектом. Он рассказал ему, что в деревне есть незнакомец, который хочет нарисовать небольшое знамя и просит его (Джосса) заплатить за это. Феодосий проявил покладистость в этом вопросе, но пожелал узнать, что должно быть изображено на знамени. Как только Жосс упомянул слово *Bundschuh*, достойный художник взвился в воздух и поклялся, что ни за какие богатства Священной Римской империи он не возьмется за такое дело. Все поняли, что дальше давить

на него бесполезно, и довольствовались тем, что пригрозили ему страшными последствиями, если он разгласит разговор, который вел с ними. Ганс Эндерлин также напомнил ему, что он уже дал клятву хранить тайну во всех делах, связанных с деревней, когда он согласился работать в церкви, и это обстоятельство весьма любопытно иллюстрирует условия средневековой жизни. Художник, опасаясь не получить плату за работу в церкви, если не хуже, благоразумно промолчал.

Джосс был в затруднении. Шелк для флага был уже куплен и даже сшит; цвета были синие, с белым крестом посередине; но начинать работу до того, как будет нарисован знак *бундшута*, никому не приходило в голову. В соответствии с существующей верой в магию, предполагалось, что сам символ обладает некой силой, без помощи которой невозможно надеяться на успех. Джоссу ничего не оставалось, как отправиться в путешествие в вольный город Хайльбронн в Швабии, где, как он знал, жил художник с некоторыми способностями. Прибыв туда, Жосс скрыл свою истинную цель, выдав себя за швейцарца, который, сражаясь в великой битве, дал обет, что если он выйдет живым и невредимым, то совершит паломничество в Ахен (Экс-ла-Шапель) и там посвятит знамя Богородицы. Он попросил художника сделать для него подходящий эскиз с распятием, Богородицей и святым Иоанном Крестителем, а под ним - *бундесверк*. Хайльброннский художник был ошеломлен последним предложением и спросил, что он имеет в виду. Йосс сделал совершенно невинный вид и сказал, что он сын сапожника из Штайн-ам-Рейна, что у его отца *бундшух* был фирменным знаком, и чтобы было известно, что подарок от него, он хотел бы, чтобы на нем была изображена эмблема его семьи. Вокруг флага должны были быть слова: "Господи, защити Божественную справедливость Твою". Эти изображения преодолели сомнения художника, и через несколько дней знамя было готово. Спрятав его под дублет, Джосс поспешил вернуться в Лехен.

Наконец все было готово к великому перевороту. 19 октября в соседней деревне проходил *Кирхвайхе* (деревенский праздник, ежегодно проводимый в день имени святого покровителя одной из деревенских церквей). Именно на эту дату было назначено последнее общее собрание заговорщиков, чтобы определить план нападения и решить, будет ли его объектом Фрайбург или какой-нибудь более мелкий город по соседству. Эльзасским конфедератам было приказано, как только в Брейсгау (Баден) будет поднят штандарт восстания, переправиться через Рейн в Буркхайм, где будет развеваться знамя лиги. Нищим были даны особые указания шпионить по городам, во всех трактирах и пивных, и приносить отчеты в Лехен. Также было решено заручиться поддержкой хотя бы одного-двух приверженцев в каждой из гильдий Фрайбурга. Все эти распоряжения выполнялись в соответствии с указаниями, сделанными Йоссом перед отъездом. Но пока его не было, члены гильдии потеряли голову. Когда стало слишком поздно, они решили привлечь на свою сторону старого опытного воина, жившего во Фрайбурге, двоюродного брата одного из главных заговорщиков в Лехене. Если бы они сделали это раньше, вполне вероятно, что он смог бы обеспечить им владение городом. Как оказалось, все было сделано слишком поспешно. Не успев довести дело до конца, главные люди перестали обращать внимание на все меры предосторожности, настолько они были уверены в успехе. Один из заговорщиков в городе поджег конюшню с целью посеять панику, в ходе которой можно было бы украсть ключи от городских ворот и впустить лигуров. Однако попытка была обнаружена до того, как огонь успел разгореться, и лишь заставила власти насторожиться. В другой раз трое членов лиги схватили крестьянина недалеко от города, затащили его в соседний лес и заставили поклясться в верности. После того как он сделал это под принуждением, они раскрыли ему свои намерения относительно Фрайбурга. Крестьянин оказался непокорным, даже выразил ужас перед этим предложением, трое набросились на него с ножами и хотели его убить, как

вдруг на большой дороге рядом послышался шум лошадей, и, охваченные паникой, они отпустили его и спрятались в глубине леса. Крестьянин, разумеется, в тот же вечер все рассказал своему духовнику и пожелал узнать, обязательна ли для него клятва, которую он дал под принуждением. Священник сразу же связался с императорским комиссаром Фрайбурга, который ознакомил с фактами городскую корпорацию. Два других предателя через несколько дней после этого пришли на помощь властям и раскрыли много важных секретов. Граф Филипп Баденский, их обер-гофмейстер, которому были переданы эти сведения, не замедлил предоставить их в распоряжение фрайбургской корпорации и австрийского правительства в Энсисхайме. Поздно вечером следующего дня, 4 октября, во все стороны были разосланы гонцы, предупреждавшие власти соседних деревень и городов, чтобы они готовились к началу заговора. У ворот Фрайбурга и на всех башнях стен были выставлены двойные караулы. Гильдии были созваны, а их члены получили указание будить друг друга немедленно по звуку штормового колокола, когда все они должны были собраться в соборном дворе. Как только об этих приготовлениях стало известно в Лехене, на вечерне *на Хардматте* было созвано собрание; но в отсутствие Йосса Фрица, а также, по несчастью, одного или двух лучших организаторов, которые были в отъезде по делам лиги, мнения разделились. В самый разгар всего этого в Лехен явились двести вооруженных до зубов фрайбургцев, захватили Ганса Эндерлина и его сына, а также Эльзу, женщину, с которой жил Йосс, и других ведущих деятелей движения. Среди всех заинтересованных лиц воцарилась паника. Почти все обратились в бегство, и большинству из них удалось пересечь границу и уйти в Швейцарию. Весть о крахе движения, очевидно, достигла Йосса до того, как он прибыл в Лехен, поскольку нет никаких свидетельств его возвращения туда. Многие из заговорщиков собрались в Базеле, среди них был и Йосс Фриц со своим знаменем. Они решили искать убежища в Цюрихе. Но по дороге на них напали, двоих взяли в плен, остальные, в том числе и Йосс, сбежали. Те из заговорщиков, которые попали в плен, вели себя героически; никакие самые жестокие пытки не могли побудить их выдать что-либо важное. Как следствие, сравнительно немногие из скомпрометированных стали жертвами мести своих знатных и церковных врагов. В Эльзасе им не так повезло, как в Бадене: многие были казнены по подозрению. Императорский советник Рудольф был даже послан в Швейцарию, чтобы потребовать выдачи беглецов, и двое были выданы Шафхаузенном. Любовница Йосса была освобождена через три недели, и впоследствии ее подозревали в том, что она в разное время укрывала его. Последние отчетливые следы его пребывания можно найти в Шварцвальде десять лет спустя, во время великого восстания; но они незначительны и лишь указывают на то, что он принимал участие в этом движении. Так эта интересная личность исчезает из поля зрения людей. Стал ли энергичный и энергичный крестьянский вождь жертвой благородной мести в 1525 году, или же он удалился от общественной жизни в спокойную старость в какой-нибудь безвестной деревне на юге Германии? Это вопросы, на которые мы теперь, скорее всего, никогда не сможем ответить.

В то время, когда происходили вышеописанные события, в Швейцарии наблюдалось сильное брожение. Рост роскоши начал сказываться и там. Простая ткань или овчина старого *эйдженосса* теперь часто заменялась, особенно в городах, французскими и итальянскими платьями, дублетами из алого шелка, страусовыми перьями и даже тканью из золота. В городах домашняя архитектура стала приобретать пышность стиля Ренессанс. Кокетливый союз с Людовиком XI в предыдущем веке уже открыл путь для внедрения французских обычаев. Азартные игры с высокими ставками стали модным развлечением как в городе, так и в деревне. История Ганса Вальдмана, хотя и относится к периоду на несколько лет раньше, чем эта история, иллюстрирует упадок первобытной простоты древних швейцарцев, упадок, который стал бесконечно более заметным и всеобщим в время, о котором мы рассказываем. Все это, разумеется, привело к ухудшению условий жизни

крестьян, что летом 1513 года вылилось в несколько мелких восстаний. В некоторых случаях, в частности, в случае с крестьянами кантона Берн, исход восстания был благоприятным для повстанцев.

В соседнем Вюртемберге также вспыхнуло восстание. Предполагается, что оно было связано с движением *бундшута* в Лехене, но получило название "Бедный Конрад". Оно было вызвано притеснениями герцога Ульриха Вюртембергского, который, чтобы покрыть расходы своего роскошного двора, обременял крестьян все новыми и новыми поборами. Он уже наделал долгов на миллион гульденов. Города, как и крестьянство, были возмущены жадностью и наглостью приспешников этого властителя. Во-первых, подоходный налог был введен без согласия сословий, с которыми следовало посоветоваться. Затем был введен налог на ежедневное потребление еды и вина. Затем мясникам, мельникам и виноградарям разрешили фальсифицировать меры и весы при условии, что большая часть их возросшей прибыли будет отчисляться герцогу. "Конрад бедняков" требовал устранить все эти злоупотребления, а кроме того, обеспечить свободу погони, рыбной ловли, рубки леса и отменить холопскую службу. В городах более бедные горожане, включая гильдийцев и подмастерьев, были готовы воспользоваться возможностью избавиться от своего *Ehrbarkeit*. Это движение, как и *Бундшух* в Лехене, было на время подавлено. Мы подробно остановились на истории лехенского *бундшута* как на примере того, как планировались и организовывались крестьянские движения того времени. Методы, использовавшиеся "Бедным Конрадом", полуночные собрания, тайные слова, подготовка к внезапным восстаниям, были во многом схожи. Опытное и хорошо оснащенное рыцарство герцога Ульриха, хотя и уступало в численности, с легкостью рассеивало плохо вооруженные и неопытные отряды крестьян, с которыми сталкивалось. Этому способствовали и вероломные обещания герцога Ульриха, побудившие большое количество крестьян сложить оружие. Восстание оказалось лишь вспышкой на сковороде; и хотя те, кто в нем участвовал, не были наказаны с той беспощадной суровостью, которую проявило австрийское правительство в Энсисхайме, оно все же не привело к улучшению положения народа. Многие лидеры и некоторые рядовые бежали из страны и, как в случае с Лехенским *бундшутом*, нашли убежище в Северной Швейцарии.

Осенью 1517 года Баден снова стал ареной попытки крестьянского восстания, цели которого были теми же, что и в предыдущих случаях. Рента и проценты должны были быть отменены, и ни один господин, кроме императора, не признавался. План состоял в том, чтобы внезапно захватить города Вайсенбург и Хагенау и произвести чистую зачистку имперских советников и судей, а также рыцарей и дворян. Однако и этот заговор был раскрыт до того, как наступило время действовать. В разных частях Центральной Европы были и другие мелкие попытки восстания и заговоры, о которых здесь нет необходимости рассказывать. Однако великое восстание 1514 года в Венгрии, хотя и не входит в рамки нашей темы, заслуживает отдельного упоминания.

На Пасху того года вся Венгрия была взбудоражена проповедью крестового похода против турок, в то время упорно наседавших на восточную границу. Всем, кто присоединялся к крестовому походу, вплоть до самого низкого крепостного, обещали не просто отпущение грехов, а свободу. Движение пользовалось огромной популярностью, тысячи людей стекались к штандартам. Дворяне, естественно, отнеслись к этому движению с неприязнью; многие, правда, выходили из своих замков со свитами, чтобы вернуть беглецов. Во многих случаях захват сопровождался всеми возможными проявлениями жестокости. Когда новости об этих событиях дошли до собравшихся в лагере, в настроении людей произошла перемена. Энтузиазм по поводу победы над турками за границей быстро сменился

энтузиазмом по поводу победы над турками дома. Повсюду в лагере раздавались угрозы мести. Наконец, во главе их встал некто Джордж Доза, который, похоже, был настоящим народным героем в лучшем смысле этого слова. Цели Георгия Дозы не ограничивались простой местью обиженным дворянам. Они простирались до замысла полной реорганизации условий жизни угнетенных классов по всей стране. Напрасно из Офенского двора пришел приказ разогнать армию. Доза разделил свои силы на пять корпусов, каждый из которых должен был сосредоточить свои усилия на определенном районе, одновременно призывая к этому все население. Разрушение замков и резня их обитателей стали всеобщими по всей стране. На мгновение дворяне словно парализовало, но вскоре они опомнились, и двое из них, Иоганн Заполья и Иоганн Боремишша, при поддержке жителей города Буда-Пешт, собрали армию, чтобы спасти положение для своих коллег. Они не заставили себя долго ждать, вступив в бой с повстанцами. Последние, покинутые в самом начале некоторыми из своих лидеров, которые перешли на сторону врага, сражались храбро, но в конце концов вынуждены были уступить превосходящему их по вооружению и дисциплине войску. Было взято большое количество пленных, большинство из которых были варварски казнены, а остальные отправлены домой с отрезанными ушами и носами.

Тем временем Георгий Доза, осаждавший Сегедин, отозвал свои войска и дал бой епископу Чсаки и графу Темешвару, которые шли с войсками на освобождение города. После двухдневных упорных боев победа вознаградила храбрость крестьян. Последователи Дозы потребовали отомстить за своих убитых и искалеченных товарищей. Епископ был обезглавлен, а королевский казначей округа повешен на высокой виселице. Но отряд Дозы был единственным подразделением народной армии, которое добилось успеха. Остальные, столкнувшись с дворянами, были рассеяны и почти уничтожены. Остатки присоединились к войскам своего главнокомандующего, армия которого таким образом пополнялась день ото дня. Доза издал указ об отмене короля, высшей и низшей знати, низложении всех епископов, кроме одного, и провозгласил равенство всех людей перед Богом. Затем одному из его лейтенантов удалось набрать вторую армию, содержащую большое количество кавалерии. Он двинулся на Темешвар, но совершил неосторожность, предприняв длительную осаду этой мощной крепости. Через два месяца его армия начала деморализовываться. За несколько дней до того, как крепость должна была сдаться, Доза был застигнут врасплох трансильванской армией. Однако, несмотря на это, он развернул свои войска с невероятной быстротой, и завязалась потрясающая битва, долго не решавшаяся. После нескольких часов упорного боя одно из крыльев армии Дозы обратилось в бегство. Последовало всеобщее смятение, посреди которого Дозу можно было видеть на переднем крае битвы, как древнего героя, крушащего вельмож направо и налево, пока его меч не сломался в руке. Его тут же схватили и взяли в плен вместе с братом Григорием. Последний был немедленно обезглавлен. Доза и около сорока его офицеров были брошены в мерзкую темницу в Темешваре и лишены всякого питания. На четырнадцатый день заключения в живых осталось только девять человек. Этих девятерых, во главе с Дозой, вывели на открытое пространство перед тюрьмой. Там установили железный трон, раскаленный докрасна, и Дозу, обвешанного цепями, насильно усадили на него. На его голову возложили раскаленную железную корону, а в руку вложили раскаленный железный скипетр. Его спутникам предложили жизнь при условии, что они немедленно сорвут и сожрут плоть своего вождя. Трое, которые с негодованием отказались, были сразу же разрублены на куски. Шестеро сделали то, что им было приказано. "Собаки!" - закричал Доза. Это был единственный звук, который донесся до него. Разорванный раскаленными железными клещами, он умер. Победленные крестьяне были заколоты и повешены сотнями. По оценкам, более 60 000 из них погибли в этой войне и в последовавших за ней репрессиях. Результатом восстания стал более жестокий гнет, чем когда-либо известный ранее.

В то же время в Германии и на австрийских территориях происходили различные восстания местного характера. В Штирийских и Каринтийских Альпах происходили движения крестьян, которые в этих отдаленных горных районах, похоже, сохранили больше своей первобытной независимости. На юго-западе Австрии было три герцогства - Кернтен (Каринтия), Штайермарк (Штирия) и Крайн. В Кернбурге, на небольшом расстоянии от Клагенфурта, находился круглый камень, на котором был выгравирован герб страны. Когда герцог вступал на престол, крестьянин, принадлежавший к одному из древних родов соседней деревни, в которой это право было наследственным, присутствовал, чтобы принести новому герцогу дань уважения от крестьянства. Вокруг камня, на котором восседал престарелый представитель сельских общин, собрались крестьяне окрестностей. Повелитель, одетый по-крестьянски, подошел к камню. С ним шли два местных сановника, один вел тощую черную корову, другой - недокормленную лошадь. Сзади шли остальные дворяне и рыцари со знаменем герцогства. Крестьянин, сидевший на роковом камне, воскликнул: "Кто тот, кто так гордо въезжает в нашу страну?" Окружающие крестьяне отвечали: "Это наш князь идет". "Праведный ли он судья?" - спросил крестьянин, сидевший на камне. "Будет ли он способствовать благополучию нашей земли и ее свободе? Будет ли он защитником христианской веры, вдов и сирот?" Народ воскликнул: "Да, он такой и будет таким всегда". После завершения этой части церемонии герцог должен был принести клятву крестьянину на камне, что ради благополучия земли он не откажется ни в одном из упомянутых аспектов питаться таким жалким животным, как сопровождавшая его корова, или ездить на таком тощем и нелюбимом коне. Затем крестьянин на камне дал герцогу по ушам и патриархально заверил его, что он всегда будет праведным судьей и отцом своего народа. Затем старый крестьянин встал, и дворяне отдали ему корову и лошадь, которых он повел домой как свою собственность.

Этот необычный обычай сохранялся в Каринтии до середины XV века, когда император Фридрих III отказался в качестве местного владыки облачиться в крестьянскую одежду, хотя и пошел на компромисс, выдав крестьянам документ, закрепляющий за ними древнюю свободу. Растущее давление налогов и новые повинности, которые влекли за собой войны Максимилиана, привели в начале XVI века к волнениям и здесь, и, наконец, к восстанию, в котором, как говорят, приняли участие до 90 000 крестьян, но которое не сразу дошло до крайности благодаря своевременным уступкам со стороны императора. Крестьянская лига в данном случае распространялась на Штирию, а также Каринтию и Крайн. Весной 1517 года она вновь вспыхнула из-за возобновившихся притеснений со стороны дворян. За три месяца, пока длилось восстание, было разрушено несколько замков и опустошены обширные территории. Не мало дворян было сброшено с собственных башен. Император Максимилиан, который на протяжении всего дела проявлял благосклонность к крестьянам, как видно, держал руку на пульсе, пока последние ограничивались наказанием отъявленных магнатов; но потом, когда вооруженные крестьянские отряды постепенно растаяли, а те, что остались, потеряли всякую дисциплину, превратившись в просто грабительские банды, он послал отряд из нескольких сотен рыцарей, которые быстро разогнали плохо вооруженную и беспорядочную орду. Беглецам не было оказано ни малейшего сопротивления, и последовали обычные кровавые казни. Кроме того, на все крестьянство была возложена тяжелая повинность, принявшая форму вечного налога. Восстание в Крайне длилось дольше всего и было подавлено с наибольшим кровопролитием. Восстания в Штирии и Каринтии закончились гораздо быстрее и с менее катастрофическими последствиями для тех, кто в них участвовал.

Но не только в Германии или, более того, в Центральной Европе в начале XVI века среди крестьянского населения наблюдалось всеобщее волнение. Правда, великие восстания,

восстание Уота Тайлера в Англии и Жакерия во Франции, произошли задолго до этого; но даже когда не было больших движений, повсюду были заметны спорадические волнения. В Испании мы читаем о крестьянском восстании, которое Корнелий Агриппа из Неттесгейма был привлечен территориальной властью для подавления с помощью своих предполагаемых магических способностей. В Англии хорошо известны волнения времен правления Генриха VIII, связанные с подавлением монастырей. Экспроприация людей с земли, чтобы освободить место для овцеводческих ферм, также давала повод для периодических волнений местного характера, кульминацией которых в 1549 году стало знаменитое восстание под предводительством Джона Кета в Восточной Англии.

Глубокое значение и эффективное распространение движений было бесконечно большим в Средние века, чем в современности. То же самое явление наблюдается и сегодня в варварских и полуварварских сообществах. На первый взгляд можно подумать, что в мировой истории не было периода, когда было бы так легко взбудоражить население, как в наши дни, с нашими газетами, телеграфами, почтой и железными дорогами. Но это лишь одно из тех поверхностных представлений, которые не подтверждаются историей. Мы также склонны думать, что не было эпохи, когда путешествия были так широко распространены и составляли такую большую часть образования человечества, как в наши дни. Большого заблуждения быть не может. Настоящей эпохой путешествий было завершение Средневековья, или то, что известно как эпоха Возрождения. Ученый человек, в то время только что отделившийся от церковника, большую часть своей жизни проводил, перевоза свои интеллектуальные товары от двора ко двору и от университета к университету, так же как купец лично перевозил свои товары из города в город в эпоху, когда коммерческая переписка, вексельные брокеры и разнообразные формы современного бизнеса были только в зародыше. Именно тогда путешествия действительно означали образование, приобретение глубоких и глубоких знаний о различных нравах и обычаях. Тогда путешествия были не развлечением, а серьезным элементом жизни.

Точно так же и распространение политического или социального движения тогда было не менее быстрым, чем сейчас, и гораздо более проникающим. Методы, конечно, значительно отличались от нынешних, но человеческий материал, с которым приходилось иметь дело, гораздо легче поддавался формовке и сохранял свою форму, чем в наши дни. Появление религиозного или политического учителя в деревне или маленьком городке Средневековья было событием, вызывавшим живой интерес жителей. Оно перечеркивало их повседневную жизнь, оставляя за собой след, который вряд ли можно представить в наши дни. Ведь одним из характерных симптомов перемен, произошедших с тех времен, является исчезновение местных центров активности и перенос интенсивности жизни в несколько крупных городов. В Средние века каждый город, маленький, но не менее крупный, был более или менее самостоятельным организмом, интеллектуальным и промышленным, и не зависел по сути от внешнего мира в плане своего социального обеспечения. Это было особенно характерно для Центральной Европы, где коммуникации были гораздо более несовершенными и опасными, чем в Италии, Франции или Англии. В обществе без газет, без удобной связи с остальным миром, когда подавляющее большинство не умело ни читать, ни писать, когда книги были редки, дороги и доступны лишь немногим привилегированным, новая идея, ворвавшаяся в одно из этих сообществ, с готовностью приветствовалась, обсуждалась в зале городского совета, в зале замка, в трапезной монастыря, в общественном совете бюргера, в рабочей мастерской и, если только она касалась его интересов, в хижине крестьянина. Агитация велась и на церковных праздниках (*Kirchweihe*), единственном регулярном событии, когда жители разных мест собирались вместе. В отсутствие других отвлекающих факторов люди обдумывали ее во всех аспектах, которые позволял их ограниченный интеллектуальный

кругозор. Если идея хоть как-то привлекала их, она быстро укоренялась и становилась частью их натуры, делом, ради которого, если была возможность, они были готовы пожертвовать товарами, свободой и даже самой жизнью. В наши дни новая идея укореняется сравнительно медленно. Среди бесчисленных отвлекающих факторов современной жизни, вечно преследующих друг друга, нет времени для того, чтобы какая-то одна мысль, сколь бы масштабной она ни была, прочно закрепилась. Чтобы это произошло в *современном сознании*, ее нужно снова и снова проводить по этой, не всегда слишком восприимчивой интеллектуальной субстанции. Люди должны день за днем читать о ней в своих газетах или слышать ее проповеди с бесчисленных трибун, прежде чем возникнет какой-либо серьезный эффект. В простой жизни прежних веков это было не так.

Способы передачи информации, особенно связанной с разжиганием политических и религиозных движений, в те времена имели такую природу, о которой мы сейчас почти не имеем представления. То, что тогда было в моде, можно сравнить с методами, принятыми в Индии для подготовки мятежа 1857 года, когда из деревни в деревню передавали таинственный пирог, означавший, что наступил момент для вспышки мятежа. Мы уже видели, как Джосс Фриц использовал гильдию нищих в качестве сборщиков и разносчиков новостей, а также в качестве помощников в своей организации в целом. Примечательно и то, что его доверие к ним, похоже, не было ошибочным, ведь крах движения нельзя однозначно списать на них. Следует также помнить, что чувство *esprit de corps* и чести, наиболее тесно связанное с ним, бесконечно острее в более грубых состояниях общества, чем в условиях высокой цивилизации. Рост цивилизации, подразумевающий разрушение групп, в которых индивид был слит в более примитивных условиях, и его изоляцию как автономной единицы, имеющей смутные и очень эластичные моральные обязанности перед своей "страной" или перед всем человечеством, но не перед каким-либо определенным и близким социальным целым, неизбежно разрушает тот общинный дух, который преобладает в первом случае. Это одна из поразительных истин, которую история этих крестьянских восстаний иллюстрирует различными способами и ярко доносит до нас.

ССЫЛКИ:

[7] Мы принимаем немецкое написание названия провинции, обычно известной в этой стране как Эльзас, по той причине, что в то время, о котором идет речь в этой истории, она никогда не была французской, и французский язык, вероятно, был известен там не больше, чем в других частях Германии.

[8] Из исторической карты видно, что Брейсгау и Сундгау были феодальными уделами Австрийского дома. Энсисхайм был резиденцией владения *Габсбургов* в этом округе (не путать с *имперской* властью).

ГЛАВА II.

ДВИЖЕНИЕ РЕФОРМАЦИИ.

Теория "великого человека" в истории, ранее повсеместно распространенная, да и сейчас распространенная среди людей, не занимающихся историей, долгое время рассматривала

Реформацию как исключительно личное дело монаха Августина, который был ее центральной фигурой. Ошибочность этой концепции особенно ярко проявляется в случае с Реформацией. Ей не только предшествовали многочисленные спорадические вспышки религиозного возрождения, которые иногда принимали форму оппозиции господствующей форме христианства, хотя, правда, обычно они перетекали в простое движение независимого католицизма внутри церкви; кроме того, существовало по крайней мере два отдельных религиозных движения, которые привели к ней, а многое, что при реформаторах XVI века предстает как отдельная и самостоятельная теология, можно проследить в XIV и XV веках в мистическом движении, связанном с именами Мейстера Экхарта и Таулера. Мейстер Экхарт, чье свободное обращение с христианскими доктринами, чтобы привести их в соответствие с его мистической теологией, привело его к конфликту с папством, несомненно, повлиял на Лютера через своего ученика Таулера, и особенно через книгу, вышедшую из школы последнего, *"Немецкая теология"*. Однако именно в гораздо более важном движении, которое зародилось у Виклифа и распространилось в Центральной Европе через Гуса, мы должны искать более очевидные влияния, определившие ход религиозного развития в Германии.

Движение виклифитов в Англии было не столько доктринальной гетеродоксией, сколько восстанием против папства и священнической иерархии. Простые теоретические рассуждения редко подвергались вмешательству, но все, что затрагивало их материальные интересы, сразу же вызывало бдительность духовенства. Примечательно, что за распространением лоллардизма, то есть идей Виклифа, если не последовало, то, по крайней мере, последовало крестьянское восстание под предводительством Джона Болла; эта связь прослеживается также в восстании Циски, последовавшем за гуситским движением, и Крестьянской войне в Германии, которая пришла на смену лютеранской Реформации. Насколько сильно Гусс находился под непосредственным влиянием учения Виклифа, очевидно. Труды последнего широко распространялись по всей Европе; ведь одно из преимуществ обычая писать на латыни, который был повсеместным в Средние века, заключалось в том, что книги важного характера сразу же становились достоянием всех ученых, не нуждаясь, как сейчас, в капризах и способностях переводчиков. Гусс читал труды Виклифа, готовясь к получению богословской степени, и впоследствии сделал их своими учебниками, когда преподавал в Пражском университете. После предательской казни в Констанце и последовавших за ней событий в Богемии несколько гуситских беглецов поселились в Южной Германии, неся с собой семена новых доктрин. Анонимный современник утверждает, что "Иоанну Гусу и его последователям приписывают почти все те ложные принципы, касающиеся власти духовных и мирских властей и обладания земными благами и правами, которые прежде в Богемии, а теперь у нас, вызвали бунт и восстание, грабежи, поджоги и убийства и потрясли до основания все сообщество. Яд этих ложных доктрин уже давно течет из Богемии в Германию и приведет к таким же опустошительным последствиям везде, где он распространится".

Состояние католической церкви, против которого в целом протестовало движение Реформации, должно быть ясно читателю. Начало распада духовенства отчетливо прослеживается в первой половине XIV века. Интердикты, как институт, перестали соблюдаться, а само священство начало открыто погружаться в разврат и играть с обрядами Церкви. Индульгенции на сто лет с готовностью выдавались за вознаграждение. Изготовление реликвий стало организованной отраслью промышленности, а праздники дураков и праздники ослов были придуманы самими веселыми священниками в пародии на священные таинства, как желанное расслабление от однообразия предписанных церковных церемоний. Паломничества становились все чаще и чаще, новых святых создавали

дюжинами, а неверие духовенства в доктрины, которые они исповедовали, было заметно даже самым неграмотным, в то время как презрение к церемониям, которые они практиковали, открыто демонстрировалось при исполнении ими своих церковных обязанностей. Иллюстрацией этого может служить рассказанная Лютером шутка священников, которые во время совершения мессы, когда верующие воображали, что повторяют священную формулу транссубстанции, заменяли слова *Panis es et carnem fiebis*, "Хлеб ты есть и плотью станешь", на *Panis es et panem manebis*, "Хлеб ты есть и хлебом останешься".

Скандалы, связанные с нравами духовенства, нараставшие на протяжении многих поколений, достигли своего апогея в начале XVI века. Для священников было обычным делом заниматься ростовщичеством, содержать питейные заведения и игорные притоны, а в некоторых случаях и публичные дома. Папские указы оказались неэффективными, чтобы остановить поток клерикальных злоупотреблений. Регулярное духовенство вызывало еще большее негодование, чем светское. Любимым эпитетом для монахов были "вонючие капоты". Утверждается, что их отличительными чертами были попрошайничество, мошенничество, бесстыдное невежество, пьянство и разврат. Один из принцев Империи обращается к настоятельнице монастыря, которому в основном покровительствовали аристократические дамы: "Ты, наш общий шури!" Говорят, что в некоторых монастырях Фрисландии беспорядочные половые связи практиковались совершенно открыто, а потомство воспитывалось как монахи и монахини. Различные ордена соперничали друг с другом за славу и богатство, которые можно было получить за счет народного доверия. Мошенничество, предпринятое доминиканцами в Берне в 1506 году *при согласии глав ордена по всей Германии*, стало одной из главных причин принятия этим городом Реформации.[9]

Помимо растущего бремени инвеститур, аннатов и других папских пошлин, основную тяжесть которых прямо или косвенно приходилось нести немецкому народу, особое возмущение в начале XVI века вызвало чрезмерное использование Львом X. практики индульгенций для завершения строительства собора Святого Петра в Риме. Именно это, в дополнение к поборам, уже ставшим необходимыми из-за растущей роскоши и разврата папского двора и других церковных сановников, непосредственно привело к драматическим инцидентам, которыми открылась лютеранская Реформация.

Выдающаяся личность, с которой в первую очередь ассоциируется религиозная сторона Реформации, была ребенком своего времени, прошедшим через множество душевных борений и уже разорвавшим узы старой церковности до того поворотного момента в его карьере, который обычно считается открытием Реформации, а именно - прибавления тезисов к дверям Шлосс-Кирхе в Виттенберге 31 октября 1517 года. Мартин Лютер, как мы всегда должны помнить, не был протестантом в английском пуританском понимании этого слова. Дело не только в том, что он сохранил в своей доктрине многое из того, что старомодный английский протестант считал бы "римскими ошибками", но и в том, что его практические взгляды на жизнь свидетельствовали о реакции на аскетические притязания, которые, по его мнению, не порождали ничего, кроме лицемерия и худших форм чувственных излишеств. Сомнительно, чтобы человек, воспевавший дифирамбы "вину, женщинам и песням", был признан достойным представителем в парламенте или где-либо еще британской неконформистской совестью наших дней; или был бы приемлем в каком-либо качестве для бакалейщика-дьякона наших провинциальных городов, который, не довольствуясь тем, что ему разрешают подсыпать сахар и подмешивать чай без упрека, подвергал бы социальному

остракизму каждого, чье поведение не соответствовало его общепринятым шибболетам. Мартин Лютер был ребенком своего времени и в качестве благодетельного спутника. Свобода его жизни в годы, последовавшие за разрывом с Римом, стала предметом резких нападок со стороны благородного, но в этом отношении узколобого Томаса Мюнцера, который в своем открытом письме, адресованном "Мягкотелой плоти Виттенберга", язвительно осуждает то, что он считает его распутством. В нашу задачу не входит подробное обсуждение религиозных аспектов Реформации, но интересно отметить более чем современную либеральность взглядов Лютера на вопрос о браке и безбрачии духовенства, контрастирующую с сильным средневековым привкусом его веры в колдовство и чародейство. В своей работе *"De Captivitate Babylonica Ecclesiae"* (1519) он высказывает мнение, что если по какой-либо причине муж или жена лишены возможности вступать в половую связь, то они вправе, причем женщина в равной степени с мужчиной, искать ее в другом месте. Он был против развода, хотя и не запрещал его, и рекомендовал мужчине скорее иметь несколько жен, чем отлучать одну из них. Лютер упорно придерживался мнения, что брак - это чисто внешний договор, заключенный с целью сексуального удовлетворения, и никак не влияет на духовную жизнь человека. На этом основании он не видит возражений в так называемых смешанных браках, которые, конечно же, не одобрялись католической церковью. В своей проповеди "Супружеская жизнь" он говорит: "Итак, знайте, что брак - это внешняя вещь, как и любое другое мирское дело. Как я могу есть, пить, спать, ходить, ездить, покупать, говорить и торговаться с язычником, евреем, турком или еретиком, так же я могу быть и оставаться женатым на таком человеке, и мне нет ни малейшего дела до глупых законов, которые это запрещают..... Язычник - такой же мужчина или женщина, созданные Богом, как святой Петр, святой Павел или святая Лючия". Он также не уклонялся от применения своих взглядов к конкретным случаям, как это видно из его переписки с Филиппом фон Гессе, чья конституция, по-видимому, требовала более одной жены. Здесь он прямо излагает учение о том, что многоженство и наложничество не запрещены христианам, хотя в своем совете Филиппу он добавляет оговорку, что тот должен держать этот вопрос в тайне, чтобы не вызвать обиды; "ибо, - говорит он, - не имеет значения, при условии, что совесть человека права, что говорят другие". В одной из его проповедей по Пятикнижию[10] мы находим такие слова: "Не запрещено, чтобы у человека было больше одной жены. Я и сегодня не запрещаю, хотя и не советую но и не осуждаю его". Другие мнения о природе сексуальных отношений были столь же широки; в одном из его трудов о монашеском безбрачии его слова ясно указывают на его убежденность в том, что целомудрие, не более чем другие смертные муки плоти, должно считаться божественным предписанием для всех мужчин или женщин. В обращении к духовенству он говорит: "Женщина, не обладающая высокой и редкой благодатью, может воздерживаться от мужчины не больше, чем от еды, питья, сна или других естественных функций. Точно так же мужчина не может воздерживаться от женщины. Причина в том, что в нашей природе так же глубоко заложено желание рожать детей, как есть и пить".[11] Достойный Янссен в скандальном тоне замечает, что Лютер в некоторых вопросах, касающихся супружеской жизни, "выразил принципы, прежде неслыханные в христианской Европе";[12] и британский неконформист наших дней, прочитав эти "аморальные" мнения героя Реформации, будет склонен повторить чувства ультрамонтанского историка.

Отношение Реформации к "новому учению" в Германии не отличалось от того, что существовало в других северных странах Европы, в частности, в Англии. Хотя враждебность последней к средневековой церкви была очень заметна, и поэтому она была склонна рассматривать религиозную Реформацию как союзника, это не зашло очень далеко, прежде

чем тенденция духа Ренессанса встала на сторону католицизма против новой теологии и догмы, как просто разрушительной и враждебной культуре. Представители гуманистического движения в большинстве своем были вольнодумцами, и именно благодаря им в современной Европе впервые появилось свободомыслие. Поэтому они мало сочувствовали узкому фанатизму религиозных реформаторов и предпочитали оставаться в контакте с церковью, чей тогдашний свободный и терпимый католицизм давал более свободную игру интеллектуальным спекуляциям, если они избегали открытой теологической гетеродоксии, чем более новые системы, которые, принимая теологию *au grand sérieux*, склонны были считать светское искусство и образование более или менее излишними, и проводили все свое время в теологических спорах. Тем не менее, не было недостатка в людях, которые, находясь под влиянием возрождения образования, в конце концов полностью отдавались движению Реформации, хотя в этих случаях ими обычно двигала скорее ненависть к католической иерархии, чем какие-либо положительные религиозные чувства.

Среди таких людей примечателен Ульрих фон Хуттен, потомок древнего и влиятельного рыцарского рода. После того как он уже приобрел известность как автор серии сцен на новой латыни и других классических работ, был также хорошо известен как горячий сторонник Рейхлина в его споре с церковью и как друг и корреспондент главного гуманиста того времени, Эразма, он с интересом наблюдал за движением, которое открыл Лютер. Через шесть месяцев после прибывания тезисов в Виттенберге он с энтузиазмом пишет другу о растущем брожении в церковных делах, очевидно, рассматривая новое движение как схватку килкеннийских котлов. "Лидеры, - говорит он, - смелы и горячи, полны мужества и рвения. То они кричат и ликуют, то сетуют и плачут, так громко, как только могут. В последнее время они взялись за сочинение; печатникам хватает работы. Предложения, следствия, выводы и статьи продаются. Только за это, я надеюсь, они взаимно уничтожат друг друга". "Несколько дней назад один монах рассказывал мне, что происходит в Саксонии, на что я ответил: "Пожирайте друг друга, чтобы в свою очередь быть пожираемыми (*sic*)". Молите Небо, чтобы наши враги боролись друг с другом до конца и своим упрямством истребили друг друга". Из этого видно, что Хуттен рассматривал Реформацию на ее ранних стадиях как просто монашескую перебранку и не видел того грандиозного переворота всех старых ориентиров церковного господства, который был в ней заложен. Однако, как только он осознал ее реальное значение, он полностью посвятил себя этому движению. Не следует забывать, что, хотя ревность Хуттена к гуманизму заставляла его приветствовать любую попытку свергнуть власть духовенства и монахов, у него были и чисто политические мотивы для действий, которые в некотором отношении были главной целью его жизни, а именно: спасти "рыцарство", или мелкое дворянство, от подавления их независимости растущей властью князей империи. Вероятно, более трети поместий находилось в руках церковных сановников, поэтому все, что угрожало их владениям и привилегиям, казалось ударом по самым основам имперской системы. Хуттен надеялся, что новые доктрины поставят принцев на уши; и тогда, присоединившись к реформаторской партии, рыцарство сможет сохранить те привилегии, которые еще оставались у него, но быстро ускользали, и даже вернуть некоторые из тех, что уже были утрачены. Однако только позднее Хуттен увидел ситуацию в таком свете. В то время, когда было написано вышеприведенное письмо, он находился на службе у архиепископа Альбрехта Майнцского, главного сторонника новой образованности среди князей-прелатов, и именно с гуманистической точки зрения он рассматривал зарождение Реформации. После ухода со службы архиепископа он завязал личную дружбу с Лютером, подстрекаемый к этому своим политическим шефом, Францем фон Зикингеном, лидером рыцарства, от которого он, вероятно, получил первое представление о важности нового движения для их общего дела.

Когда в 1520 году в Ахене короновался молодой император Карл V, партия Лютера, как и рыцарство, ожидала, что предполагаемая уступчивость нового главы империи приведет к значительным изменениям в благоприятном для их положения смысле. Предполагалось, что его молодость сделает его более отзывчивым к новому духу, который быстро развивался; и это правда, что во время своего избрания Карл проявил мимолетную благосклонность к "непокорному монаху". Однако, судя по всему, это было сделано лишь для того, чтобы напугать Папу и заставить его отказаться от заявленного намерения упразднить инквизицию в Испании, которая тогда считалась одной из основ королевской власти, а также для того, чтобы оказать на него давление, дабы он содействовал замыслам Карла в отношении миланской территории. Как только эти цели были достигнуты, он был так же готов оказать услугу Папе, подавив новое антипапское движение, как, возможно, в противном случае он бы благосклонно отнесся к нему, чтобы смирить единственного серьезного соперника своего господства в империи.

Сразу же после коронации он отправился в Кельн и императорским указом созвал рейхстаг в Вормсе на 27 января 1521 года. Работа этого знаменитого рейхстага, к сожалению, настолько отождествляется с эдиктом против Лютера, что другие важные вопросы, которые там обсуждались, почти забыты. Однако были рассмотрены по крайней мере два других вопроса, которые свидетельствуют о происходивших тогда изменениях. Первый касался восстановления и укрепления Имперского управляющего совета (*Reichs-Regiment*), функции которого при Максимилиане были не более чем номинальными. Поначалу среди государств было распространено мнение о необходимости передачи ему всех полномочий, даже на время пребывания императора в империи; в итоге, предоставив ему всю полноту власти во время его отсутствия, он практически сохранил большую часть этих полномочий и в его присутствии. По своему составу он был очень похож на французские "парламенты" и, как и они, состоял в основном из ученых юристов, четверо из которых избирались императором, а остальные - сословиями. Характер и большие полномочия этого совета, распространявшиеся в последующие годы даже на церковные дела, несомненно, способствовали ускорению замены гражданского права более старым обычным или общим правом, что мы рассмотрим более подробно позже. Рассматривалось также финансовое состояние империи; и здесь впервые стало очевидно, что начавшееся с этого века нарушение экономических условий приведет к тому, что для поддержания императорской власти потребуются чрезвычайно увеличить налогообложение, в пять раз большее, чем требовалось ранее.

Только после того, как эти светские дела империи были решены, обсуждения в рейхстаге по церковным вопросам были открыты обвинением Лютера в длинной речи Алеандра, одного из папских нунциев, представившего письмо папы. Несмотря на усилия его друзей, Лютеру не разрешили присутствовать при начале заседания; но впоследствии за ним послал император, чтобы он мог изложить свое дело. Его путешествие в Вормс было одним долгим триумфом, особенно в Эрфурте, где он был с энтузиазмом принят гуманистами как враг папства. Но его присутствие в рейхстаге оказалось бесполезным, и в результате разбирательства он попал под запрет империи. Однако конспирация императора в его случае была соблюдена, и, несмотря на опасения его друзей, что его может постигнуть та же участь, что и Гуса после Констанцского собора, ему было позволено покинуть страну без помех.

По дороге в Виттенберг Лютер был схвачен по договоренности со своим сторонником, курфюрстом Саксонии, и в целости и сохранности доставлен в замок Вартбург в Тюрингене; тем временем некоторые из его приверженцев, чтобы возбудить народные чувства, усердно

распространяли сообщение, что он был арестован по приказу императора и подвергается пыткам. Таким образом, ему удалось на время избежать опасности, и именно во время своего последующего пребывания здесь он заложил основы литературного языка Германии.

Современник пишет, что^[13] был очевидцем того, что происходило в Вормсе во время заседания рейхстага: "Все в беспорядке и неразберихе. Не проходит и ночи, чтобы не были убиты три или четыре человека. Император поставил проректора, который утопил, повесил и убил более ста человек". Далее он продолжает: "Поножовщина, блуд, поедание плоти (это было в Великий пост)... в общем, оргия, достойная Венусберга". Далее он сообщает, что многие господа и другие посетители напились до смерти крепкого рейнского вина. Алеандру грозило убийство со стороны лютеранского населения, подстрекаемого подстрекательскими письмами Хуттена из соседнего замка Эбернбург, в котором Франц фон Зиккинген дал ему убежище. Пламенный гуманист написал самому Алеандру, заявив, что не оставит камня на камне, "пока тебя, приехавшего сюда, полного гнева, безумия, преступлений и вероломства, не вынесут отсюда безжизненным трупом".

Алеандр, естественно, чувствовал себя крайне неудобно, да и другие сторонники папской партии были не менее встревожены угрозами, которые, казалось, вполне могли быть приведены в исполнение. Сам император не имел достаточных средств, чтобы противостоять народному восстанию, если бы оно произошло. Он никогда не был так скуден ни в деньгах, ни в людях, как в этот момент. С другой стороны, Сиккинген, которому он был должен деньги и который был единственным человеком, способным спасти положение в сложившихся обстоятельствах, если бы дело дошло до удара, почти открыто выступал на стороне лютеран; в то время как вся масса обедневшего рыцарства только и ждала благоприятного случая, чтобы свергнуть власть магнатов, светских и церковных, с Сиккингеном в качестве лидера. Таково было положение дел в начале 1521 года.

Запрет, наложенный на Лютера рейхстагом, знаменует собой дату полного разрыва между партией реформаторов и старой церковью. В дальнейшем многие гуманисты и гуманистически настроенные лица, поддерживавшие Лютера, отошли от движения и пополнили ряды консерваторов. В первую очередь это были Пиркгеймер, богатый купец и ученый из Нюрнберга, и многие другие, которые боялись, что нападки на церковную собственность и власть, как это и произошло, приведут к общим нападкам на всю собственность и власть. Томас Мурнер, также представлявший собой тип "умеренного" в данной ситуации, не одобряя злоупотреблений Церкви, заявлял, что манера Лютера может привести только к разрушению всех порядков, как гражданских, так и церковных. Теперь обе партии были четко определены, а спорные моменты были явно непримиримы друг с другом или включали в себя непримиримые детали.

Печатный станок впервые стал средством распространения популярной литературы; искусство барда уступило место искусству печатника, а искусство проповедника увидело в лице памфлетиста грозного соперника. Точно так же во время Французской революции современная журналистика, до тех пор малозначительная и спорадическая, получила свое первое большое развитие и начала серьезно вытеснять как проповедника, так и памфлет, и балаган. Потоки теологических изысканий, сатир, диалогов, проповедей, которые теперь лились из всех печатных изданий Германии, захлестнули все слои общества. Эти произведения настолько характерны для того времени, что стоит посвятить несколько страниц их рассмотрению, тем более что это даст нам возможность рассмотреть другие изменения в духе эпохи, отчасти большие наросты разлагающегося средневековья, а

отчасти зачатки современного критического духа, которые также нашли свое выражение в литературе эпохи Реформации.

ССЫЛКИ:

[9] См. Приложение Б, где приводится этот и еще один пример удачной самозванки.

[10] *Sämmt. Werke*, xxxiii., 322-324.

[11] Цитируется в Janssen, *Ein Zweites Wort an meine Kritiker*, 1883, p. 94.

[12] *Geschichte des Deutschen Volkes*, vol. ii., p. 115.

[13] Цитируется в Janssen, bk. ii., 162.

ГЛАВА III.

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА РЕФОРМАЦИИ.

В соответствии с общепринятой точкой зрения в предыдущей главе мы предположили, что Рейхстаг в Вормсе стал вехой в истории Реформации. Однако это верно только в отношении политической стороны движения. На самом деле народные чувства были весьма продолжительными, по крайней мере, с 1517 по 1525 год. С последним годом и крахом крестьянского восстания заметна перемена. В 1525 году Реформация как великий подъем народных умов Центральной Европы, в отличие от ее характера как академического и чисто политического движения, достигла высшей точки, и можно сказать, что она почти исчерпала себя. До последнего года это было чисто революционное движение, привлекавшее к себе все разрушительные элементы своего времени. Позже в нем заявили о себе реакционные возможности. Освобождение от тирании католической иерархии и ее папского главы, как вскоре выяснилось, означало не освобождение от произвола новых политических и централизаторских властей, которые тогда возникали, а, напротив, их освящение. Конечным результатом всего этого дела, как мы увидим позже, стало насаждение теории непротивления в отношении гражданской власти и расчистка пути для ее крайнего выражения в доктрине Божественного права королей, теории, совершенно чуждой вере и практике церкви Средневековья.

Вормсский рейхстаг, отрезав всякую возможность примирения, скорее придал новый импульс народному революционному движению, чем наоборот. Весь ход изменений в общественном чувстве хорошо прослеживается в массе эфемерной литературы, дошедшей до нас от этого периода, - в балаганах, памфлетах, сатирах, народных песнях и прочем. Анонимная литература, к которой мы обращаемся в первую очередь, отличается грубой жестокостью и юмором, даже в трудах реформаторов, которые сами ни в коем случае не отличались остротой полемики.

Хуттен в некоторых из своих поздних простонародных стихотворений приближается к характеру менее культурной балаганной литературы. Для критического ума несколько забавно отметить энтузиазм, с которым современные диссентеры и пуритане относятся к

периоду, о котором мы пишем, - энтузиазм, который, вероятно, был бы эффективно подавлен, если бы хвалители Реформации знали реальный характер этого движения и его главных действующих лиц.

Первые нападки, предпринятые в широкой литературе, были, естественно, направлены против симонии и захвата благодеяний духовенством - характерной черты священнического сана, которая всегда была сильна в народном сознании. Так, "Придворный и пожиратель благодеяний" нападает на паразита римского двора, который поглощает церковные доходы оптом, пристраивая по дешевке нерадивых *местоблюстителей*, и начинает так: "Я справедливо называюсь Симоном.

Меня справедливо называют симонистом и придворным,
И здесь каждому крестьянину и простолюдину
Мое плутовство очень хорошо покажется.
Я зывал и зывал ко всем, кто внимал мне,
К дворянину, рыцарю и всем, кто выше меня:
"Смотрите на меня! И вы увидите, что я действительно люблю вас".

В другом стихотворении мы читаем:...

Заклятие хорошо учит
Как друг за друга молитвы возносить,
По братской любви, а не за золото,
И добрые те молитвы Бог хранит.
Так же ясно говорит и святой Павел,
Каждый должен нести бремя брата своего дорогого.

Но теперь, как утверждается, все изменилось. Теперь нас учат прямо противоположному Божьему учению.

Такое учение увеличили священники,
Которые теперь должны пировать, как хозяева,
Перед всей толпой симонистов,
Чье растущее число никто не знает,
Города и термы полны ими,
И во всех землях их видят с позором.
Их насилие и беззаконие
Не оставляют ни одной церкви, ни одного свободного места.

Прозаический памфлет, опубликованный, по-видимому, летом 1520 года, вскоре после отлучения Лютера, представлял собой так называемую "Волчью песнь" (*Wolf-gesang*), в которой враги Лютера изображены в виде волков. Она начинается с рассуждений о сотворении и грехопадении Адама и диссертации о догмате искупления, а затем продолжается: "Как бы это сказать, дорогой брат, настави меня, ибо в наше время на нас обрушилось столь великое смятение в вере. В Саксонии есть один человек по имени Лютер, о котором многие благочестивые и честные люди рассказывают, что он так утешительно пишет добрую евангелическую истину (*evangelische*). Но я снова слышу, что папа и

кардиналы в Риме наложили на него запрет как на еретика; и некоторые из наших собственных проповедников тоже ругают его со своих кафедр как плута, заблуждающегося и еретика. Я совершенно сбит с толку и не знаю, куда обратиться; хотя мой разум и сердце говорят мне так, как пишет Лютер. И все же мне приходит в голову, что, когда папа, кардинал, епископ, доктор, монах и священник в большинстве своем против него и все, кроме простых людей и нескольких джентльменов, докторов, советников и рыцарей, являются его противниками, что же мне делать?" "Для ответа, дорогой друг, вернись назад и исследуй Писание, и ты найдешь, что так было со всеми святыми пророками, как это происходит сейчас с доктором Мартином Лютером, который на самом деле благочестивый христианин и мужественное сердце и единственный истинный Папа и Апостол, когда он истинную должность Апостолов публично исполняет..... Если бы благочестивый Лютер был угоден миру, то это было бы верным признаком того, что его учение не от Бога; ибо слово Божие - меч огненный, молот, разбивающий скалы, а не лисий хвост или тростник, который можно гнуть по нашему усмотрению". Приводятся семнадцать пагубных качеств волка: его хищность, коварство, лживость, трусость, жажда грабежа и другие. Папы, кардиналы и епископы сравниваются с волками во всех своих качествах: "Чем больше его пышность и великолепие, тем больше следует остерегаться такого человека, ибо он - волк, приходящий в облике доброго пастушьего пса. Остерегайтесь! Это против обычая Христа и Его апостолов". Это снова не что иное, как песня волков, когда они требуют впутать себя в мирские дела и сохранить временное господство. Жадность волка видна в средствах, принятых для получения денег на строительство собора Святого Петра. Собеседника предостерегают от пожертвований в пользу затворников и монахов. В таком духе памфлет и продолжается, ссылаясь на спор Лютера с Эком, которого иногда называют доктором Геком, то есть доктором Фопом.

Мы привели его в качестве примера почти чисто теологического памфлета, хотя, как уже очевидно, даже он напрямую связан с материальными злоупотреблениями, от которых страдал народ. Другой памфлет примерно той же даты посвящен ростовщичеству, бремя которого значительно возросло в связи с ростом новых коммерческих комбинаций, уже упомянутых во Введении, которые доктор Экк защищал в Болонье на теологических основаниях, чтобы заручиться поддержкой аугсбургского купца Фуггершваца.^[14] Она называется "О пошлинах". Приходит бедный крестьянин к богатому горожанину. Сюда же приходит священник, а затем и монах. Полное приятное чтение". Крестьянин приходит к мещанину, когда тот считает деньги, и спрашивает его, откуда он их берет. "Мой дорогой крестьянин, - отвечает горожанин, - ты спрашиваешь меня, кто дал мне эти деньги. Я тебе отвечу. Приходит к нам крестьянин и просит меня одолжить ему десять или двадцать гульденов. Тогда я спросил его, нет ли у него хорошего луга или кукурузного поля. "Да! Добрый господин!" - говорит он, - "у меня действительно есть хороший луг и хорошее кукурузное поле. Оба они стоят сто гульденов". Тогда я говорю ему: "Хорошо, друг мой, не хочешь ли ты заложить мне свое хозяйство? И если ты будешь отдавать мне по одному гульдену из своих денег каждый год, то я одолжу тебе двадцать гульденов сейчас". Тогда крестьянин очень обрадовался и сказал: "Охотно заложу тебе". "Я предупреждаю тебя, - говорю я, - что если ты не будешь приносить по одному гульдену денег в год, то я возьму твое владение. Я заберу твое имущество себе". Крестьянин остался доволен и записал все как есть. Я даю ему деньги в долг; он платит мне один год, а может быть, и два; после этого он больше не может их давать, и тогда я забираю владение и изгоняю оттуда крестьянина. Таким образом, я получаю и землю, и деньги. Так же я поступаю и с ремесленниками. Есть у него хороший дом? Он закладывает этот дом, пока я не приведу его за собой. Так я получаю много товаров и денег, и так я провожу свои дни". "Я думал, - возразил крестьянин, - что ростовщичеством занимаются только евреи, но я слышал, что и вы занимаетесь этим

ремеслом". Мещанин отвечает, что процент - это не ростовщичество, на что крестьянин отвечает, что процент (*Gült*) - это всего лишь "тонкое название". Тогда мещанин цитирует Писание, повелевающее людям помогать друг другу. Крестьянин с готовностью отвечает, что при этом они не имеют права получать выгоду от предлагаемой ими помощи. "Ты хороший парень!" - говорит горожанин. "Если я не возьму денег за те, что даю займы, как же я тогда увеличу свой клад?" Тогда крестьянин упрекает его в том, что он прекрасно видит, что цель его жизни - жиреть на чужом имуществе; "Но я говорю тебе, что это большой и тяжелый грех". Тогда его противник приходит в ярость и не желает больше иметь с ним ничего общего, угрожая выгнать его во имя тысячи чертей; но крестьянин возвращается к обвинению и выражает мнение, что богатые люди не желают слышать правду. Входит священник, и горожанин объясняет ему суть спора. "Дорогой крестьянин, - говорит священник, - зачем ты пришел сюда, чтобы делать из должного^[15] ростовщичество? Разве не может человек купить на свои деньги то, что ему хочется?" Но крестьянин стоит на своем, требуя, как можно считать купленным то, что является лишь залогом.

"Мы, священники, - отвечает церковник, - вынуждены давать деньги в долг за пошлины, поскольку таким образом мы получаем средства к существованию"; на что крестьянин, после многочисленных возгласов удивления, отвечает: "Кто дал вам такую власть? Я хорошо слышал, что у вас другой Бог, чем у нас, бедных людей. У нас есть Господь наш Иисус Христос, который запретил давать деньги в долг с корыстной целью". Отсюда следует, продолжает он, что земля больше не свободна; пытаться обелить ростовщичество под именем должного или процента, говорит он, - это то же самое, как если бы назвать ребенка Фридрихом или Ганзелем, Фрицем или Гансом, а потом утверждать, что это уже не тот ребенок. Евреи им больше не нужны, говорит он, поскольку христиане взяли их дело в свои руки. Горожанин снова собирается выгнать крестьянина из дома, как вдруг входит монах. Он излагает дело новоприбывшему, который обещает уговорить крестьянина мягкими словами, ибо, говорит он, тщеславие ничего не дает. Затем он отводит его в сторону и объясняет ему на примере купца, чья прибыль от продаваемых товаров не называется ростовщичеством, и утверждает, что поэтому и другие виды прибыли в бизнесе не должны называться этим отвратительным именем. Но крестьянин не соглашается такое сравнение; ведь купец, говорит он, должен подвергаться большому риску, чтобы нажиться и торговать своими товарами, а ссуда денег под залог, напротив, не требует ни риска, ни труда и является коварным способом обмана. Видя, что ничего не могут добиться от упрямого земляка, остальные покидают его, а он, на прощание, восклицает: "Ах, ну и день! Я хотел бы поговорить с вами сначала, но теперь все кончено. Прощайте, милостивый государь, и другие мои любезные господа. Я, бедный маленький крестьянин, иду своей дорогой. Прощайте, прощайте, ростовщичество останется навеки. Да, да! Должное, действительно!"

Чтобы дать читателю представление о характере этих первых образцов памфлетной литературы, достаточно привести еще один пример; на этот раз он будет взят из широко распространенного анонимного трактата под названием "*Der Karsthans*". [Человек, который орудует мотыгой, то есть крестьянин]. Это произведение направлено против монаха Мурнера, который сначала, как уже говорилось, пытался сидеть на заборе, признавая некоторые злоупотребления в церкви, но вскоре встал на сторону Лютера и Реформации, став, по сути, после диспута с Эком, автором серии полемических сочинений против героя Реформации. Самые важные из них появились осенью 1520 года, а "*Карстаны*" - это ответ на них со стороны народного движения. На титульном листе Мурнер изображен в виде монаха с кошачьей головой, а в диалоге участвуют пять *действующих лиц*: Карстханс, Мурнер, Лютер,

Студент и Меркурий, причем последний вставляет язвительные замечания на латыни. Мурнер начинает с того, что мяукает, как кошка. Крестьянин Карстханс и его сын, студент, слушают и описывают друг другу манеры и характер кошек, особенно их хитрость и коварство. Сын по приказу отца собирается закидать кошку камнями, но возвращается, сказав: "О, отец! Что за мерзкий зверь! Это не настоящая кошка, хотя и похожа на нее. Она становится все больше и больше. Оттенок у него серый, а голова дивная". Когда отец, Карстанс, ищет свой меч, чтобы уничтожить зверя, его сын обнаруживает, что это человек, и тогда отец восклицает: "Это дьявол!". Они направляются к нему и обнаруживают, что это церковник. "Я клерк и больше, чем клерк", - гневно восклицает Мурнер. "Я и человек, и монах". Карстханс просит прощения, но Мурнер угрожает ему, и, поскольку монах становится все более раздраженным, сын увещевает отца к скромности в присутствии столь возвышенной духовной личности. "О, отец!" - восклицает сын, - "это действительно великий человек. Я читал его титул. Он поэт, увенчанный лавровым венком, доктор обеих дисциплин, а также Священного Писания. Кроме того, он принадлежит к свободному регулярному духовенству и зовется Томасом Мурнером из Страссбурга". Между отцом и сыном возникает спор о том, что вся духовность монаха заключена в его одежде. Это приводит к ссоре между Карстхансом и Мурнером, в которой студент снова призывает отца к умеренности в выражениях на том основании, что Мурнер - хороший юрист. Карстханс спрашивает, как можно быть духовным в монастыре и хитрым в миру, на что Мурнер отвечает: *Incompatibilia auctoritate Papæ unici possunt*. ("Несовместимое можно привести к согласию авторитетом Папы"). Карстханс, назвавший это ложью, подвергается грубому оскорблению со стороны Мурнера: "Ты, хамский клоун, несправедливо, что *monachis operandibus servi eorum otio torpeunt*". ("Несправедливо, что пока монахи работают, их слуги должны дремать в безделье"). "Да, воистину!" - отвечает Карстханс, - "от вас несет тайной". Во время спора входит Лютер. "Ах! - восклицает Мурнер, - неужели этот человек пришел? Здесь слишком много людей. Позвольте мне выйти через заднюю дверь". Карстханс удивляется такому поведению Мурнера, ведь в целом церкви были рады встрече друг с другом, а Лютера везде признавали хорошим человеком и благочестивым христианином. Мурнер умоляет Карстханса не раскрывать его, так как он обязуется считать Лютера еретиком и намерен доказать это. Карстханс спрашивает, почему он не спорит с Лютером лично, как "доктор Генцкусс", то есть Эрк, в Лейпциге. "Но, отец, - вмешивается сын, - доктор Эрк, как говорят некоторые, не снискал себе особой чести и победы над Лютером". Карстханс изумляется и отвечает: "Но он так кричал и сражался, что едва ли кто мог говорить перед ним". "Он также, - замечает студент, - получил от папы 500 дукатов за свои труды; и, - добавляет он, - если бы доктор Эркиус победил Лютера, как победил его, то он (то есть папа) сделал бы из него верблюда с широкими копытами" () - это нынешнее выражение для обозначения кардинала; "и Мурнер также надеется вырвать несколько перьев из вороны, как Эрк". Лютер снова стучит, и Мурнер пытается уйти, но Карстханс его удерживает. После разных любезностей между Карстхансом и Мурнером, в ходе которых монах советует крестьянину отправиться к книготорговцу Грюнингеру в Страссбург и купить у него две книги: "Крещение" и "Христианское и братское предостережение". Мурнер уходит, а Лютер входит. На вопрос Карстханса о том, что привело его в Германию, он отвечает: "Простота немецкого народа - то есть то, что он так мало понимает. Что бы ни притворился и ни солгал им человек, они сразу же верят и не задумываются об этом. Поэтому их так часто обманывают, и они становятся посмешищем для других народов". Студент напоминает отцу, что Мурнер объявил Лютера еретиком. Карстханс снова пускает в ход свой меч, но Лютер требует беспристрастности. Раз уж он выслушал Мурнера, то должен выслушать и его. Карстханс соглашается; но сын возражает, поскольку доминиканцы и врачи в Кельне, особенно Хохстратен,^[16] говорили, что с такими людьми опасно спорить и слушать их, поскольку даже *кетцермайстеры*

(опровергатели еретиков) часто оказываются вторыми в споре; как в случае с доктором Рейхлином, который, несмотря на их осуждение, был оправдан Римом, и папский приговор против него отменен. "И снова какое чудо произошло в 20-м году в Майнце! Туда прибыл легат из Рима, который должен был проследить за тем, чтобы книги Лютера были тщательно сожжены; и пока все ожидали этого в назначенном месте, палач спросил, вынесен ли приговор о сожжении книг; и поскольку никто не мог сказать ему правду, нерадивый парень не стал исполнять приговор и пошел своей дорогой. О! Какой великий стыд и бесчестье выпали на долю легата! И так как он не желал терпеть позор, ему пришлось хитростью и подарками уговорить палача, чтобы тот на следующий день сжег две или четыре маленькие книжечки. "Я думал, - заключил студент, - что ему не нужно было спрашивать дальше перед лицом легата и строгого приказа папы, а также перед кабинетом еретика-конфуцианта". Карстханс возмущен и грозит каждому "плуту из Рима" своим молотом; на что студент отвечает: "О, отец! Ты думаешь, что с властью папы дело обстоит так же, как с твоим главенством в деревне, которую ты имеешь, где ты не можешь по своей воле действовать ни на йоту иначе, как с ведома и согласия твоих соседей, которые все - гнусные крестьяне, и которые считают, что будет большая беда, если они будут судить иначе, чем велят свидетели. Но с папой все обстоит иначе; иногда так и бывает: *Sic volumus, sic jubemus, oportet; sufficit, vicisse*. ("Как мы хотим, как мы повелеваем, так пусть и будет; достаточно, чтобы это восторжествовало"). Карстанс требует, чтобы, если папа обладает божественной властью, он также совершал божественные дела; в то время как студент защищает абсолютную власть папы и епископов. Он жалуется, что его отец - враг священников, как и все остальные крестьяне. Карстанс возражает, что есть четыре положения, на которых держится весь спор: "Ты - Петр; на святом Петре я построю свою церковь. Паси овец моих. Что я тебе велю, то и делай. Кто презирает вас, тот презирает и меня". Затем он требует от Лютера, чтобы тот писал на немецком языке, и пусть они посмотрят, не смогут ли они спасти его от власти папы и от носителей широкополых шляп. Но Лютер отказывается от такой помощи и тут же уезжает. Карстханс оскорблен тем, что его сын, студент, называет папу высшим авторитетом христианской веры. "Ибо, - говорит он, - только Христос является таким авторитетом. Он - единственный жених, и невеста не может знать другого. Иначе она была бы нечистой и морщинистой, а не чистой невестой. Более того, невеста не противоречит своему жениху, но с Папой Римским она почти всегда в разладе. Что хочет один, то не хочет другой. Кроме того, невеста духовна, а этот римлянин телесен и мирской". Ученик отвечает: "Жених дал невесте телесную голову", - оспаривает крестьянин, признавая, что хорошо иметь духовную и плотскую власть; "но, - говорит он, - Христос призвал на эту должность не только одного, но и всех апостолов", и поясняет разницу между этим и борьбой за должности, которая тогда наблюдалась в государстве. Студент снова упрекает своего отца-крестьянина за бесцеремонное обращение с ученым человеком; и в то же время он обвиняет Лютера в нападках на некоторые статьи христианской веры, которые все люди должны свято соблюдать. Карстханс спрашивает, имеет ли он в виду догмат о Троице. Студент отрицает это, говоря, что речь не идет ни об этом, ни о каком-либо другом вопросе, который богословы стремятся уколоть острием иглы. В конце концов он признает, что имеет в виду вопрос о верховенстве папы, утверждая, что "было бы смертным грехом верить, что папа хоть четверть часа простоял в смертном грехе. Пункт, что только Папа истолковывает правильный смысл и значение Писания и только он обладает всей полнотой власти не только на земле, но и в чистилище". Затем студент переходит к цитированию различных кредо, афанасьевского, никейского и так далее, пока, наконец, Карстханс не вскрикивает: "Смотрите-ка! Если вы это сделаете, то статьи веры наконец-то станут большой книгой! Благочестивый доктор Мартин Лютер учит правильно: "Положи веру твою на одного Христа, и на этом дело кончится"". Карстханс, кроме того, отстаивает право простого человека на собственное толкование

статей веры, поддерживая апелляцию к Священному Писанию против всех церковных авторитетов; "ибо по Писанию можно всегда безошибочно узнать, праведно ли правит такая власть или нет, поскольку Писание - это истинная статья завета, которую оставил нам Христос". Спор продолжается, время от времени Меркурий, выступающий в роли циничного хора, вставляет реплики на латыни, пока Карстханс не становится очень грубым, обвиняет отсутствующего Мурнера во вшах, называет его злым котом, который лижет перед и чешет задом, и требует, почему он не смеет отправиться в Виттенберг, чтобы поспорить с доктором Мартином Лютером, как это только что сделал Эрк. После этого со словами *Aldi, ich far dahin*, эквивалентными современному английскому "Ну, я пошел", от крестьянина, *Dii secundent* от Меркурия и *Uterque valeat* от студента партия расходится, и диалог завершается.

Ввиду важности этого диалога мы изложили его несколько пространно, рискуя даже утомить читателя. Его резкое утверждение права простого человека на независимость от начальства в духовных вопросах, с побочными намеками и предложениями, оправдывающими сопротивление всякой власти, ставшей деспотичной, не могло не свое влияние на общественные движения последующих лет. Для читателя, желающего глубже изучить эту литературу, мы приводим названия других подобных памфлетов и листов, которые в достаточной степени отражают их содержание: "Новое послание от злого духовенства, отправленное к их праведному Господу, с ответом от их Господа. Очень весело читать" (1521). "Великий приз, который князь ада, высочайший Люцифер, предлагает сейчас духовенству, папе, епископам, кардиналам и им подобным" (1521). "Письменный призыв, обращенный Князем Ада к своим дорогим преданным, всем и каждому в его царстве" (1521). "Диалог или беседа об апостоликуме, ангелике и других лекарственных специях против доктора Мартина Лютера и его учеников" (1521). "Очень приятный диалог и возражения шерифа Гайсдорфа и его ученика против пастора того же города и его помощника" (1521). О популярности "Карстханса" в народе свидетельствует публикация и широкое распространение нового "Карстханса" несколькими месяцами позже, в котором делается попытка показать, что рыцарство должно вести общее дело с крестьянами, а *действующими лицами* являются Карстханс и Франц фон Зиккинген. К этому же вопросу относится и "Диалог, который Франциск фон Сиккинген вел перед небесными вратами со святым Петром и рыцарями святого Георгия, прежде чем его впустили". Он был опубликован в 1523 году, почти сразу после смерти Сиккингена. "Разговор между дворянином, монахом и придворным" (1523). "Разговор между лисой и волком" (1523). "Приятный диалог между доктором Мартином Лютером и хитрым посланником из ада" (1523). "Беседа Папы со своими кардиналами о том, как это происходит с ним и как он может уничтожить Слово Божье. Пусть каждый хорошенько заметит" (1523). "Христианская и веселая беседа о том, что людям более угодно Богу и полезно выходить из монастырей и жениться, чем оставаться в них и гореть; эта беседа не связана с человеческой глупостью и ложными учениями, но основана только на святом, божественном, библейском и евангельском Писании" (1524). "Приятный диалог крестьянина с монахом о том, что он должен сбросить с себя плащ. Веселое и приятное чтение" (1525).

Выше приведены лишь образцы, взятые случайно из массы беглой литературы, которую породили первые годы Реформации. Несмотря на некоторую грубоватую, но непривлекательную прямолинейность дикции, длительное чтение их очень утомительно, что достаточно видно из приведенных нами выдержек. Их юмор отличается особой юностью и очевидностью и почти полностью состоит в детском приеме наряжать персонажей смешными, но несущественными атрибутами или помещать их в гротескные, но бессмысленные ситуации. От более тонкого юмора, который заключается в обнаружении реальных, но скрытых несоответствий и восприятии того, что является врожденным

абсурдом, не осталось и следа. Очевидные злоупотребления того времени сатиризируются таким образом *до тошноты*. Скупость духовенства в целом, праздность и распутство монахов, пышность и роскошь князей-прелатов, несоответствие церковных традиций и практики Писанию, с которым их теперь можно было сравнивать, поскольку оно повсеместно распространялось на вульгарном языке, составляют их неизменную тему. Они открывают читателю положение вещей, которое не менее всего поражает в английской литературе того периода, - пристальный интерес всех классов к теологическим вопросам. Они показывают нам, как они смотрели на все вещи через призму теологии. Хотя мы оставили эту фазу народной мысли так недавно позади, мы даже сейчас с трудом можем представить себя вернувшимися в нее. Мысль о том, что обычные люди, или подавляющее большинство, придерживались религии как чего-то иного, кроме очень благочестивого мнения, абсолютно не связанного с их повседневной жизнью, общественной или частной, уже стала для нас почти невыносимой. Во всех работах того времени на первом плане стоит теологический интерес. Экономическая и социальная подоплека раскрывается лишь вскользь. Именно это делает чтение полемики XVI века таким невыносимо тошнотливым и унылым. Они вызывают перед нами призраки споров, в которых большинство людей уже не принимает никакого участия, хотя они не были мертвы и забыты достаточно долго, чтобы возродить антикварный интерес. Это напоминает слабые отголоски доктринальных споров поколения назад, которые, уже угасая на континенте Европы, все еще продолжали будоражить английские средние классы всех рангов, и о которых сейчас вспоминают лишь с улыбкой по поводу их безмерной глупости.

Большая бомба, которую Лютер бросил 24 июня 1520 года в своем обращении к немецкому дворянству,^[17] действительно содержит сильные апелляции к экономическим и политическим нуждам Германии, и в ней мы видим сорванную вуаль с полубессознательных мотивов, скрывавшихся за теологической маской; но, как уже говорилось, в популярной литературе, за небольшими исключениями, теологические споры господствуют бесспорно.

Заметной чертой всего этого нашествия *sacroëthes scribendi* было прямое обращение к Библии для разрешения не только сугубо теологических споров, но и вопросов социальной и политической этики. Эта практика, которая даже современному протестанту кажется неубедительной и избитой после трех с половиной веков износа, в то время имела для нас невыносимое очарование новизны; и изучение литературы и споров того времени показывает, что люди использовали ее со всем восторгом ребенка, получившего новую игрушку, и, казалось, никогда не уставали от игры в поиск текстов для обоснования своей позиции. Распространение всей Библии на жаргоне, само по себе ставшее следствием восстания против священнических традиций и авторитета Отцов, усилило бунт, сделав это занятие доступным для всех слоев общества.

ССЫЛКИ:

^[14] См. Приложение С.

^[15] Мы используем здесь слово "должное" для немецкого слова *Gült*. Соответствующий английский язык того времени не делает различий между *Gült*, или процентами, и *Wucher*, или ростовщичеством.

^[16] Хохстратен был одним из главных противников Рейхлина.

^[17] "An den Christlichen Adel deutscher Nation".

ГЛАВА IV.

ФОЛЬКЛОР РЕФОРМАЦИИ.

Теперь, когда Библия была в руках всех людей, на ней основывались не только доктринальные мнения. Она поддержала многие народные суеверия того времени, а кроме того, послужила отправной точкой для новых суеверий и для нового развития старых. Пандемонизм Нового Завета с его чудесами, творимыми дьявольскими силами, изгнанием злых духов и тому подобными вещами не мог не оказать глубокого воздействия на народное сознание. Авторитет, который книга, считавшаяся боговдохновенной, неизбежно придавала таким верованиям, придал яркость народному представлению о дьяволе и его ангелах, которое прослеживается на протяжении всего движения Реформации, и не в последнюю очередь в высказываниях самого великого Лютера. Действительно, с Реформацией происходит полное изменение народного представления о дьяволе и дьявольском влиянии.

Правда, судебное преследование ведьм и колдовства, которое в раннем Средневековье было лишь единичным случаем, получило большой импульс от буллы папы Иннокентия VIII. (1484), которой было дано название "Malleus Maleficorum", или "Молот колдовства", направленный против колдовства; но именно среди людей Нового Духа укоренилась вера в распространенность договоров с дьяволом и необходимость их пресечения, что привело к ужасным гонениям, которые отличали "реформатские" церкви в целом даже больше, чем католические.

Сам Лютер был убежден в вездесущности дьявола и его мирмидонов, что отразилось на всех его взглядах и поступках. "Дьяволы, - говорит он, - находятся рядом с нами и каждый миг без остановки хитроумно замышляют против нашей жизни, нашего спасения и нашего блаженства..... В лесах, водах и пустошах, в сырых и болотистых местах есть много дьяволов, которые стремятся причинить вред людям. В черных и густых тучах также есть те, кто производит бури, град, молнии и гром, кто отравляет воздух и пастбища. Когда такое случается, философы и врачи приписывают это звездам и показывают, что я не знаю, каковы причины таких несчастий и язв". Лютер рассказывает о многочисленных случаях личных встреч с дьяволом. Один дворянин пригласил его вместе с другими учеными людьми из Виттенбергского университета принять участие в охоте на зайца. Дорогу им перебежали большой и красивый заяц и лиса. Дворянин, сидя на сильном и здоровом коне, бросился за ними, как вдруг его лошадь упала под ним, а лиса и заяц взлетели в воздух и исчезли. "Ибо, - говорит Лютер, - это были дьявольские призраки".

В другой раз он был в Айслебене по случаю очередной охоты на зайцев, когда дворянину удалось убить восемь зайцев, которые по возвращении домой были должным образом повешены для еды на следующий день. На следующее утро на их месте были найдены лошадиные головы. "В шахтах, - говорит Лютер, - дьявол часто обманывает людей ложной видимостью золота". Все болезни и все несчастья были прямым делом дьявола; Бог, который был благ, не мог произвести ни того, ни другого. Лютер приводит длинную историю о том, как его вызвали к приходскому священнику, который пожаловался на то, что дьявол устроил в

его доме беспорядок, разбрасывая кастрюли и сковородки и т. д., и как он посоветовал священнику изгнать дьявола, ссылаясь на свой собственный авторитет пастора Церкви.

В Вартбурге Лютер жаловался, что ему очень мешают сатанинские искусства. Когда он работал над переводом Библии, читал проповеди или занимался богослужением, дьявол постоянно устраивал беспорядки на лестнице или в комнате. Однажды, после напряженной учебы, он лег спать в свою постель, и тут дьявол начал забрасывать его орехами лещины, мешок которых за несколько часов до этого принес ему слуга. Однако он призвал имя Христа и снова лег в постель. Были и другие, более любопытные и сомнительные рецепты, как отогнать сатану и его посланников. Лютер не устает повторять, что презрительное обращение и грубая брань - одни из самых действенных методов.

Он рассказывает о бедном прорицателе, к которому явился дьявол в явном виде и предложил огромное богатство при условии, что он отречется от Христа и никогда больше не будет совершать покаяния. Дьявол дал ему кристалл, с помощью которого он мог предсказывать события и таким образом разбогатеть. Он так и сделал, но его ждала Немезида, потому что однажды дьявол обманул его и заставил обличить некоторых невинных людей как воров. В результате его бросили в тюрьму, где он раскрыл заключенный им договор и призвал к себе духовника. Два главных облика, в которых являлся дьявол, по мнению Лютера, - это змея и овца. Далее он переходит к вопросу о численности дьяволов в разных странах. На вершине горы Пилатус в Люцерне находится черный пруд, который является одним из любимых мест обитания дьявола. В стране Лютера тоже есть высокая гора Полтерсберг с подобным прудом. Когда в этот пруд бросают камень, начинается сильная буря, которая часто опустошает все окрестности. Он также утверждает, что Пруссия полна злых духов.

По словам Лютера, дьявольские подменыши часто подкладываются сатаной в колыбели человеческих детей. "Некоторых служанок он часто погружает в воду и держит их при себе до тех пор, пока они не родят ребенка". Этих детей кладут в постели смертных, а истинных детей вынимают и спешат прочь. "Но, - добавляет он, - считается, что такие подменыши не живут дольше восемнадцатого или девятнадцатого года". В качестве практического применения этого можно упомянуть, что Лютер посоветовал утопить некоего ребенка двенадцати лет на том основании, что он был дьявольским подменным. Сомнамбулизм, по мнению Лютера, является результатом дьявольского воздействия. "Раньше, - говорит он, - паписты, будучи суеверными людьми, утверждали, что страдающие этим недугом люди были неправильно крещены или их крестил пьяный священник". Ирония в упоминании суеверий, учитывая позицию самого "великого реформатора", не пропадет для читателя.

Таким образом, дьявол не только является причиной моровой язвы, но и непосредственным возбудителем ночных кошмаров и ночных потниц. В Мельбурге в Тюрингене, недалеко от Эрфурта, волынщик, привыкший трубить на свадьбах, пожаловался своему священнику, что дьявол угрожал унести его и уничтожить на основании розыгрыша, сыгранного с некоторыми собутыльниками, а именно за то, что во время попойки они подмешали в вино конский навоз. Священник утешил его многими местами из Писания о дьяволе и его путях, в результате чего волынщик выразил удовлетворение по поводу благополучия своей души, но опасения по поводу своего тела, которое, по его утверждению, безнадежно стало добычей дьявола. В связи с этим он настаивал на причастии. Дьявол указал ему, когда он будет схвачен, и в его комнате были поставлены наблюдатели, которые сидели в доспехах и с оружием и читали ему Библию. Наконец, однажды в субботу в полночь поднялась сильная буря, которая задула свет в комнате и вышвырнула незадачливую жертву из узкого окна на улицу. Послышались звуки боя и шум вооруженных людей, но волынщик исчез. На

следующее утро его нашли в соседней канаве с вытянутыми в виде креста руками, мертвого и угольно-черного. Лютер ручается за правдивость этой истории, которую, как он утверждает, ему рассказал приходской священник из Готы, который сам слышал ее от приходского священника из Мёльбурга, где, как утверждается, и произошло это событие.

Среди многочисленных анекдотов сверхъестественного характера, рассказанных "доктором Мартином", есть один о "полтергейсте", или "Робине Гудфеллоу", которого изгнали два монаха из гостевой комнаты трактира и который предложил им свои услуги в монастыре. Они отвели ему угол на кухне. Мальчик-слуга мучил его, обливая грязной водой. После безуспешных протестов дух подвесил мальчика к балке, но спустил его, прежде чем тот успел причинить серьезный вред. Лютер утверждает, что этот "пирожок" был хорошо известен в соседнем городе (название которого он не называет). Но гораздо большее число его историй, которые, надо заметить, обоснованы как обычные происшествия, в возможности которых никто не сомневался, окрашены той более зловещей стороной сверхъестественного, которую так подчеркивала новая теология.

Средневековый дьявол в большинстве своем был не более чем проказником Рюбезалем или Робинот Гудфеллоу; новый Сатана реформаторов был, по сути, архи-чудовищем, врагом рода человеческого, с которым нельзя заключить ни перемирия, ни примирения. Старая фольклорная вера в *инкубов* и *суккубов* как родителей подменышей соединяется с теорией прямого дьявольского порождения. Так, Лютер рассказывает о том, как Фридрих, курфюрст Саксонии, поведал ему о знатной семье, произошедшей *от суккуба*: "Точно так же, - говорит он, - как и Мелюзина в Люксембурге, она тоже была суккубом, или дьяволом". В упомянутом случае суккуб принял облик умершей жены мужчины, жил с ним и рожал ему детей, пока однажды он не поклялся ей, и тогда она исчезла, оставив после себя только одежду. Высказав свое мнение о том, что все подобные существа и их потомство - козни дьявола, он продолжает: "Поистине печально, что дьявол может так изводить людей, что у них рождаются дети по их подобию. Так бывает и с никси в воде, которые заманивают туда человека в виде жены или служанки, с которыми он вступает в связь и рождает от них потомство". Изменение, при котором существа старого наивного фольклора превращаются в дьявола или его агентов, свидетельствует о той темной стороне новой теологии, которой суждено было вылиться в ужасы колдовской мании, достигшей своего апогея в начале следующего века.

Еще одна история о "подмене", прежде чем мы оставим эту тему. Лютер рассказывает о том, что ему стало известно в окрестностях Хальберштадта, в Саксонии. У одного крестьянина родился младенец, который высосал свою мать и пятерых кормилиц, а также много ел. Решив, что это подменыш, крестьянин обратился за советом к соседям, которые посоветовали взять его с собой в паломничество к соседнему святилищу Богородицы. Когда он переходил по дороге ручей, злобный голос из-под воды окликнул младенца, которого он нес в корзине. Малыш ответил из корзины: "Хо, хо!", и крестьянин был несказанно потрясен. Когда голос из воды спросил ребенка, чего он хочет, и получил от доселе невнятного младенца ответ, что его собираются положить на раку Богородицы, чтобы она процветала, крестьянин не выдержал и бросил корзину с ребенком в ручей. Подменыш и маленький дьявол несколько мгновений играли друг с другом, перекатываясь и крича "Хо, хо, хо!", а потом вместе исчезли. Лютер говорит, что этих дьявольских отродьев можно узнать по тому, что они много едят и пьют, и особенно по тому, что они истощают молоко матери, но они не могут никаких определенных признаков своего истинного происхождения до восемнадцати или девятнадцати лет. У принцессы Анхальтской был ребенок, которого Лютер считал подменным, и поэтому советовал утопить его, утверждая, что такие существа - лишь куски

плоти, оживленные дьяволом или его ангелами. Кто-то рассказывал о чудовище, населявшем Нидерланды, которое ходило и нюхало людей, как собака, и тот, кого оно нюхало, умирал. Но те, кого оно учуяло, не видели его, а вот прохожие видели. Люди прибегали к бдениям и мессам. Лютер воспользовался этим случаем, чтобы выразить протест против "суеверия", связанного с отпеванием умерших, и настоять на своем любимом догмате о вере как истинной защите от нападков дьявола.

Среди многочисленных историй о сатанинских договорах нам рассказывают о монахе, который съел груз сена, о должнике, который откусил ногу своему еврейскому кредитору и убежал, чтобы избежать оплаты, и о женщине, которая заколдовала своего мужа так, что его вырвало ящерицами. Лютер отмечает, особенно в связи с последним случаем, что адвокаты и судьи были слишком педантичны в отношении свидетелей и доказательств; что дьявол закаляет своих клиентов против пыток, и что отказ признаться под пытками сам по себе должен быть достаточным доказательством того, что человек имеет дело с князем тьмы. "К таким, - говорит он, - мы не должны проявлять милосердия; я бы сам их сжег". Черную магию или колдовство он характеризует как величайший грех, в котором может быть виновен человек, как, по сути, государственную измену самому Bory - *crimen læsæ majestatis divinæ*.

Беседа завершается рассказом о том, как отец Максимилиана, император Фридрих, который, судя по всему, приобрел репутацию мага, пригласил на пир известного фокусника и по его прибытии хитростью приделал ему когти на руки и копыта на ноги. Гость, устыдившись, пытался спрятать когти под стол, сколько мог, но в конце концов ему пришлось их показать, к своему большому огорчению. Но он решил отомстить и спросил хозяина, не позволит ли тот привести доказательства своего мастерства. Император согласился, и тут же за окном раздался сильный шум. Фридрих вскочил из-за стола и высунулся из окна, чтобы посмотреть, в чем дело. Тут же на его голове появилась огромная пара оленьих рогов, так что он не смог ее обратно. Узнав, в чем дело, император воскликнул: "Избавь меня от них снова! Ты победил!" Лютер прокомментировал это так: он всегда был рад видеть, как один дьявол одерживает верх над другим, поскольку это показывало, что одни сильнее других.

Все это относится, грубо говоря, к той стороне вопроса, которая касается популярного богословия; но есть и другая сторона, связанная в первую очередь с Новым Учением. Эта другая школа, стремившаяся привести несколько эластичные элементы магической теории мироздания в подобие систематического целого, связана с такими именами, как Парацельс, Корнелий Агриппа и аббат фон Триттенхайм. Слава первого из них была настолько велика по всей Германии, что когда он посещал какой-либо город, это событие рассматривалось как событие чрезвычайной важности.^[18] Парацельс полностью разделял верования своей эпохи, несмотря на свои блестящие прозрения в некоторых случаях. Какова была его наука, можно представить, узнав, что он всерьез рассказывает о животных, которые зачинают через рот, о василисках, чей взгляд смертоносен, об окаменевших аистах, превратившихся в змей, о мертворожденных львятах, которых потом оживляет рев их отца, о лягушках, падающих под ливнем, об утках, превращенных в лягушек, и о людях, рожденных от зверей; Менструации женщин он считал ядом, из которого выходят мухи, пауки, ухвертки и всевозможные отвратительные паразиты; ночь вызывается не отсутствием солнца, а присутствием звезд, которые являются положительной причиной темноты. Он рассказывает, что видел магнит, способный притягивать глазное яблоко из глазницы вплоть до кончика носа; он знает мази, закрывающие рот настолько эффективно, что его приходится открывать механическим способом, и искусно пишет о безошибочных признаках колдовства. Смешивая конский навоз с человеческой спермой, он считал, что может получить среду, из которой путем химической обработки в реторте можно изготовить уменьшенное

человеческое существо, или *гомункулуса*, как он его называл. Духи стихий, воздушные сильфы, земные гномы, огненные саламандры и водные ундины были для него реальными и несомненными существами в природе.

Какими бы странными ни казались нам сейчас все эти верования, они были очень реальным фактором в интеллектуальных представлениях эпохи Возрождения, не менее чем Средневековья, и среди них порой можно найти предвестия более современных знаний. Многие другие люди также были в той или иной степени связаны с магической школой, среди них Франц фон Зиккинген. Сам Рейхлин, изучая иврит и особенно знакомя языческих читателей с Каббалой, также оказал немаловажное влияние на развитие этого движения. Граница между так называемой черной магией, или операциями, проводимыми с помощью прямого воздействия злых духов, и белой магией, которая стремилась подчинить природу человеческой воле путем открытия ее мистических и тайных законов или характера квазиперсонифицированных разумных принципов, в форме которых природа предстает перед их умами, никогда не была очень четко определена на протяжении Средних веков. Одно всегда имело тенденцию перетекать в другое, так что даже практика Роджера Бэкона если и не осуждалась, то, по крайней мере, рассматривалась церковью с некоторым сомнением. Однако в то время, о котором мы рассказываем, интерес к подобным вопросам стал всеобщим среди всех разумных людей. Научное воображение на закате Средневековья и в эпоху Возрождения было занято в основном тремя вопросами: открытие средства превращения низших металлов в золото или иного способа получения этого предмета всеобщего желания; открытие *Elixir Vitæ*, под которым обычно понималось изобретение лекарства, способного излечивать все болезни, возвращать человеку вечную молодость и, короче говоря, продлевать человеческую жизнь на неопределенный срок; и, наконец, поиск философского камня, счастливый обладатель которого не только сможет достичь первых двух, но и, поскольку предполагалось, что он содержит квинтэссенцию всех металлов, а значит, и всех планетарных влияний, которым эти металлы соответствуют, будет иметь в своем распоряжении все силы, формирующие судьбы людей. В особой связи с последним объектом исследований можно отметить всеобщий интерес к астрологии, чьих практиков можно было встретить при любом дворе, от самого императора до самого незначительного принца или принцессы, и к чьим советам обращались и внимательно прислушивались во всех важных случаях. Таким образом, алхимия и астрология стали признанными физическими науками эпохи, под эгидой которых родились и получили образование Коперник и Тихо Браге.

ССЫЛКИ:

[18] См. Себастьян Франк, *"Хроника"*, где рассказывается о визите Парацельса в Нюрнберг.

ГЛАВА V.

НЕМЕЦКИЙ ГОРОД.

Из сказанного читатель может составить для себя представление об интеллектуальной и социальной жизни немецкого города того периода. Богатое патрицианское сословие,

политической опорой которого был *рат*, задавало социальный тон всему городу. Несмотря на резкие и порой жестокие проявления классовых различий, как тогда, так и в Средние века, здесь не было той отчужденности между сословиями, которая характерна для буржуазного общества наших дней. Каждый город, большой или маленький, был маленьким мирком сам по себе, так что каждый горожанин в большей или меньшей степени знал каждого другого горожанина. Школы при церковных учреждениях были практически свободны для всех детей, чьи родители могли найти средства для их содержания во время учебы, и, следовательно, интеллектуальные различия между разными классами отнюдь не обязательно были пропорциональны разнице в социальном положении. Итак, том, что касается культуры и материального процветания, города Баварии и Франконии, Мюнхен, Аугсбург, Регенсбург и, пожалуй, прежде всего Нюрнберг, представляли собой высшую отметку средневековой цивилизации в том, что касается городской жизни. Войдя в бург, если это происходило в мирное время и при дневном свете, чужестранец без особых проблем преодолевал разводной мост и португалку, проходил по улицам, уставленным домами и лавками мещан, на открытых фасадах которых мастер с подмастерьями и *гезелленами* занимались своим ремеслом, оживленно обсуждая за работой политику города, а в этот период, вероятно, и теологические вопросы, которые занимали умы людей в первую очередь. Наш посетитель добирался до какой-нибудь гостиницы, во дворе которой он садился на лошадь и, войдя в общий зал, или *Stube*, с грубой, но художественной мебелью из резного дуба, выпивал свой кубок вина или пива, в зависимости от района, в котором он путешествовал, в то время как хозяин грубо и, возможно, грубо шутил с другими гостями или рассказывал им последние сплетни о городе. Незнакомец, скорее всего, надолго становился объектом расспросов о своем родном месте и цели путешествия (хотя его одежда, несомненно, давала общее представление об этом), был ли он купцом, странствующим ученым или практикующим врачом; ведь можно было предположить, что в одну из этих категорий попадет скромный, но не подневольный путешественник. Если бы он ехал с дипломатической миссией от какого-нибудь правителя, он бы путешествовал, по крайней мере, как рыцарь или дворянин, со шпорами и доспехами, и, кроме того, вряд ли остановился бы в публичном доме развлечений.

В *Stube* он, скорее всего, увидит сильно пьющих представителей вездесущих *Landsknechte*, наемных войск, набранных для имперских целей императором Максимилианом в конце прошлого века, которые в перерывах между войнами распускались и скитались, тратя свое жалованье, и таким образом представляли собой чрезмерно дезинтегрирующий элемент в жизни того времени. Современный писатель^[19] называет их проклятием Германии и клеймит как "нехристианский, забытый Богом народ, чья рука всегда наготове, чтобы наносить удары, колоть, грабить, жечь, убивать, играть в азартные игры, кто наслаждается винопитием, блудом, богохульством, а также тем, что делает вдов и сирот".

Вскоре, возможно, шум без посторонних указывает на прибытие нового гостя. Все спешат во двор, и их любопытство разгорается еще сильнее, когда по желтому вязаному шарфу на шее новоприбывшего они понимают, что это *схоластик* (*itinerans scholasticus*), или странствующий ученый, который принес с собой не только возможность получить новости из внешнего мира, столь важные в эпоху, когда журналов не существовало, а связь была нерегулярной и неполноценной, но и шанс увидеть чудотворения, а также исцелиться от недугов, которые местные мастера лечили безрезультатно. Уже окруженный толпой поклонников, ожидающих, когда с его уст сорвутся мудрые слова, он начинал свой экзорцизм, который мало чем напоминал скороговорку современного шарлатана, хотя и

перемежался множеством латинских цитат и демонстрацией средневековой образованности. "Добрые люди и достойные граждане этого города, - мог сказать он, - узрите во мне великого мастера... принца некромантов, астролога, второго мага, хироманта, агроманта, пироманта, гидроманта. Моя образованность столь глубока, что если бы все труды Платона и Аристотеля были потеряны для мира, я мог бы по памяти восстановить их с большим изяществом, чем прежде. Чудеса Христа были не столь велики, как те, которые я могу совершать где угодно и сколько угодно. Из всех алхимиков я первый, и мои способности таковы, что я могу получить все, что пожелает человек. В моих пряжках больше знаний, чем в головах Галена и Авиценны, а в моей бороде больше опыта, чем во всех ваших школах. Я - монарх всех знаний. Я могу исцелить вас от всех болезней. Своими тайными искусствами я могу принести вам богатство. Я - философ философов. Я могу снабдить вас заклинаниями, способными связать самых могущественных дьяволов в аду. Я могу предсказать ваши дни рождения и предсказать все, что с вами случится, ибо у меня есть то, что может открыть тайны всего, что было, что есть и что будет".^[20] Принеся странные на вид флаконы, испещренные кабалистическими знаками, хрустальный глобус и астролябию, а затем внушительный свиток пергамента, исписанный загадочными символами, похожими на гебраистские, странствующий студент, вероятно, открыл среди собравшихся горожан бойкую торговлю любовными фильтрами, лекарствами от аги и чумы, амулетами против них, гороскопами, предсказаниями судьбы и прочими товарами, которыми он торговал.

Ближе к вечеру наш путешественник выходит на улицы и в узкие переулки города, застроенные нависающими фронтонами, которые почти смыкаются над головой и закрывают свет послеполуденного солнца, так что кажется, что сумерки уже наступили. Заметив, что мещане с женами и детьми, закончив дневные дела, направляются к западным воротам, он идет по течению, пока, пройдя под тяжелым портупеей и через внешний вал, не оказывается на равнине, через которую ведет изрезанная уздечка на большой четырехугольный луг, неровный и более или менее потертый, где уже собралась немалая толпа. Это *Allerwiese*, или общественная площадка для развлечений города. Здесь не только устраиваются большие праздники по воскресеньям и праздникам, но и каждый летний вечер собирается множество горожан, чтобы посмотреть, как подмастерья упражняются в атлетических подвигах, соревнуются друг с другом в различных видах спорта, таких как бег, борьба, метание копья, игра на мечях и тому подобное, где низшее сословие стремится подражать и даже имитировать рыцарство, а дочери города с интересом и аплодирующим смехом наблюдают за их успехами. По мере того как тени становятся все глубже и на равнине опускается темнота, наш гость присоединяется к группам, которые быстро покидают луг, и возвращается к большой бойнице как раз в тот момент, когда в окнах начинают мерцать камышовые фонари, а качающиеся масляные лампы бросают тусклый свет то тут, то там на улицах. Но когда его компания выходит из узкого переулка, ведущего к главной рыночной площади, их продвижение останавливает внезапный натиск смешанной толпы буйных подмастерьев и подмастерьев, возвращающихся со своих занятий, с горячими головами, хорошо подпоясанными. Затем с другой стороны улицы внезапно вспыхивают факелы, которые несут гильдейцы, чтобы подавить беспорядки и отправить подмастерьев в их жилища, в то время как стража также сбивает и уносит некоторых из наиболее буйных подмастерьев, чтобы провести ночь в одной из башен, которые охраняют городскую стену. Однако в конце концов посетитель добирается до своего постоянного двора с помощью дружелюбного гильдсмана и его факела; и, удалившись в свою комнату с полом, покрытым соломой, грубой дубовой кроватью, жестким матрасом и покрывалами не лучше лошадиных

шкур, он засыпает, когда колокол минстера пробивает десять часов над темным и безмолвным городом.

Примерно так выглядел немецкий город XVI века в мирное время. Однако нередко случались и более волнующие времена, когда со шпилей всю ночь напролет звучал набат, призывая горожан к оружию. Такими сценами, надо ли говорить, год Крестьянской войны характеризовался более чем обычно. В те времена, когда каждый мужчина носил оружие и умел им пользоваться, когда боевой инстинкт впитывался с молоком матери, когда каждую неделю происходила какая-нибудь уличная драка, нередко сопровождавшаяся человеческими жертвами, и далеко не всегда среди самых никчемных и беспутных обывателей, Любое недовольство немедленно перерастало в вооруженное восстание, будь то подмастерья или ученики против гильдмастеров, горожане против патрициата, сам город против своего феодального начальника, если таковой имелся, или рыцарство против князей. Крайность, до которой в настоящее время могут дойти споры, не приводя к нарушению мира, о чем свидетельствуют современные политические и торговые конфликты, хотя некоторые из них и усугубляются, была неизвестна в Средние века, да и вообще в значительной степени до сравнительно недавних времен. Священное право на восстание было тогда признанным фактом жизни, и лишь незначительное обострение спора приводило к обращению к оружию. В последующих главах нам предстоит рассмотреть более важные из тех вспышек, к которым привело брожение, вызванное распадом средневековой системы вещей, начавшееся тогда во всей Центральной Европе, и религиозная сторона которых представлена тем, что известно как Реформация.

ССЫЛКИ:

[19] Себастьян Франк, *Хроника*, ссхvii.

[20] Ср. письмо Триттхейма к Вирдунгу из Хасфурта по поводу "Фауста". *J. Tritthemii Epistolarum Familiarum*, 1536, bk. ii., ep. 47; также труды Парацельса.

ГЛАВА VI.

ВОССТАНИЕ РЫЦАРСТВА.

Мы уже не раз указывали на положение, в которое попало мелкое дворянство, или рыцарство, в результате стечения причин, приведших к разрушению старого средневекового порядка вещей и, как следствие, к разорению рыцарей как в экономическом, так и в политическом отношении: -экономически - рост капитализма в лице торговых синдикатов городов; беспрецедентное могущество и богатство городских конфедераций, особенно Ганзейского союза; растущее значение нового развитого мирового рынка; растущей роскошью и огромным ростом цен на товары одновременно с уменьшением стоимости феодальных земельных наделов; ограничением возможностей приобретения богатства путем разбоя на дорогах, благодаря имперским конституциям, с одной стороны, и возросшим полномочиям по защите торгового сообщества, с другой: - политически новыми способами ведения войны, в которых артиллерия и пехота, состоящая из сравнительно хорошо обученных наемников (*ландскнехтов*), быстро ущемляли всемогущество древнего феодального рыцарства и снижали значение индивидуального

мастерства или доблести в обращении с оружием, и развитием власти князей или высшей знати, отчасти благодаря влиянию, которое римское гражданское право стало оказывать на более древнюю обычную конституцию империи, а отчасти благодаря зарождающемуся централизму власти, который во Франции и Англии стал национальным, а в Германии, несмотря на временное возвышение Карла V., в конечном итоге вылился в провинциальную централизацию, в которой князья были *фактически* независимыми монархами. Имперская конституция 1495 года, запрещающая частную войну, распространялась, надо помнить, только на низшее дворянство, но не на высшее, ставя тем самым первых в позорное положение по отношению к их феодальному начальству. И хотя это конкретное постановление не имело непосредственных результатов, оно вызвало не меньшее возмущение как удар, нанесенный по старым рыцарским привилегиям.

Ментальная позиция рыцарства перед лицом этих прогрессирующих изменений в его положении была, естественно, неоднозначной и состояла отчасти из желания вернуться к надменной независимости феодализма, а отчасти из сочувствия к растущему недовольству среди других классов и новому духу в целом. Для того чтобы рыцари могли восстановить свое прежнее положение или даже сохранить его в борьбе с высшим дворянством, князьями, поддерживаемыми теперь в основном императорской властью, им было совершенно необходимо сотрудничество городов, но препятствия на пути такого сотрудничества оказались непреодолимыми. Города ненавидели рыцарей за их беззаконие, которое делало торговлю небезопасной и нередко стоило жизни горожанам. Рыцари в большинстве своем, с истинно феодальной спесью, презирали ремесленников и торговцев, не имевших территориальной принадлежности и не обученных высшим рыцарским искусствам. Кроме того, претензии обеих сторон не были идентичными, хотя и имели одни и те же причины. Города в основном стремились сохранить свое прежнее независимое положение, и в особенности обуздать растущую в это время склонность других сословий использовать их в качестве дойных коров, с которых можно было брать необходимые для поддержания империи налоги. Так, на рейхстаге, открытом в Нюрнберге 17 ноября 1522 года для обсуждения вопросов установления вечного мира внутри империи, организации энергичного сопротивления набегам турок, постановки на прочную основу Имперского тайного совета (*Kammergericht*) и Верховного совета (*Reichsregiment*), в которых были представлены двадцать шесть имперских городов, тридцать восемь высших прелатов, восемнадцать князей и двадцать девять графов и баронов. Представители городов жаловались, что их участие в заседаниях превратилось в фарс, поскольку они всегда проигрывали в голосовании, а значит, были вынуждены соглашаться с решениями других сословий. Они заявили, что их положение больше невыносимо, и впервые составили Акт протеста, в котором жаловались на задержку решений императорских судов; на свои страдания от права частной войны, которое все еще сохранялось вопреки конституции; на увеличение таможенных пошлин со стороны принцев и принцев-прелатов; и, наконец, на обесценивание монеты из-за недобросовестной практики этих знатных людей и евреев. Единственное сочувствие, которое другие сословия проявили к жалобам городов, касалось права на частную войну, которое высшие дворяне также стремились подавить среди низших, хотя, конечно, без ущерба для своих собственных привилегий в этой области. Все остальные статьи Акта протеста были спокойно отклонены. Из всего этого видно, что между такими разнородными структурами, как рыцарство и вольные города, нельзя было ожидать особого сотрудничества, несмотря на их общую заинтересованность в сдерживании угрожающе надвигающейся власти князей и центральной имперской власти, которая в большинстве своем управлялась и манипулировалась князьями.

Среди разлагающегося рыцарства, как мы уже отмечали, была одна фигура, которая выделялась на голову и плечи выше всех остальных дворян того времени, будь то князь или рыцарь; это был Франц фон Сиккинген. Его не без оснований называют "последним цветком немецкого рыцарства", поскольку в нем вспыхнули старые рыцарские качества в сочетании со старой рыцарской силой и великолепием с яркостью, едва ли известной даже в самые лучшие дни средневековой жизни. Однако это было последнее мерцание света немецкого рыцарства. Со смертью Зиккена и крахом его восстания рыцарство Центральной Европы перестало играть самостоятельную роль в истории.

Хотя формально Зиккинген принадлежал к низшему дворянству, к моменту появления Лютера считалось, что в его руках находятся ближайшие судьбы империи. Богатый, внушающий доверие и энтузиазм лидер, обладатель нескольких мощных и стратегически выгодных опорных пунктов, он держал двор в своей любимой резиденции, замке Ландштуль в рейнском Пфальце, в стиле, которому мог бы позавидовать многие князья империи. В качестве почетных гостей к нему приезжали гуманисты, поэты, менестрели, приверженцы новой теологии, астрологи, алхимики, литераторы - словом, весь интеллект и культура того времени. Главным среди них и главным доверенным лицом Зиккена был рыцарь, придворный, поэт, эссеист и памфлетист Ульрих фон Хуттен, чье перо всегда было готово с неослабевающим энтузиазмом отстаивать прогрессивные идеи своей эпохи. Он первым взял в руки дубину против мракобесов, выступая от имени гуманизма в лице Эразма и Рейхлина, последнего из которых он храбро защищал в споре с инквизицией и кельнскими монахами, а в его материалах для *Epistolæ Obscurorum Virorum* мы видим юношеский пыл Ренессанса в его натиске на силы средневековых препятствий. В отличие от большинства тех, с кем он был связан, Хуттен перешел от роли сторонника Нового Учения к роли защитника Реформации; именно благодаря его влиянию Сиккинген принял дело Лютера и его движение.

Карл V уговорил Сиккена помочь ему в неудачной попытке вторжения во Францию в 1521 году, из которой он вернулся без особой пользы, как материальной, так и моральной, за исключением того, что Карл остался в большом долгу. Накопившаяся за многие поколения ненависть к священству сделала Сиккингена желаемым инструментом в руках реформаторской партии, и, полагая, что Карл теперь в некоторой степени находится в его власти, он счел момент подходящим для приведения в действие своего давно задуманного плана реформирования конституции империи. Эта реформа, как и следовало ожидать, заключалась в том, чтобы поставить на твердую основу его собственный орден и существенно ограничить власть других сословий, особенно прелатов. Сиккинген хотел сделать императора и низшее дворянство решающими факторами в своей новой политической схеме. Император, так получилось, находился в данный момент в Испании, а коллеги Сиккингена из рыцарского ордена все больше возмущались тем недостойным положением, в которое их стремительно загоняли. Феодалные поборы их княжеских сеньоров достигли предела, который невозможно было пережить, а поскольку в рейхстагах они были практически бессильны, для их недовольства не оставалось иного выхода, кроме открытого бунта. Побуждаемый не столько собственными склонностями, сколько давлением своих сподвижников, главным из которых был Хуттен, Зиккинген сразу же решил начать кампанию.

Хуттен, судя по всему, пытался вступить в переговоры о сотрудничестве с городами и крестьянами. Насколько можно судить, Страсбург и еще один или два имперских города дали положительный ответ, но точную меру успеха Хуттена установить невозможно, поскольку все документы, относящиеся к этому вопросу, погибли при разрушении замка

Сиккингена в Эбернбурге. Однако несомненно, что операции были начаты до того, как были получены какие-либо определенные гарантии помощи, хотя если бы первые попытки имели хоть какую-то видимость успеха, можно не сомневаться, что такая помощь была бы получена.

Кампания была неудачной с самого начала. Тем не менее, только один из связанных с ним рыцарей видел, что момент был неподходящим. Остальные были уверены в успехе, а предлог быстро нашелся: феодальный начальник Сиккингена, архиепископ Трирский (Тревесский), отказался заставить двух советников этого города вернуть ему 5000 рейнских гульденов (*гульденов*), которые он заплатил в качестве выкупа за них некоему рыцарю Герхарду Бёрнеру, взявшему их в плен. Это был достаточный *casus belli* для тех времен; после этого Сиккинген издал манифест, в котором объявил себя защитником Евангелия, и заявил о своем намерении освободить подданных архиепископа от мирского ига их тирана, действовавшего против Бога и императорского величества, и от духовного ига безбожных священников и предоставить им ту свободу, которую только и может дать Евангелие (*то* есть новое Евангелие Лютера).

Следует отметить, что 13 августа, до объявления войны, некоторые рыцари подписали "Братский договор", по которому Сиккинген был назначен их капитаном, и они обязались не подчиняться никакой юрисдикции, кроме своей собственной, и обязались оказывать взаимную помощь в случае военных действий против кого-либо из них. Благодаря этому "договору Ландау" Сиккинген мог в любой момент собрать значительные силы. Поэтому через несколько дней после издания вышеупомянутого манифеста, 27 августа 1522 года, Сиккинген смог выступить из замка Эбернбург с армией в 5000 пеших и 1500 рыцарей, а также с артиллерией, в полной уверенности, что он собирается уничтожить позиции принца-премата Палатина и без промедления возвести себя в главную власть на Рейне. В заговоре участвовал великий камергер знаменитого покровителя литературы и гуманизма Альбрехта, архиепископа Майнцского, Фроуэрс фон Хуттен; и почти наверняка сам Альбрехт втайне был согласен с планом Зиккена по уничтожению своего избирательного соседа. Об этом свидетельствует тот факт, что когда архиепископ Трирский обратился к нему, как к своему коллеге, за помощью, Альбрехт придумал ряд отговорок, которые позволили ему отложить отправку подкреплений до того момента, когда они уже были слишком поздно, чтобы быть полезными, и в то же время множество его сторонников и подданных служили под знаменем Зиккена.

Благодаря эффектной дерзости, когда Франц надел на себя имперский флаг и бургундский крест, он распространил за границей идею, что действует от имени императора, который в то время отсутствовал в Испании; это во многом способствовало тому, что его армия быстро выросла до 5000 рыцарей и 10 000 пехотинцев. Императорский сейм в Нюрнберге вмешался и приказал Зиккингену прекратить уже начатые операции, пригрозив ему запретом империи и штрафом в 2000 марок, если он не подчиниться. На этот вызов Франц прислал характерный дерзкий ответ,^[21] и легкомысленно продолжил кампанию, невзирая на предупреждение астролога о том, что 1522 или 1523 год, вероятно, будет для него роковым. Очевидно, что эта кампания, начатая так поздно, рассматривалась Зиккингом и другими лидерами лишь как предварительный галоп к более масштабному и широкомасштабному движению следующей весной, поскольку в этом случае швабское и франконское рыцарство, похоже, даже не было приглашено принять в ней участие.

После легкого продвижения, во время которого было взято несколько незначительных пунктов, самым важным из которых был Сен-Вендель, Франц со своей армией прибыл 8

сентября к воротам Трира. Он надеялся захватить город врасплох и не без оснований рассчитывал на содействие и помощь со стороны самих горожан. По прибытии он расклеил по стенам письма, призывающие жителей принять участие в борьбе с тираном; но то ли из-за нежелания мещан действовать вместе с рыцарями, то ли из-за бдительности архиепископа, они остались безрезультатными. Ворота оставались закрытыми, а на призыв Сиккингена сдаться Ричард ответил, что найдет его в городе, если сможет проникнуть внутрь. Тем временем друзья Сиккена потерпели значительный провал в своих попытках получить для него припасы и подкрепления, в основном благодаря энергичным действиям некоторых высших дворян. Архиепископ Трирский проявил себя как солдат, так и церковный деятель; после недельной осады, в ходе которой Сиккинген предпринял пять штурмов города, его порох закончился, и он был вынужден отступить. Он сразу же направился обратно в Эбернбург, где намеревался провести зиму, поскольку видел, что продолжать кампанию бесполезно: его собственная армия уменьшалась, а ожидаемые припасы не появлялись, в то время как силы его противников увеличивались с каждым днем. В своей крепости Эбернбург он мог рассчитывать на защиту от любых нападений до тех пор, пока не сможет снова перейти в наступление, что он и предполагал сделать весной.

Существуют некоторые сомнения относительно событий, произошедших во время этого отступления к Эбернбургу. Противники Сиккена утверждали, что его армия не только разрушала церкви и монастыри, но и грабила и сжигала крестьянские дома в окрестностях. Его друзья, напротив, с такой же яростью утверждают, что Сиккинген и его последователи ограничились тем, что уничтожили как можно больше ненавистных церковных устоев.

Несмотря на очевидный провал осенней кампании, дело рыцарства отнюдь не выглядело окончательно безнадежным, поскольку всегда оставалась возможность успешного набора следующей весной. Ульрих фон Хуттен делал все возможное в Вюртемберге и Швейцарии, чтобы собрать людей и деньги, хотя до сих пор без особого успеха, в то время как другие эмиссары Сиккингена работали с той же целью в Брейсгау и других частях Южной Германии. Рассчитывая на ожидаемые подкрепления, Франц был уверен в победе, когда снова выйдет на поле боя, а тем временем он чувствовал себя в полной безопасности в том или ином из своих укрепленных пунктов, которые недавно подверглись обширному ремонту и казались неприступными. Как мы вскоре увидим, в этом предвидении он обманулся, поскольку не учел новых и более мощных средств нападения, которые пришли на смену тарану и другим осадным приспособлениям Средневековья.

Князья, тем временем, не бездействовали. Сразу же после неудачного нападения на Ричарда Трирского, Сиккинген попал под запрет Империи (8 октября), но хотя последняя временно распустила его армию, напасть на него сразу было невозможно. Поэтому они пока довольствовались тем, что мстили тем из его сторонников, до которых было легче добраться. Альбрехт Майнцский, чья государственная политика заключалась в том, чтобы "сидеть на заборе все время", был оштрафован на 25 000 гульденов за свою вялость в поддержке своего коллеги, курфюрста Трирского. Кронберг, близ Франкфорта, который удерживал зять Сиккена, Хардтмут, был взят силой в 30 000 человек (?); Фроуэн фон Хуттен, двоюродный брат Ульриха, был изгнан из своего замка Заальмюнстер и лишен своих владений, а ряд мелких мальчишек в равной степени ощутили на себе тяжелую руку княжеской власти. Наказание более отдаленных приверженцев рыцарского дела, таких как графы Фюрстенберг и Цоллерн и рыцари Франконии, было отложено до тех пор, пока не будет решен вопрос с лидером движения.

К этой задаче, как только закончилась зима, энергично приступили три принца, специально взявшие на себя подавление восстания: архиепископ Трирский Ричард, принц Пфальцский

Людвиг и граф Гессенский Филипп. В феврале второй сын Зиккена, Ганс, был взят в плен, а вскоре после этого был захвачен замок Вартенберг. Перемирие, о котором просил Зиккинген, чтобы ожидаемое им подкрепление успело прибыть, было отклонено, поскольку принцы видели, что единственный шанс немедленно сокрушить его власть - напасть на него сразу же. В конце апреля в Кройцнахе, неподалеку от замка Сиккинген в Эбернбурге, была собрана большая армия, состоящая из кавалерии, пехоты и осадной артиллерии. Франца, однако, там уже не было. Судя по всему, он покинул Эбернбург и отправился в свою самую сильную крепость Ландштуль несколько недель назад, хотя как и когда - точно неизвестно. Здесь он надеялся продержаться по крайней мере три или четыре месяца, к тому времени его друзья смогут его освободить; и когда армия трех принцев появилась перед замком, он послал в ответ на их призыв сдаться насмешливый ответ, что у него новые стены, а у них новые пушки, и теперь они могут посмотреть, кто из них сильнее. Но Сиккинген не осознал силу новых снарядов, и через неделю после начала бомбардировки, 29 апреля, укрепленный замок, на который он возлагал все свои надежды, представлял собой не более чем незащищенную грудку развалин. Во время обстрела сам Франц, стоявший в амбразуре и наблюдавший за ходом осады, был отброшен на расколовшуюся балку, так как орудийная стойка, на которую он опирался, была опрокинута пушечным выстрелом. С разорванным боком его понесло вниз, под темный скалистый свод замка, и он наконец понял, что все потеряно. "Где же теперь, - кричал он, - мои рыцари и друзья, которые так много мне обещали и так мало выполнили? Где Фюрстенберг? Где Цоллерн? Где Страсбург и Братство? Итак, пусть никто не уповает ни на большие владения, ни на ободрение людей". В свое оправдание следует сказать, что его друзья, несомненно, разделяли уверенность Франца в неприступности Ландштуля и не знали, в каком тяжелом положении он находился с самого начала атаки. Посланный им в далекий Фюрстенберг гонец был захвачен армией союзных князей; Цоллерн узнал о нужде своего предводителя только с известием о его смерти; усилия Хуттена получить помощь в Швейцарии оказались тщетными.

Видя, что теперь все кончено и он сам на волосок от смерти, Зиккинген написал князьям, прося их приехать и увидеться с ним. Обстрел сразу же прекратился, и начались переговоры о сдаче замка. 6 мая Сиккинген согласился на условия капитуляции, которые включали в себя сдачу себя и остальных рыцарей в замке в качестве военнопленных, а остальные его сторонники сдали оружие и покинули замок на следующий день. Ландштуль со всем его содержимым, разумеется, должен был попасть в руки осаждающих. Подписав статьи, Франц заметил послан: "Что ж, я недолго буду вашим пленником".

7 мая принцы вошли в замок и сразу же попали в подземную камеру, где лежал умирающий Франц. Он был так близок к концу, что едва мог отличить трех своих заклятых врагов одного от другого. "Мой дорогой господин, - обратился он к графу Палатину, своему феодальному начальнику, - я не думал, что так кончу", - сняв шапку и протянув ему руку. "Что побудило тебя, Франц, - спросил архиепископ Трирский, - что ты так разорил и навредил мне и моим бедным людям?" "Об этом слишком долго говорить, - ответил Сиккинген, - но я не делал ничего без причины. Теперь я иду, чтобы предстать перед более великим Господом". Здесь стоит отметить, что принцы обращались с Францем со всей рыцарской вежливостью и учтивостью, которые были приняты между равными в рыцарские времена, обращаясь к нему, скорее, как к мятежному ребенку, чем как к восставшему подданному. Принц Гессенский уже собирался высказать упрек, но его прервал граф Палатин, сказав, что не следует ссориться с умирающим человеком. Графский камергер сказал несколько сочувственных слов Францу, который ответил ему: "Мой дорогой камергер, это не имеет ко мне никакого отношения. Не я тот петух, вокруг которого они танцуют". Когда принцы удалились, капеллан спросил его, не хочет ли он исповедаться, но Франц ответил: "Я исповедался Богу в своем сердце", после

чего капеллан дал ему отпущение грехов, и, когда он пошел за хозяином, "последний из рыцарей" тихо удалился, одинокий и покинутый. По словам Спалатина, после его смерти крестьяне и домочадцы положили его тело в старый оружейный сундук, в котором голова была сложена вдвое, до колен. Затем сундук спустили на веревке со скалистой возвышенности, на которой стоял ныне разрушенный замок, и похоронили под небольшой часовней в деревне внизу.

Сцена, которую мы только что описали в хранилище замка, означала не просто трагедию смерти героя, не просто уничтожение фракции или партии. Она означала конец целой эпохи. Со смертью Зиккена один из самых ярких и живописных элементов средневековой жизни Центральной Европы получил смертельный удар. Рыцарство как самостоятельный фактор европейской государственности отныне больше не существовало.

Спалатин сообщает, что после смерти Сикингена княжеская партия предвкушала столь же легкую победу над религиозным восстанием, как и над рыцарством. "Насмешливый император мертв", - так говорили, - "и насмешливый папа скоро тоже будет мертв". Хуттен, уже будучи изгнанником в Швейцарии, не на много месяцев пережил своего покровителя и лидера Зиккена. Роль, которую Эразм сыграл в этой несчастной трагедии, была лишь тем, чего следовало ожидать от моральной трусости, которая, казалось, укоренилась в характере великого лидера гуманистов. Эразм уже начал робко бороться с движением Реформации, от которого он собирался окончательно отделиться. Он воспользовался представившейся возможностью поссориться с Хуттеном; на несколько горькие нападки Хуттена на него он с ожесточением ответил в своей *"Spongia Erasmi adversus aspergines Hutteni"*.

Хуттену пришлось бежать из Базеля в Мюльхаузен, а оттуда в Цюрих, находясь на последней стадии сифилитической болезни. Его любезно принял реформатор Цвингли из Цюриха, который посоветовал ему попробовать воды Пфэфферса и дал ему рекомендательные письма к аббату этого места. Не получив никакой пользы, он вернулся в Цюрих, где Цвингли снова подружился с больным рыцарем и отправил его к своему другу, "реформированному" пастору маленького острова Уфенау на другом конце озера, где после нескольких недель страданий он умер в крайней нужде, не оставив после себя, как говорят, ничего, кроме пера. Болезнь, от которой Хуттен страдал большую часть своей жизни, в то время сравнительно недавно завезенная и гораздо более грозная, чем в наши дни, вполне могла способствовать вспыльчивости и некоторому безрассудству, которые проявлял типичный вольноотпущенник Реформации в ее ранний период. Хуттен никогда не был богословом, и Реформация, как кажется, привлекала его главным образом своей политической стороной, поскольку подразумевала утверждение зарождающегося чувства немецкой национальности в противовес ненавистным врагам свободы мысли и нового света - клерикальным сателлитам римского престола. Он был истинным сыном своего времени, в своих пороках не меньше, чем в добродетелях; и никто не станет отрицать его пристрастие к "вину, женщинам и игре". Есть основания полагать, что именно эти развлечения иногда обеспечивали ему средства к существованию.

Герой Реформации Лютер, с которым Меланхтона можно ассоциировать в этом вопросе, мог быть не менее пусилланимен, чем герой Нового учения Эразм. Лютер, несомненно, видел в восстании Сиккена средство ослабления католических держав, против которых ему предстояло бороться, и в самом начале он открыто поддержал это предприятие. В "Карстанах", брошюре, процитированной в последней главе, Лютер представлен как воплощение христианской покорности и кротости, он говорит о двенадцати легионах ангелов и отвергает любое обращение к силе как не подобающее характеру евангельского апостола. Однако то, что это не было его привычной позицией, очевидно для всех, кто хоть в

малейшей степени знаком с его реальным поведением и высказываниями. По одному поводу он писал: "Если они (священники) продолжают свои безумные бредни, то мне кажется, что не было бы лучшего способа и лекарства, чтобы остановить их, чем если бы короли и князья сделали это силой, вооружились и напали на этих пагубных людей, которые отравляют весь мир, и раз навсегда положили конец их делам не словами, а оружием. Ибо если мы наказываем воров мечом, убийц - веревкой, а еретиков - огнем, то почему бы нам не наложить руки на этих пагубных учителей проклятия, на пап, кардиналов, епископов и всю свору римского Содома - да, на все оружие, которое находится в пределах нашей досягаемости, *и почему бы нам не омыть руки в их крови?*"

Однако именно в манифесте, опубликованном в июле 1522 года, незадолго до нападения Сиккингена на архиепископа Трирского, для которого это предприятие, несомненно, предназначалось в качестве оправдания, Лютер в безмерных выражениях высказывается против "самых больших волков", епископов, и призывает "всех дорогих детей Божьих и всех истинных христиан" изгнать их силой из "овечьих стойла". В этой брошюре, озаглавленной "Против лживо называемого духовного ордена папы и епископов", он говорит: "Лучше бы каждый епископ был убит, каждый фонд или монастырь выкорчеван, чем одна душа была бы погублена, не говоря уже о том, чтобы все души были потеряны ради их никчемного пустословия и идолопоклонства. Что толку от тех, кто живет в похоти, питается чужим потом и трудом и является камнем преткновения для Слова Божьего? Они боятся телесных потрясений и презирают духовную гибель. Разве они мудрые и честные люди? Если бы они приняли слово Божье и стремились к жизни души, Бог был бы с ними, ибо Он - Бог мира, и им не нужно было бы бояться восстания; но если они не хотят слушать слово Божье, а бушуют и неистовствуют с запретами, сожжениями, убийствами и всяким злом, то чего они заслуживают больше, чем сильного восстания, которое сметет их с лица земли? *И мы будем улыбаться, если это произойдет.* Как говорит небесная мудрость: "Вы возненавидели наказание Мое и презрели учение Мое; вот, и Я посмеюсь над вами в бедствии вашем и буду издеваться над вами, когда несчастье падет на головы ваши"". В том же документе он обличает епископов как проклятую расу, как "воров, грабителей и ростовщиков". Свиньи, лошади, камни и дерево не были настолько лишены понимания, как немецкий народ, находящийся под властью этих людей и их папы. Религиозные дома также описываются как "бордели, низкие таверны и притоны убийц". В конце этого документа, который он называет своей буллой, он провозглашает, что "все, кто жертвует телом, имуществом и честью, чтобы уничтожить власть епископов, - дорогие дети Божьи и истинные христиане, повинующиеся Божьему повелению и борющиеся против дьявольского порядка"; с другой стороны, "все, кто с готовностью повинуются епископам, - слуги дьявола и борются против Божьего порядка и закона".[22]

Однако не успели дела у Зиккена пойти наперекосяк, как Лютер тут же постарался откреститься от всякого соучастия или даже сочувствия к нему и его проигранному делу. Уже 19 декабря 1522 года он пишет своему другу Венцелю Линку: "Франц фон Зиккинген начал войну против Палатина. Это будет очень плохое дело". (*Franciscus Sickingen Palatino bellum indixit, res pessima futura est.*) Его коллега, Меланктин, несколькими днями позже поспешил опровергнуть инсинуацию о том, что Лютер принимал какое-либо участие или участвовал в инициировании восстания. "Франц фон Зиккинген, - писал он, - своей большой недоброжелательностью вредит делу Лютера; и хотя он полностью от него отделился, тем не менее, когда он затевает войну, он хочет казаться, что действует для общественного блага, а не для своего собственного. Даже сейчас он ведет бесславный грабительский образ жизни

на Рейне". В другом письме он говорит: "Я знаю, как эта смута огорчает его (Лютера)", [23] и это в отношении человека, который незадолго до этого писал о князьях, что их тиранию и надменность больше нельзя терпеть, утверждая, что Бог этого больше не потерпит, и что простой люд даже становится достаточно разумным, чтобы справиться с ними силой, если они не исправят свои нравы. Более показательного примера отношения "не загоняй его в пруд" вряд ли можно было бы пожелать. То, что это было характерно для "великого реформатора", мы увидим позже, когда узнаем, что он проводил аналогичную политику в отношении крестьянского восстания.

После падения Ландштуля все замки Сиккингена и большинство замков его ближайших союзников и друзей были, разумеется, захвачены, а большая их часть разрушена. Теперь рыцарство оказалось политически беспомощным и экономически на пороге банкротства из-за внезапно изменившихся условий, о которых мы говорили во Введении и других местах, как о наступивших с начала века: беспрецедентный рост цен, сопровождавшийся растущей расточительностью, упадок сельского хозяйства во многих местах и растущее бремя, возложенное на рыцарей их феодальным начальством, и, наконец, но не в последнюю очередь, растущие препятствия на пути успешного занятия разбойничьим ремеслом. Поэтому большинство из них с неумолимой суровостью держались за феодальные повинности крестьян, которые теперь составляли их главный, а во многих случаях и единственный источник дохода; и поэтому, оставив надежду на независимость, они бросили свой жребий вместе с властями, князьями, светскими и церковными, стремясь к общей для них цели - подчинить себе восставших крестьян.

Некоторые рыцари, наиболее рыцарственно настроенные, среди них Флориан Гейер, сохранили инстинкты бунтаря против высших властей и встали на сторону народного движения. Однако они сражались с напрасной надеждой. Как мы теперь увидим, провинциальному централизму, как в Италии, а не национальному, как во Франции, Англии и Испании, суждено было стать политической формой, господствующей в Германии вплоть до современного периода. Катастрофы и поражения Крестьянской войны, которые мы сейчас опишем, устранили последнее препятствие на пути к полному господству провинциальных властителей, князей империи; это событие стало непосредственной причиной окончательного распада средневековой жизни и подрыва последних уцелевших свободных институтов общинной деревни, которые продержались на протяжении всего средневековья.

ССЫЛКИ:

[21] При появлении посланцев Совета Франц сказал прохожим: "Посмотрите на эти старые скрипки *полка*; не хватает только танцоров. Нет недостатка в приказах, но есть только те, кто их исполняет"; и, обратившись к самим нунциям, он велел им передать императорскому штатдтгальтеру и другим господам из Совета, что "они могут быть спокойны, ибо он такой же слуга императора, как и они сами. Он, если у него будет достаточно сторонников, сделает так, что император сможет получить в Германии гораздо больше земель и золота, чем когда-либо за границей. Он хотел лишь слегка поиздеваться над Ричардом Трирским и вымочить для него короны, которые тот получил из Франции".

[22] *Sämmtliche Werke*, vol. xxviii., 142-201.

[23] *Corpus Reformationum*, i., 598-599.

ГЛАВА VII.

ДЕРЕВНЯ И ГОРОД В КОНЦЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

Для полного понимания последующих событий необходимо помнить, что мы являемся свидетелями окончания отдельного исторического периода, а также, как мы уже отмечали во Введении, истекающей попытки, наполовину осознанной, наполовину неосознанной, людей вернуться к условиям более ранней эпохи. Невозможно правильно оценить значение, если не иметь четкого представления о различиях между деревенской и городской жизнью в начале шестнадцатого века. С самых ранних периодов Средневековья, о которых мы имеем какие-либо исторические сведения, на *Markgenossenschaft*, или примитивную деревенскую общину германской расы, накладывалось территориальное господство, навязанное ей либо непосредственно завоеванием, либо добровольно принятое ради защиты, необходимой в тот грубый период. Конфликт этих двух элементов, организации знака и территориального господства, составляет суть социальной истории Средних веков.

В самые ранние времена давление со стороны владыки, кем бы он ни был, было сравнительно небольшим, но неизбежной тенденцией было расширение территориальной власти за счет сельской общины. Таким образом, в десятом и одиннадцатом веках феодальный гнет основательно укоренился и достиг наибольшей интенсивности по всей Европе. Так продолжалось с небольшими перерывами до тринадцатого века, когда в силу различных причин, экономических и иных, положение крестьян стало улучшаться в интересах простого человека, пока в пятнадцатом веке состояние крестьянства не стало лучше, чем когда-либо прежде или с тех пор в исторические времена в Северной и Западной Европе. Но при всем этом деспотическая власть землевладельца ни в коем случае не была мертва. Она просто дремала, и ей суждено было вновь активизироваться в тот момент, когда нужды лорда дадут достаточный стимул. С этого времени элемент территориальной власти, подкрепленный в своих притязаниях римским правом с его основой в виде частной собственности, продолжал разъедать ее, пока окончательно не поглотил старые права и владения деревенской общины. Исполнительная власть всегда стремилась перейти от своего законного владельца, деревни в ее корпоративном качестве, к лорду; и одного этого было достаточно, чтобы поставить деревенского жителя на его милость.

Во времена Реформации, благодаря новым условиям, которые возникли и привели за несколько десятилетий к беспрецедентному доселе росту цен в сочетании с беспрецедентной показной роскошью и экстравагантностью, не раз упоминавшимися на этих страницах, сеньор получил необходимый стимул для осуществления власти, которую ему давала феодальная система. Следовательно, положение крестьянина быстро изменилось к худшему; и хотя в начале движения оно не было абсолютно *крайним*, по нашим понятиям, но было настолько плохим по сравнению с его прежним состоянием и состоянием менее чем за полвека до этого, и имело такую явную тенденцию стать еще более невыносимым, что недовольство распространилось повсюду и только и ждало факела новых доктрин, чтобы поджечь его. Весь ход движения показывает крестьянство не угнетенным и голодающим, а гордым и сильным, вынужденным взяться за оружие не столько от беды и отчаяния, сколько от сознательного желания сохранить преимущества, которые быстро ускользали от них.

Крепостное право отнюдь не было всеобщим. Среди поместий территориальных сеньоров можно было найти множество свободных крестьянских деревень, хотя слишком очевидно, что политика последних в это время была направлена на то, чтобы заманить все в свои сети и заставить такие крестьянские общины принять феодальное господство. Не были они щепетильны и в выборе средств для достижения своих целей. Церковные фонды, как уже говорилось, были особенно искусны в подделке документов, чтобы доказать, что эти свободные деревни являются их собственными феодальными владениями. Старые права на пастбища урезались, а другие, в частности право на охоту и рыбалку, в большинстве поместий были полностью отняты.

Примечательно, однако, что хотя непосредственными причинами крестьянского восстания были новые тяготы, возложенные на простой народ в течение последних нескольких лет, как только дух недовольства пробудился, он во многих случаях распространился и на традиционные феодальные повинности, которым до тех пор крестьянин подчинялся без особого ропота, и в деревне была предпринята попытка вновь обрести древнюю полную свободу, о которой до них дошло смутное воспоминание.

О состоянии крестьянства до начала XVI века, то есть до того времени, когда оно начало стремительно меняться к худшему, можно судить по рассказам современных писателей, таких как Вимпфелинг, Себастьян Брандт, Виттенвейлер, сатирам в *"Нюрнбергерском фастнахтшпиле"* и множеству других источников, а также по сводам законов конца XV века. Все они указывают на легкость и пышность жизни, которые мало согласуются с нашими представлениями о слове "крестьянин". Вимпфелинг пишет: "Крестьяне в нашем округе и во многих частях Германии стали, благодаря своему богатству, чопорными и легкомысленными. Я знаю крестьян, которые на свадьбах своих сыновей или дочерей, или на крещении своих детей, устраивают такие торжества, что на них можно купить дом и поле, и небольшой виноградник в придачу. Благодаря своему богатству они часто бывают скупы в еде и одежде и пьют дорогие вина".

Летописец сообщает об австрийских крестьянах под 1478 годом, что "они носили лучшую одежду и пили лучшее вино, чем их господа"; А в законе о роскоши, принятом на рейхстаге в Линдау в 1497 году, говорится, что простой крестьянин и рабочий в городах или в поле "не должен делать и носить одежду, которая стоит больше половины гульдена за ил, не должен носить золото, жемчуг, бархат, шелк и вышитые одежды, и не должен позволять своим женам или детям носить их".

Что касается питания крестьянина, то говорится, что он наедался досыта мясом всех видов, рыбой, хлебом, фруктами, часто досыта запивая вином. Швабец Генрих Мюллер пишет в 1550 году, спустя почти два поколения после начала перемен: "На памяти моего отца, который был крестьянином, крестьяне питались гораздо лучше, чем сейчас. Мяса и еды было в изобилии каждый день, а на ярмарках и других праздниках столы едва не ломились от яств. Тогда вино пили, как воду, тогда человек набивал брюхо и уносил с собой столько, сколько мог; тогда было богатство и изобилие. Иначе обстоит дело сейчас. Дорогое и плохое время наступило с тех пор, как прошло много лет, и еда и питье лучшего крестьянина гораздо хуже, чем в прежние времена еда и питье поденщика и слуги".

Мы можем себе представить, какие яркие воспоминания были у крестьянина в 1525 году о золотых днях нескольких лет назад. Поденщиков и служилых людей в равной степени мучили воспоминания о высоких заработках и дешевой жизни в начале века. Тогда поденщик мог заработать с содержанием девять, а без содержания - шестнадцать грошей[24] в неделю. Что на это можно было купить, можно судить по следующим ценам, существовавшим в

Саксонии во второй половине XV века. Пара хороших рабочих башмаков стоила три гроша; целая овца - четыре гроша; хорошая жирная курица - полгроша; двадцать пять тресковых рыб - четыре гроша; телега дров вместе с повозкой - пять грошей; локоть лучшего домотканого полотна - пять грошей; шеффель (около бушеля) ржи - шесть или семь грошей.

Герцог Саксонии носил серые шапки, которые обходились ему в четыре гроша. В Северном Рейнланде примерно в то же время поденщик мог, помимо своего содержания, заработать за неделю четверть ржи, десять фунтов свинины, шесть больших банок молока и две вязанки дров, а за пять недель - купить шесть локтей белья, пару обуви и сумку для инструментов. В Аугсбурге дневной заработок обычного рабочего составлял стоимость шести фунтов лучшего мяса или одного фунта мяса, семи яиц, кулечка гороха, примерно кварты вина, а также хлеба, который ему требовался, с запасом на жилье, одежду и мелкие расходы. В Баварии он мог заработать в день восемнадцать пфеннигов, или полтора гроша, в то время как фунт колбасы стоил один пфенниг, а фунт лучшей говядины - два пфеннига, и так же во всех государствах Центральной Европы.

Документ 1483 года из Эрбаха в швабском Оденвальде описывает нам обращение хозяев со слугами. "Всем подмастерьям, - говорится в документе, - которые наняты, а также кабльеро (крепостным), а также слугам и служанкам, каждый день дается дважды мясо и то, что к нему прилагается, с половиной малой меры вина, кроме постных дней, когда они должны есть рыбу или другую пищу, которая питает. Кто в неделю трудится, тот должен и в воскресные и праздничные дни веселиться после мессы и проповеди. У них должно быть достаточно хлеба и мяса, а также половина большой меры вина. В праздничные дни также достаточно жареного мяса. Кроме того, им дается, чтобы они взяли с собой домой, большой каравай хлеба и столько плоти, сколько могут съесть двое за один прием пищи".

И снова в расписке домохозяйства графа Иохима фон Эттингена в Баварии подмастерьям и холопам утром давали суп и овощи, в середине дня - суп и мясо с овощами и миску бульона или тарелку соленого или маринованного мяса, а вечером - суп и мясо, морковь и консервированное мясо. Даже женщины, которые приносили в замок птицу или яйца из соседних деревень, получали за свои хлопоты - если из ближайших окрестностей, то тарелку супа с двумя кусками хлеба; если из более отдаленных, то полный обед и кружку вина. В Саксонии подмастерья-земледельцы получали два раза в день по четыре блюда, а также часто сыр и хлеб в другое время, если они этого требовали. Отсутствие мяса в течение недели было признаком жесточайшего голода в любом районе. Предупреждения о вреде чрезмерного увлечения едой и питьем для простого человека не нужны.

Таково было состояние пролетариата в период его зарождения, то есть когда средневековая система холопства начала ослабевать и позволять части свободных рабочих включаться в работу. И как же жалобны были жалобы, когда в то время как заработная плата не повышалась вовсе или повышалась максимум с полугроша до гроша, цена ржи выросла с шести-семи грошей за бушель до пяти-двадцати грошей, цена овцы - с четырех до восемнадцати грошей, а все остальные необходимые предметы потребления - в такой же пропорции!^[25]

В Средние века предметы первой необходимости и обычные удобства, которые вообще можно было получить, стоили очень дешево, в то время как предметы первой необходимости и роскоши, то есть те, которые приходилось импортировать издалека, были по большей части по запредельным ценам. С открытием мирового рынка в первой половине XVI века

такое положение вещей быстро изменилось. Большинство предметов роскоши за короткое время сильно подешевели, а предметы первой необходимости подорожали еще больше.

Однако это последнее изменение экономических условий мира оказало наиболее сильное влияние на характер средневекового города, который оставался практически неизменным с момента его первого значительного расширения в конце XIII - начале XIV века. С расширением торговли и открытием коммуникаций началась та эволюция города, конечным результатом которой стало полное изменение центральной идеи, на которой основывалась городская организация.

Согласно современным представлениям, первым необходимым условием для города является возможность сообщения с остальным миром посредством железных дорог, телеграфа, почтовой системы и т. п. Дошло до того, что в новой стране, например в Америке, сначала прокладывают железные дороги, телеграфные линии и т. д., а затем на них, как бусины на шнур, нанизывают города. В средневековом городе, напротив, коммуникации были делом второстепенным и скорее роскошью, чем необходимостью. Каждый город был действительно самодостаточным образованием, как в материальном, так и в интеллектуальном плане. Современное представление о городе - это просто локальная совокупность людей, каждый из которых занимается своим ремеслом или призванием, ориентируясь на мировой рынок в целом. Их собственная местность или город для них экономически не больше, чем любая другая часть мирового рынка, да и в любом другом отношении не больше. Средневековая идея города, напротив, заключалась в организации групп в единое органическое целое. Как деревенская община представляла собой несколько расширенную семейную организацию, так и, *mutatis mutandis*, более крупная единица - волость или город. Каждый член городской организации был предан своей гильдии, или непосредственной социальной группе, а через нее - более крупной социальной группе, составлявшей гражданское общество, и имел определенные обязанности. Следовательно, каждый горожанин чувствовал своего рода *esprit de corps* со своими согражданами, сродни тому, что, скажем, утверждается о солдатах старого французского "иностранного легиона", которые, будучи братьями по оружию, были братьями и во всех других отношениях. Но если каждый гражданин был обязан выполнять долг и верность городу в его корпоративном качестве, то город в не меньшей степени был обязан защищать и помогать во всех сферах жизни своим отдельным членам.

Как и в Древнем Риме в его ранней истории, и как во всех других ранних городских сообществах, сельское хозяйство неизбежно играло значительную роль в жизни большинства средневековых городов. Как и в деревнях, в каждом из них имелся свой участок с общими полями, пастбищами и лесами. Они были разграничены различными ориентирами, крестами, святыми образами и т.д.; каждый год проводилось "межевание". Более состоятельные горожане обычно владели садами и огородами в пределах городских стен, в то время как каждый житель имел свою долю в общинном владении без них. Использование последнего регулировалось ратом или советом. На самом деле городская жизнь Средневековья ни в коем случае не была так резко отделена от сельской, как это подразумевается в нашем современном представлении о городе. Даже в крупных торговых городах, таких как Франкфурт, Нюрнберг или Аугсбург, было принято держать коров, свиней и овец, а также, разумеется, птиц и гусей в большом количестве в пределах самого города. Во Франкфурте в 1481 году свиноводы в городе стали такой помехой, что рату пришлось официальным указом запретить их в *передней* дома. В Ульме было принято постановление гильдии пекарей, согласно которому ни один член гильдии не должен был держать более

двадцати четырех свиней, а коровы на ночь должны были оставаться в своих стойлах. В Нюрнберге в 1475 году рату пришлось вмешаться в ситуацию, когда свиньи и прочий домашний скот свободно разгуливали по улицам. Даже в таком городе, как Мюнхен, нам сообщают, что сельское хозяйство было одним из основных занятий жителей, а почти в каждом городе гильдия садоводов или виноградарей является одной из самых крупных и влиятельных.

Очевидно, что такие условия жизни были бы невозможны при населении городов, даже отдаленно приближающемся к современному; и на самом деле, когда мы начинаем изучать размеры и населенность средневековых городов, как и городов классического античного мира, мы с первого взгляда поражаемся их малочисленности. Самые крупные и густонаселенные свободные имперские города XV и XVI веков, Нюрнберг и Страсбург, насчитывали в своих стенах немногим более 20 000 жителей, т.е. население, скорее всего, меньше, чем, скажем, в Глостере в настоящее время. В таком важном месте, как Франкфурт-на-Майне, в середине пятнадцатого века насчитывалось менее 9000 жителей. В конце пятнадцатого века Дрезден мог похвастаться только 5000 жителей. Ротенбург на Таубере сегодня является мертвым городом во всех смыслах и целях, представляя нам великолепный пример того, каким был средневековый город, так как большая часть его архитектуры, включая цепь его стен, которые остались нетронутыми, датируется приблизительно шестнадцатым веком. В настоящее время одной железнодорожной ветки, отходящей от основной линии, с двумя поездами в день вполне достаточно для того, чтобы доставить в город тех немногих антикваров и художников, которые являются его единственными посетителями и вынуждены довольствоваться проживанием в загородных гостиницах. И все же этот старый свободный город в настоящее время фактически имеет большее население, чем в то время, о котором мы пишем, когда он находился на пике своего процветания как важный центр деятельности. Сейчас численность его населения составляет 8-9 тысяч человек. В начале шестнадцатого века их было 6000-7000. В сочинении "Христианское наставление" (*Ein Christliche Mahnung*), написанном и распространенном в рукописи в первом десятилетии XVI века, после упоминания о страшных морах, бушевавших в последнее время, как о наказании Божьем, в духе истинного мальтузианства и в оправдание путей Провидения говорится, что "если бы не было столько умерших, то в стране было бы слишком много людей, и не хорошо, чтобы так было, чтобы не было достаточно пищи для всех".

Большая численность населения как фактор важности города - сравнительно современное понятие. В другие эпохи города становились знаменитыми благодаря своей лучшей гражданской организации, более выгодному положению или большей активности, интеллектуальной, политической или торговой, своих граждан.

Что представляла собой эта гражданская организация средневековых городов, требует нескольких слов объяснения, поскольку конфликт между двумя основными элементами в их составе играет важную роль в последующих событиях. Кое-что уже было сказано по этому поводу во Введении. Там мы указали, что рат или городской совет, то есть высший орган управления муниципалитетом, во всех случаях состоял в основном, а часто и полностью, из глав городской аристократии, патрицианского класса или "почетного сословия" (*Ehrbarkeit*), как их называли, которые в силу своей древности и богатства претендовали на все должности, связанные с властью и привилегиями. С другой стороны, в различные гильдии записывались горожане, стремившиеся, по мере улучшения своего положения и роста благосостояния, вырвать у патрициев контроль над городскими ресурсами. Следует помнить, что города находились в положении феодалов по отношению к крестьянам,

владевшим землей на городской территории, которая часто простиралась на многие квадратные мили за пределами стен. Например, такой небольшой город, как Ротенбург, о котором мы рассказывали выше, имел на своих землях до 15 000 крестьян. Феодальные пошлыны и взносы этих арендаторов составляли основной доход города, и управление ими было одним из главных предметов споров.

Нигде система гильдий не была доведена до такого совершенства, как в свободных имперских городах Германии. Действительно, в одном отношении она зашла в них дальше, чем в любой другой части Европы, поскольку гильдии подмастерьев (*Gesellenverbände*), которые в других местах никогда не достигали силы и значения, в Германии были развиты в полной мере, и, конечно, поддерживали ремесленные гильдии в их конфликте с патрициатом. Хотя между двумя гильдиями, естественно, существовали многочисленные трения по поводу заработной платы, рабочих дней, часов и т. п., не следует думать, что между ними была та непримиримая вражда, которая существует в настоящее время между профсоюзом и синдикатом работодателей. Каждый из них признавал право на существование другого. В одном случае - забастовке пекарей в конце XV века в Кольмаре в Эльзасе - гильдии ремесленников поддержали подмастерьев в их протесте против определенных действий патриция Рата, которые они считали ущемлением их достоинства.

Как и у мастеров, у подмастерьев была своя гильдия, свои торжественные мероприятия и общественные собрания. Подмастерья-гильдии были двух видов: одна, чьей главной целью была религия, и другая, занимавшаяся в первую очередь светскими заботами. Однако оба класса подмастерьев-гильдий работали на руку друг другу. Попадая в незнакомый город, странствующий член такой гильдии был уверен в дружеском приеме, в том, что его будут содержать до тех пор, пока он не найдет работу, и в том, что ему помогут найти ее как можно скорее.

Интересные подробности, касающиеся оплаты труда подмастерьев и их взносов в гильдии, можно найти в оригинальных документах, относящихся исключительно к гильдиям подмастерьев, собранных Георгом Шанцем.^[26] Из этих и других источников ясно, что положение ремесленника в городах было в пропорциональном отношении гораздо лучше, чем даже положение крестьянина в то время, и поэтому неизмеримо превосходило все, чем он пользовался впоследствии. В Южной Германии в этот период средняя цена говядины составляла около двух денариев^[27] за фунт, а дневное жалованье каменщиков и плотников, помимо содержания и жилья, составляло летом около двадцати, а зимой - около шестнадцати таких денариев. В Саксонии те же подмастерья-ремесленники зарабатывали в среднем, помимо содержания, два гроша четыре пфеннига в день, или около трети стоимости бушеля кукурузы.

Кроме того, в некоторых случаях рабочий получал еженедельное вознаграждение под названием "банные деньги"; в этой связи следует отметить, что отпуск для купания раз в две недели, раз в неделю или даже чаще, в зависимости от обстоятельств, был предусмотрен гильдиями и в целом признан законным требованием. Распространенное представление о неизменной нечистоплотности средневекового человека должно быть значительно изменено, если внимательно изучить состояние городской жизни и обнаружить повсеместные возможности для купания как зимой, так и летом. Неопрятность и нечистоплотность, согласно нашим представлениям, могли иметь место на улицах и в жилищах во многих случаях из-за недостаточного количества мест для вывоза мусора и тому подобного; но мы не должны распространять это представление на человека и представлять,

что средневековый ремесленник или даже крестьянин был таким же нечистоплотным, как, скажем, румынский крестьянин наших дней.

Если сравнить заработную плату, получаемую подмастерьями-ремесленниками, с ценами на товары, приведенные ранее, то станет ясно, насколько относительно легкими были их обстоятельства; о степени их благосостояния можно судить также по богатству их гильдий, которое, хотя и варьировалось в разных местах, во все времена составляло значительную часть богатства города. Система гильдий основывалась на представлении о том, что отдельный мастер и работник трудится в интересах гильдии в той же мере, что и в своих собственных. Каждый член гильдии был обязан трудиться, причем трудиться в соответствии с правилами, установленными его гильдией, и в то же время имел право наравне со своими товарищами пользоваться всеми преимуществами, относящимися к той или иной отрасли промышленности, входящей в гильдию. Каждый гильдиец должен был работать сам по себе; не допускался подрядчик, который "в легкости и лености живет за счет пота других и возвышает себя в похотливой гордыне". Если мастер гильдии заболел и не мог управлять делами своей мастерской, то совет гильдии, а не он сам или его родственники, назначал вместо него представителя и в целом следил за его делами. Гильдия опять же закупала сырье и распределяла его в относительно равных пропорциях между своими членами, а если этого не происходило, то указывалось время и место, где гильдиец мог купить его по фиксированной максимальной цене. Каждый мастер имел равное право на пользование общим имуществом и институтами гильдии, которые в некоторых отраслях включали в себя все необходимое для производства, как, например, у шерстяников, где шерстяные кухни, кардочесальные, отбельные и тому подобные помещения были общими для всей гильдии.

Нет необходимости говорить о том, что отношения между мастером и подмастерьями, мастером и подмастерьями были жестко закреплены вплоть до мельчайших деталей. Система была полностью патриархальной по своему характеру. Во времена расцвета гильдий каждый подмастерье и большинство подмастерьев рассматривали свое нынешнее положение как период подготовки, который завершится славой мастера. Ради этой надежды они были готовы с радостью выполнять самые тяжелые обязанности. Обучение ремеслам и, добавим, надзор за нравственностью цветущих членов гильдии были отделом, который в значительной степени осуществлял свое управление. С другой стороны, гильдия в своем корпоративном качестве была обязана содержать больных или нетрудоспособных подмастерьев и учеников, хотя после того, как подмастерья превратились в отдельный класс, и, как следствие, возникли гильдии подмастерьев, эта функция, вероятно, в большинстве случаев перешла к ним. Законы гильдий, направленные против фальсификации, недобросовестной работы и т. п., иногда были свирепыми по своей суровости. Например, в некоторых городах пекаря, провинившегося в составлении хлеба, приговаривали к тому, что его закрывали в корзине, закрепленной на конце длинного шеста, и столько раз спускали на дно бассейна с грязной водой. В 1456 году в Нюрнберге были заживо сожжены два бакалейщика вместе с женщиной-помощницей за фальсификацию шафрана и специй, а в 1492 году аналогичный случай произошел в Аугсбурге. Из сказанного видно, что жизнь гильдии, как и жизнь города в целом, была по сути своей социальной жизнью. Это была большая семья, в которую вливались различные кровные семьи. Интересы каждого из них считались интересами всех, а интересы всех не в меньшей степени - интересами каждого.

Но во многих городах, вне городского населения, как такового, вне патрицианских семей, которые обычно управляли Ратом, вне гильдий, вообще вне городской организации, существовали другие организации, живущие стенах и образующие *imperia in imperiis*. Это были религиозные корпорации, чьи владения часто были обширными, и которые, живя в

своих собственных стенах, отгороженные от остального города, подчинялись только своим собственным постановлениям. Квазирелигиозный, квазивоенный орден тевтонских рыцарей (*Deutscher Orden*), основанный во времена крестовых походов, был самой богатой и крупной из этих корпораций. Помимо обширных территорий, которыми он владел в различных частях Империи, у него были представительства в большом количестве городов. Кроме него, конечно же, существовали ордена августинцев и картузианцев, а также ряд менее значимых фондов, имевших свои обители в различных городах. В начале XVI века пышность, гордость и разнузданность Тевтонского ордена вызвали к нему особую ненависть горожан, и среди общего разгрома религиозных домов ни один не подвергся более свирепому опустошению, чем те, что принадлежали этому ордену. Кроме того, в некоторых городах существовали заведения княжеских семей, к которым горожане относились не менее враждебно, чем к религиозным орденам.

Таковы были взрывоопасные элементы городской жизни, когда меняющиеся условия стремились выбить из колеи всю структуру средневекового существования. Взятие Константинополя турками в 1453 году нанесло тяжелый удар по торговле баварских городов, которая шла через Константинополь и Венецию. Последняя теряла один за другим свои торговые центры на Востоке, и все восточные перевозки через Черное море практически прекратились. Именно голландские города унаследовали богатство и влияние немецких городов, когда открытие Васко да Гама и Капского пути на Восток стало оказывать влияние на мировую торговлю. Это отвлечение восточных перевозок от старого сухопутного маршрута стало отправной точкой современного торгового флота и должно быть отнесено к числу наиболее мощных причин распада средневековой цивилизации. Вышеупомянутые изменения, хотя и были сразу же ощущены немецкими городами, не осознавались ими в полной мере ни в отношении их причин, ни в отношении их последствий в течение более чем столетия; однако падение их благосостояния было ощутимо даже сейчас и непосредственно способствовало грядущим потрясениям.

ССЫЛКИ:

[24] Один серебряный грош = 1-1/5d.

[25] Приведенные выше данные можно найти в Janssen, i., vol. i., bk. iii., особенно pp. 330-346.

[26] *Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände*. Leipz., 1876.

[27] С. 1/5d. Денарий был южногерманским эквивалентом северогерманского пфеннига, из которого двенадцать переходили в грош.

ГЛАВА VIII.

НОВАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ.

Нетерпение князя, прелата, дворянина и богатого мещанина по поводу ограничений, которые система Средневековья накладывала на его активность как личности в приобретении для собственного блага и распоряжении по своему усмотрению богатством, независимо от последствий для его соседей, нашло выражение и мощный рычаг в введении

из Италии римского права вместо старого канонического и обычного права Европы. Последнее никогда не рассматривало человека как самостоятельную и независимую единицу, а неизменно относило его к группе или социальному организму, главой которого он мог быть или просто подчиненным членом; но в любом случае нити обычая и религиозного долга привязывали его к некоему человечеству вне себя, будь то сельская община, гильдия, волость, провинция или империя. Идея права на индивидуальную автономию в отношениях с людьми никогда не входила в представления средневекового человека. Поэтому само по себе обладание собственностью не признавалось средневековым правом как дающее ее владельцу абсолютные права на нерегулируемое использование, а основой средневековых представлений о собственности была ассоциация ответственности и долга с владением. Другими словами, понятие *доверия* никогда не было полностью отделено от понятия *владения*.

Римское право опиралось на совершенно иную основу. Оно представляло собой правовую этику общества, в большинстве своем жестоко и грубо индивидуалистического. То, что это общество пришло к концу, а не развилось до своего естественного завершения - развитого капиталистического индивидуализма, подобного тому, что существует сегодня, - объясняется слабостью его экономической основы, ограничением в то время власти человека над природой, что лишило его восстановительной и защитной силы, оставив его жертвой не только внутренних влияний разложения, но и жестоких разрушительных сил извне. Тем не менее, она оставила в наследство готовую правовую систему, которая должна была послужить орудием для первого случая, когда экономические условия снова будут готовы к тому, чтобы прогресс возобновил курс индивидуалистического развития, внезапно прерванный падением античной цивилизации, кристаллизовавшейся в Римской империи.

Народные суды деревни, марки и города, просуществовавшие до начала XVI века со всеми их старинными функциями, были чрезвычайно демократичны по своему характеру. Дела решались по существу, в соответствии с местным обычаем, органом присяжных, выбранных из числа свободных людей района, а председательствующие, большинство из которых также были народными избранниками, были не более чем заседателями. Технических тонкостей, связанных с системой, не знали. Собственно католическая германская теория Средневековья в отношении гражданской власти во всех ее функциях, начиная с высшей и кончая низшей, была теорией простого отправления правосудия как такового; в то время как римское право рассматривало магистрата как наместника *princeps* или *imperator*, в чьем лице была абсолютно сосредоточена вся власть государства как ее верховное воплощение. Божественность императоров была признанием этого факта; и влияние римского права возродило эту теорию, насколько это было возможно в изменившихся условиях, в виде доктрины о божественном праве королей - доктрины, которая была совершенно чужда католической феодальной концепции Средневековья. Кроме того, эта доктрина получила дополнительную силу благодаря восточной концепции положения правителя, содержащейся в Ветхом Завете, из которого протестантизм черпал так много вдохновения.

Но помимо этой стороны вопроса, новая юридическая концепция предполагала систему правил как кристаллизованное воплощение абстрактного "государства", данного через его представителей, от которых ни при каких обстоятельствах нельзя было отступать и которые могли быть изменены в своем действии только юридическими придирками, оставляющими за ними номинальную целостность. Поэтому новый закон мог управляться только специально подготовленными для этой цели людьми, в которых пластичное обычное право, несущееся по течению истории с первобытных времен и незаметно приспособляющееся к новым условиям, но понимаемое в широком смысле всеми, кто мог быть призван управлять

им, не имело особой необходимости. Римское право, изучение которого началось в Болонье в XII веке, как и следовало ожидать, рано привлекло внимание германских императоров как инструмент, пригодный для использования в чрезвычайных ситуациях. Но в самой Германии он не достиг реальных успехов в сравнении с ранними институтами вплоть до XV века, когда провинциальная власть князей империи начала затмевать центральную власть титулярного вождя Священной Римской империи. Первые, упорно сопротивляясь результатам его применения сверху, находили в нем мощного помощника в своих судах для укрепления своей власти над подвластными им сословиями. В противовес тонко выверенным иерархическим представлениям феодализма, не признававшего абсолютного господства ни над людьми, ни над вещами, короче говоря, не признававшего ни неприкосновенной власти главы государства как таковой, ни неприкосновенных прав или святости частной собственности как таковых, новая юриспруденция сделала краеугольными камнями обе эти концепции.

Даже каноническое право, состоящее из массы папских декретов, относящихся к раннему Средневековью, которое, несомненно, содержало значительные следы влияния римского права, тем не менее было в основном обычным по своему характеру с вкраплениями христианской этики, должно было уступить новой юриспруденции, и это тоже в странах, где Реформация не смогла заменить старые церковные догмы и организацию. Принципы и практика римского права усердно насаждались племенем гражданских юристов, которые к началу шестнадцатого века заполнили все суды Европы. Каждый великий и малый государь, как бы мало ему ни нравилось применение этого закона его феодальным сеньором по отношению к себе, все же был готов и готов прибегнуть к его помощи для угнетения своих вассалов или крестьян. Таким образом, гражданское право повсеместно торжествовало. Оно стало юридическим выражением тех политических, экономических и религиозных перемен, которые ознаменовали завершение Средневековья и зарождение современного торгового мира.

Однако не следует думать, что ему не было оказано никакого сопротивления. Повсюду в современной литературе, наряду с обличениями новых наемных войск, *ландскнехтов*, мы находим нелицеприятные упоминания о расе адвокатов, нотариусов и прокуроров, которые, по словам одного писателя, "год от года увеличиваются, как кузнечики, в городе и в стране". Везде, где они появлялись, как нам говорят, возникали бесчисленные судебные споры. Тот, у кого были деньги, мог с легкостью обмануть своего более бедного соседа во имя закона и права. "Горе мне! - восклицает один автор, - в моем доме есть только один прокуратор, и все же вся страна вокруг приведена в смятение его кознями. Какое несчастье навлечет на нас эта орда!" Повсюду раздавались жалобы, а во многих местах - сопротивление.

Уже в 1460 году баварские сословия активно жаловались на то, что все суды находятся в руках врачей. Они требовали, чтобы права земли и древние обычаи не были отброшены, но чтобы в судах, как и прежде, служили разумные и честные судьи, которые должны быть людьми из той же феодальной ливреи и из той же страны, что и те, кого они судят. В 1514 году, когда зло стало еще более вопиющим, вюртембергские сословия обратились к герцогу Ульриху с просьбой, чтобы Верховный суд "был составлен из почтенных, достойных и понимающих людей из знати и городов, которые не будут врачами, с тем чтобы сохранялись древние обычаи и нравы, и чтобы судили в соответствии с ними так, чтобы бедняк больше не был приведен в замешательство". Во многих соглашениях конца XV века прямо оговаривается, что их не должен толковать врач или лицензиат, а в некоторых случаях такому врачу или лицензиату не разрешается проживать или заниматься своей профессией в определенных районах. Как ни велико было экономическое влияние новых юристов в

трибуналах, их политическое влияние в различных судах империи, начиная с *рейхскаммергерихта* и ниже, было, если не больше. Вот что пишет Вимпфелинг, первый автор книги об искусстве воспитания в современном мире: "Согласно отвратительным доктринам новых юристов, князь должен быть всем в стране, а народ - ничем. Народ должен только подчиняться, платить налоги и нести службу. Более того, они должны подчиняться не только князю, но и тем, кого он поставил у власти, которые начинают возвеличивать себя как истинных владык земли и распоряжаться делами так, чтобы сами князья делали как можно меньше, чем правят". Из этого отрывка видно, что современное бюрократическое государство, в котором управление максимально сведено к механизму, а личные отношения упразднены, появилось под эгидой гражданского права. Насколько легко было гражданским лицам осуществить отмену феодальных институтов, легко представить тем, кто знаком с принципами римского права. Например, если римское право, конечно, не упоминает о праве средневековых "сословий" советоваться при взимании налогов или по другим вопросам, юрист объясняет это право своему слишком охотному хозяину, князю, как злоупотребление, которое не имеет законного оправдания и которое, чем скорее оно будет отменено в интересах хорошего правительства, тем лучше. Все феодальные права, направленные против власти сеньора, объяснялись гражданским юристом либо как пагубные злоупотребления, либо, в лучшем случае, как милости, оказанные в прошлом предшественниками царствующего монарха, которые он был вправе урезать или отменить по своему желанию.

Из предыдущего обзора ясно видно, какую важную роль сыграла новая юриспруденция на континенте Европы в зарождении новой фазы, в которую вступала история в XVI веке. Даже краткого очерка будет достаточно, чтобы показать, что она действовала не только в одном отделе, но что, помимо собственно сферы права, ее влияние ощущалось в изменении экономических, политических и, косвенно, даже этических и религиозных условий. С этого времени феодализм медленно, но верно уступил место новому порядку, остались лишь некоторые его черты, которые, выкристаллизовавшись в бюрократические формы, были вдвойне покрыты последними следами средневековых идей и более плотным слоем гражданских представлений. Именно эта переходная Европа, а не средневековая, продолжалась до XVIII века и практически завершилась с Французской революцией.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Ниже приводится рескрипт, изданный комиссией рейхстага, заседавшей в Нюрнберге в 1522-23 годах, по поводу коммерческих синдикатов, которые внезапное развитие мирового рынка недавно вызвало к жизни: - "Что небольшая комиссия по приказу рейхстага

"То, что малая комиссия по приказу большой комиссии определила относительно Монополии или пагубной и запрещенной торговли, изложено ниже".

(MSS. из 61 страницы в Главном архиве Эрнестины в Веймаре, Margin E. Цитируется по Egelhaaf. Приложение, т. I).

"Прежде всего, о происхождении слова "Монополия". Монополия - греческое слово, от слова Monos, то есть один, и Polonia, то есть продажа. Как если бы кто-то сказал: Я один продаю то или это, или моя компания, или я один продаю. Поэтому такое раздельное ведение дел, при котором несколько дилеров или торговцев объединяются таким образом, что только они получают прибыль от своего ремесла или товаров, называется монополией. Об этом говорится в Lege Unica (?), Cod. de Monopoliis.

"Item, вышеупомянутые монополия, объединение, комбинирование, ассоциации и их продажи не были впервые признаны невыносимыми; но то же самое считалось и было известно как очень вредное для общего блага, разрушительное и достойное наказания, как прежде римскими императорами и юристами, и особенно блаженным императором Юстинианом, так что такие нарушители должны быть лишены всего своего имущества, и более того, должны быть приговорены к вечному несчастью (изгнанию) из их собственных домов, как написано в Lege Unica, Cod. de Monop. Гонорий и Феодосий запретили знатым и богатым людям заниматься вредной торговлей, чтобы простому народу было легче покупать у купцов; на рейхстаге в Кельне в 1512 году этот вопрос долго обсуждался императором Максимилианом, курфюрстами, князьями и сословиями, и вышеупомянутое повышение цен на товары было запрещено под страхом больших мук и наказаний. Декрет рейхстага гласит: "В соответствии с ним

"И поскольку в последние годы в королевстве возникло большое торговое содружество, а также есть несколько и несколько человек, которые осмеливаются привозить всякие товары и купеческие изделия, такие как пряности, аррас, шерстяные ткани и тому подобное, в свои руки с властью торговать ими, устанавливать или извлекать из них свою выгоду, как им угодно, и наносят тем самым большой вред Священной империи и всем ее сословиям, вопреки императорскому писаному закону и всякой честности: мы распорядились и приняли постановление ради общей пользы и в соответствии с необходимостью, и мы искренне желаем, и мы будем желать, чтобы впредь такое пагубное дело было запрещено, и чтобы они воздерживались [от этого], и чтобы впредь они [не] могли его проводить или осуществлять. У тех, кто будет делать это вопреки вышесказанному, их товары и имущество будут конфискованы и перейдут в распоряжение местной власти. И те же компании и купцы [впредь] не будут проводиться [в путь] никакими властями в Империи, и не будет законно, чтобы они делали это с какими бы словами, мнением или оговорками ни был дан конвой. И все же никому не запрещается вступать в компанию с другим человеком, если только он обязуется принести товары в одни руки и назначить за них стоимость по своему разумению и желанию; или же обязуется перед покупателем или продавцом продать, отдать или сохранить эти товары никому, кроме себя, или что он не будет отдавать их иначе, как по договоренности с ним. Но когда те, кому разрешено заниматься такой торговлей, будут стремиться к неподобающей дороговизне, Власть должна с усердием и тщательностью запретить такую дороговизну и приказывать продавать честно; если же Власть будет небрежна, то Фискал должен увещевать ее исполнить свой долг в течение месяца, а в противном случае Фискал имеет право возбудить против нее процесс.

"Но Власть и Фискал не исполнили своего долга, что не является ни правильным, ни справедливым, поскольку в нынешние времена другие мелкие грабители и воры жестоко наказываются, а эти богатые Компании, даже одна из них, в течение года

причиняют Обществу Достоянию гораздо больше вреда, чем все другие грабители и воры, поскольку они и их слуги публично демонстрируют роскошь, и расточительное богатство, чему есть немалое доказательство в том, что Бартоломей Рем за столь короткое время и при столь малом торговом запасе приобрел столь значительные богатства в компании Хохштеттера, как это открыто показано в оправдании перед городским судом Аугсбурга и на рейхстаге, недавно состоявшемся в Вормсе. Поэтому упомянутый Рем был заключен в тюрьму в Вормсе и до сих пор содержится под стражей. Кроме того, он должен быть отправлен сюда, в Нюрнберг, чтобы он мог выступить свидетелем и чтобы стало известно, с какими опасностями осуществляются вышеупомянутые запрещенные монополии и торговля, а также какими хорошими способами и средствами их можно отменить и предотвратить.

"Предстоит обсудить три вопроса: (1) Вредны ли Монополии для Священной Империи и поэтому должны быть уничтожены; (2) Должны ли быть уничтожены все Компании без различия, или должна быть установлена мера для них; (3) Какими средствами это должно быть сделано, и как эти вещи могут быть исправлены.

"I. Во-первых, то, что великие компании и накопление их запасов повсеместно вредны, является одной причиной, как можно видеть из спайса, который является самым значительным товаром, которым торгуют в немецкой нации. С достоверностью утверждают, что король Португалии не должен платить за один фунт перца, отправляемого из Индий в Антверпен, больше, чем три шиллинга золотом, двадцать из которых идут на рейнский гульден. Но также, если компания в Португалии посылает за специями, у нее нет никаких проблем и оправданий. Как бы дорого король ни предлагал или ни давал товары, он платит ему иногда еще больше, но при условии, что он не будет поставлять такие товары тем, кто будет покупать их в дальнейшем, иначе как за еще большую цену. К этому примеру можно добавить, что тот, кто предложил сто центнеров перца из Португалии за восемнадцать дукатов, получил за них двадцать дукатов или даже больше, с условием, что Королевское Величество в течение одного или двух лет не будет поставлять никому другому тот же перец или изделия дешевле двадцати четырех дукатов, и таким образом один так перебил другого, что пряность, которая вначале могла быть продана только за восемнадцать дукатов, теперь продается в Португалии за тридцать четыре дуката и выше. И в одно время она стала почти такой же дорогой, как и раньше. То же самое произошло и с другими пряностями, которыми такие купцы не обременены, и они не несут никакого убытка, но имеют огромную прибыль, в то время как они, со своей стороны, будут продавать их так дорого, как только смогут, и никто другой в Священной империи не сможет иметь или получить то же самое. Какой ущерб и убытки несут большинство людей, даже самые незначительные, понять нетрудно. Мы можем доказать это на примере Нюрнбергских конвоев пряностей. Самый дорогой шафран, называемый так от каталонского местечка Сафра, стоил несколько лет назад, а именно в шестнадцатом году, два с половиной гульдена, шесть крейцеров; теперь, в двадцать втором году, он стоит пять с половиной гульденов, пятнадцать крейцеров. Лучший шафран, который купцы называют зимером, с 1516 по 1519 год стоил два гульдена за фунт, а в 1521 году - два гульдена, двадцать четыре - двадцать шесть крейцеров; теперь он стоит четыре гульдена; и так же дорожают все шафраны, аррагонский, польский, авернский и так далее.

"Купцы, кроме того, не делают дорогим все одновременно, но сейчас - шафран и гвоздику, в другой год - перец и имбирь, потом - мускатный орех и так далее, чтобы

их выгода не сразу бросалась в глаза людям. Поэтому предполагается выяснить, сколько пряностей ежегодно ввозится в Германию, чтобы знать, сколько принесет налог на эти пряности, если купцы сделают небольшую прибавку к каждому фунту, как это часто бывает. Купцам было приказано произвести их оценку, но их оценки были различны; тем не менее, вот цифры для пряностей, которые каждый год поступают только из Лисабона, чтобы можно было лучше узнать. 36 000 центнеров перца, и не меньше, а скорее больше; 2400 центнеров имбиря, около 1000 шаров шафрана привозятся только из Лисабона, без того, что привозится из Венеции. Что касается других пряностей, то они не называют их сумму. В Антверпене это можно узнать тем точнее, что там взимается пошлина.

"Компании обращают особое внимание на те товары, которые могут быть менее всего пощажены; и если одна из них недостаточно богата, она обращается за помощью к другой, и они вдвоем приносят товары, какими бы они ни были, полностью в свои руки. Если бедный мелкий купец купит у них эти самые товары, стоимость которых хитроумно повышена, и если он захочет торговать этими товарами в соответствии со своими потребностями, то эти вышеупомянутые великие мошенники с того часа оказываются на его шее, у них изобилие этих самых товаров, и они могут дать их дешевле и в долг; таким образом этот бедный человек угнетается, приходит к ущербу, а некоторые и к гибели. Часто они выкупают свои товары через неизвестных лиц, но не в пользу тех, кто продает; поэтому они имеют свои склады почти во всех местах Европы, и здесь кроется причина огромного количества запасов.

"Великие компании уменьшают торговлю и потребление в своих странах. Все свои дела они ведут в дальних странах и по письмам; где сейчас есть большая компания, там раньше кормились двадцать или более [человек], которые теперь вынуждены скитаться вдали, потому что не могут держать в других местах склад и слуг. Этим путем умножились дороги, пошлины и сборы с караванов, о чем знают трактирщики и все ремесленники, делающие пользу и удовольствие; ибо многие продавцы приносят в Товары хорошую продажу и дешевизну.

"Кроме того, хорошие золотые и серебряные монеты вывозятся из страны компаниями, которые повсюду скупают их и меняют. В течение короткого времени рейнское золото будет изменено и переплавлено из далекой жадности наживы. Поэтому уже сейчас в разных городах происходят бедняки, которые, если их не предотвратить, будут, надо опасаться, распространяться все дальше и дальше.

"II. *Теперь спросите, неужели все компании должны быть уничтожены?* Мы уже показали причину, по которой великие компании, могущественные в денежном отношении, должны быть рассеяны, а не терпеть. Но, следовательно, не сказано, что все компании и общая торговля должны быть полностью уничтожены; это было бы действительно против общего блага и очень обременительно, вредно и глупо для всей немецкой нации; ибо из этого следовало бы (1), что нужно было бы дать силу, помощь и общение французам и иностранным народам, чтобы они взяли и осуществили то, что мы с таким трудом уничтожили. Тогда эти иностранные народы высосут всю немецкую землю. (2) Кроме того, если каждый будет торговать в одиночку и потеряет от этого, то это обернется гибелью для него самого, а также для тех, кто доверил ему свои товары. Этого не может случиться, когда разные люди объединяются с умеренностью. (3) Такое запрещение послужит исключительно на пользу богатым, которые во всех случаях и повсюду срываю зерна для себя и оставляют мякину для других. Некоторые из этих богачей занимают такое

положение, что способны даже делать то, что сейчас делают великие компании и что считается столь тяжким притеснением. При этом дело не улучшится, а лишь будет прикрито. (4) Торговля и промышленность несут с собой то, что товары не следует искать только в одном месте. Один человек не в состоянии, и тем более не в то время, когда в них есть нужда. Дело в том, что торговля в стране была бы запрещена, и это послужило бы на пользу иностранным народам, и особенно в это время [вредит?] немцам; но чтобы нанять слуг и отправить их вместо себя в другое место, нужны деньги, а малые состояния едва ли выдержат содержание прислуги; многие, действительно, не в состоянии обеспечить себя, не говоря уже о слугах.

"III. Какие же предложения теперь следует выдвинуть для прекращения вышеупомянутой запрещенной практики?

"(1) Компании или одиночки должны использовать для торговли не более двадцати тысяч, сорока тысяч или, самое большее, пятидесяти тысяч гульденов, и иметь не более трех складов вне своего семейного жилища.

"(2) Они должны телесной клятвой объявить своему Управлению, что у них нет больше денег для торговли.

"(3) Их запасы не могут быть увеличены за счет прибыли; но, самое большее, каждые два года должен производиться подсчет, и прибыль должна быть разделена, также должно быть сделано уведомление Власти о том, что подсчет и распределение были выполнены.

"(4) Запрещается давать деньги займы с ростовщичеством для целей торговли, ибо это нечестиво и ростовщичество, а также вредно и пагубно для Общего Благосостояния, без соизмерения прибыли и убытков брать или давать деньги или ростовщичество.

"(5) Ни один вид Посуды не может быть взят в одни руки.

"(6) Разрозненные компании не могут объединяться под страхом потери всех своих товаров.

"(7) Ни один купец не может купить за один раз более 100 центнеров перца, 100 центнеров имбиря и ни одной пряности, которая имеет такое название, более 50 центнеров; также после такой покупки он не может больше покупать или торговать тем же товаром в течение четвертой части года.

"(8) Так как великие компании, которые имеют свои знания во многих землях, используют особую ловкость, когда товары портятся или когда они становятся более ценными, так что они заставляют иностранных купцов скупать у других, у которых есть такие товары, и приносить их в свои руки, прежде чем другие узнают о такой потере. Отсюда следует большая дороговизна товара. С другой стороны, наказание лучше всего установить таким образом, что если о такой вредной продаже станет известно в течение четырех недель после ее совершения, то покупатель будет обязан вернуть свою посуду продавцу за половину уплаченной за нее суммы; другая половина цены переходит к Управлению.

"(9) Под страхом потери товара, как это было установлено в Кельне, продавец не может ставить условие, чтобы покупатель не смел отдавать изделия за меньшую цену.

"(10) Дабы иностранные народы не были излечены и благодетельствованы в то время, как немецкая земля угнетается и опустошается, повелевается, чтобы этот указ был обязателен для всех иностранцев, рожденных без родины, которые имеют свои магазины в пределах Империи; так что иностранец, будь то француз или кто бы он ни был, который торгует в Священной Империи и охвачен этим указом, должен и обязан понести все наказания, как и другие купцы, рожденные в этой стране, которые преступают его. Это также обязывает все княжества, светлости и города, даже если они свободны, с тем намерением, чтобы это было одинаково для всех людей, и чтобы никто не был пощажён.

"(11) Из-за плавания немецких купцов в Португалию возникает великое зло, так как в Лисабоне, из-за перевозок из Португалии в Индию пряностей и других товаров, существуют большие склады и очень смелая купля-продажа, такая, что ни в коем случае не может существовать в одном месте, и потому в том месте возникает великое причитающееся и увеличивающееся количество всякого рода пряностей и товаров, которые везут оттуда, то же самое и с грошами, которые они расходуют даже в Португалии и не могут преуспеть, пока их снова не переправят из Индий в тот город. Для этого каждое судно, приходящее из Португалии, немцы должны пускать в море и привязывать к колесу фортуны; а плавание в Португалию едва ли не страшнее и опаснее, чем в Индию. За несколько лет на этом же море утонуло и погибло пятнадцать сотен тысяч гульденов; и тем не менее купеческий народ, унаследовавший совсем немного, стал так несказанно богат. Поэтому всякое судоходство в Португалию должно быть запрещено; португальцы сами должны брать в руки авантюру и свои товары, а те, которые они не смогут сохранить, пусть везут в Германию; ибо если кто-то не будет таким образом добиваться их, они вынуждены будут продавать по меньшей цене. Другие, правда, утверждают, что если португальцы привезут свои товары в Анторф (Антверпен), то крупные компании найдут там средства для скупки товаров; и король Португалии может быть вынужден доставить товары в Данциг или Эген-Мертен (Aigues Mortes) во Франции, так что немцы должны будут доставить их оттуда. Но другие покажут, что из-за получения металлов он не может пощадить Германию, а без них он не может вести торговлю с Индией; поэтому нужно только помешать ему получать металлы, и таким образом можно заставить его не торговать с Францией.

"(12) Должна быть установлена цена на некоторые товары, чтобы не только для простых плутов и торговцев, но и для тех, кто покупает эти товары для собственного пользования и удовольствия. Опасаются, что и разрозненные компании тайно договариваются друг с другом о продаже по завышенной цене; кроме того, пряности находятся во власти одного только короля Португалии, и с тех пор он может устанавливать цены по своему усмотрению, потому что ни за какие деньги они не останутся непроданными среди немцев. Кроме того, из Рефеля и Любека дошли сведения, что король Дании и фуггеры ведут торговлю друг с другом, и все товары купцов, которые до сих пор поступали из Масцеи (Москвы) в немецкие торговые города, должны и впредь поступать в Данию, во владения короля и фуггеров, чтобы они могли увеличивать их по своему усмотрению. До сих пор люди не наказывали такие вещи справедливыми муками, а добровольно терпели их. От таких вещей можно избавиться только запрещением, чтобы они и товары не продавались в Германии выше определенной цены. *Полк (Имперский орган управления) должен облагать каждую посуду по стограммовому весу фиксированной суммой.* В качестве меры должны служить обычные средние цены, какими они были до того, как изделия попали во власть короля Португалии и

великих, вредных, запрещенных компаний. Но можно задать вопрос: а что, если с товарами случится несчастье? Тогда купеческий народ восстановит себя в тех, кто преуспеет. Но что делать, если этих товаров не хватает? Иностранцы могут гораздо меньше жалеть наши деньги, чем мы их товары; поэтому в Империи не следует опасаться долговременного и болезненного недостатка; *разве что за недостаток следует считать нераздачу денег впустую*. Таким постановлением лучше всего предотвратить опасность чрезмерного повышения цен. В вопросе о пошлинах может быть принята во внимание отдаленность мест, а также различие мер и весов; таким образом, перец в хранилище во Франкфорте будет облагаться налогом в один крейцер за фунт, и так же в Нюрнберге. Срок уплаты начнется через полгода после определения оного Императорским Сословием.

"Далее, не должно быть, чтобы купцы ссужали деньги бедным людям под залог семян, которые стоят в поле, или винограда с виноградных стеблей и других плодов, вследствие чего у этих бедных, нуждающихся людей отнимается то, что они с трудом зарабатывают.

"Далее следуют наказания для всех нарушителей, равно как и для нерадивых властей; отпуск, который каждый может предъявить фискалу; определение, что все конфискованные товары, в которых были совершены нарушения, должны быть отнесены, половина в императорский фиск, половина в [местную] власть. Фискал должен также возбудить дело против компаний, которые открыто обогащались вопреки праву и справедливости; если это случится, то это не только послужит питанием для фиска, но и предупредит других, чтобы они ограждали себя от такого злого вреда. Постановление о продаже и т. д. должно быть приведено в действие через два месяца после его провозглашения.

"Следует также учесть, что безопасное ведение шоссейных дорог полезно для купечества, так что все торговцы могут передвигаться по шоссейным дорогам Священной империи более безопасно, чем это происходило в течение долгого времени.

"Дошло до того, что некоторые купцы обманным путем, под видом доверия и веры, забирают чужие товары, совершая банкротство, что подобно воровству, и тот, кто умышленно стремится к чужим деньгам и товарам, должен быть подвергнут суровому наказанию.

"Кроме того, необходимы императорские меры и весы; за фальсификацию тканей и товаров следует суровое наказание, и сословия предупреждены, чтобы остерегались хитрых, жадных и подкупных прокуров, посредством которых это постановление может быть сведено на нет компаниями". (N.V.-Здесь имеется в виду, согласно сообщению из другого источника: "подкупом властей, дабы их *благодарностью и покровительством* избежать страданий от этого постановления").

Я подробно изложил этот документ, поскольку он любопытен и поучителен по нескольким причинам. Прежде всего, он свидетельствует о централизации Императорской Германии, которую пытались осуществить во время правления Максимилиана и Карла V, по образцу недавних централизованных администраций Англии, Франции и Испании. Она также показывает, что Германия в значительной степени контролирует слитки Европы. Это, конечно, было следствием богатства торговых городов, особенно Ганзы и Баварии. Важность торговли пряностями также

наглядно показана, и в этом отношении документ вполне может дать повод для различных размышлений о характере позднесредневековой кулинарии. Наконец, но не в последнюю очередь, мы видим враждебность гордого феодального князя или барона и его законного асессора к *парвеню* и *нуворишам*, впервые появившимся на сцене.

I. (IM AUSZUG).

1522. Was der Kleine Ausschuss auf Befehl des grossen Ausschusses, der Monopolia oder schädlichen verbotenen Verkauf halb geratschlagt hat, wird nachher erzählt.

(Рукопись на 61 странице в архиве Ernestinischen Gesamt Archiv zu Weimar. Registrande E.)

Erstlich von dem Ursprung des Wortes Monopolia. Monopolia ist ein kriegerisch Wort, welches seinen Ursprung hat von dem Worte Monos, das ist allein, und Polonie, das ist Verkauf. Gleich als spräche jemand: ich allein verkauf das oder jenes, Oder; meine Gesellschaft oder ich allein verkaufe. Darum wird solche sonderliche Hantierung, als ob sich etliche Hantierer oder Kaufleute dermassen vereinigen, dass sie allen den Nutzen aus ihrem Handwerk oder Kaufmannschaft empfangen, Monopolia genannt. Davon ist gesagt in lege Vinca (?) Cod. de Monopoliis.

Item obengemeldete Monopolia, Vereinigung, Verbindung, Gesellschaften und ihr Verkauf wird nicht allein allererst jetzt dem gemeinen Nutzen unleidlich und unerträglich erfunden, sondern sind dieselben wie vor durch den römischen Kaiser und Rechtsetzer und sonderlich durch den löblichen Kaiser Justinio, dem gemeinen Nutzen als fast schädlich, verderblich und sträflich geacht und erkannt, dass dieselben Überführer [Übertreter] alle ihre Güter verloren und dazu ausserhalb ihrer Wohnung in ewiges Elend (Verbannung) verurteilt sein sollen, als geschrieben steht lege Vinca Cod. de Mono. Кроме того, Гонорий и Феодосий запретили выставлять на всеобщее обозрение сходное кауфманство, так как это позволяет немецкому народу покупать более легкие товары, а на Рейхстаге в Кельне в 1512 году было принято решение о том, что кайзер Максимилиан, курфюрсты, фюрстены и штандарты должны быть выведены из-под контроля, а геморрагическая вертепная система выкупа товаров с грубыми пинами и страфенами запрещена к использованию. Der Abschied dieses Reichstags sagt:-.

Und nachdem etwa viel grosse Gesellschaft in Kaufmannschaft in kurzen Jahren im Reich aufgestanden, auch etliche sondere Personen seien, die allerlei Waren und Kaufmannsgüter wie Spezerei, Artz, wollene Tücher und dergleichen in ihre Hand und Gewalt zu bringen unterstehn, Verkauf damit zu treiben, setzen und machen ihnen zu Vorteil gewertet ihres Gefallens, fügen damit dem heiligen Reiche und allen Ständen desselben merklichen Schaden zu, wider gemein geschriebenes kaiserliche Recht und aller Ehrbarkeit: haben wir zu Förderung gemeinen Nutzens und der Notdurft nach geordnet und gesetzt, und tun das hiermit ernstlich, und wollen dass solche schädliche Handierung hinfüro verboten und abstehn und die hinfüro treiben oder üben. Welche herwider solches tun wurden [werden] der [deren] Habe und Güter soll confisciert und der Oberkeit jiglichs Orts verfallen sein. Und dieselben Gesellschaften und Kaufleute hinfüro durch keine Obrigkeit im Reich geleitet werden, sie auch desselben nicht fähig sein, mit was Worten, Meinung oder Clauseln solch Geleit gegeben wurden. Doch soll hiedurch niemand verboten sein sich mit jemand in Gesellschaft zu tun, um Waren die ihm gefallen

zu kaufen und zu verhandieren, dann allein, dass er die Ware nicht unterstehe in eine Hand zu bringen und derselben Ware einen Wert nach seinem Willen und Gefallen zu setzen, oder dem Käufer oder Verkäufer andingen, solche Ware niemandem denn ihm zu kaufen, zu geben oder zu behalten, oder dass er sie nicht mehr geben will, wie er mit ihm überein gekommen sei (wa wie er mit ihm überkommen hette). Wenn aber die, welchen so Kaufmannschaft zu treiben erlaubt ist, unziemliche Teuerung zu machen sich unterstehn, so soll die Oberkeit mit Fleiss und Ernst, solche Teuerung abschaffen und redlichen Kauf verfügen. Если же обер-лейтенант не уверен в себе, то фискал может в месячный срок сделать так, чтобы он был в порядке; и, кроме того, у него есть право на процедуру.

Allein die Oberkeit und der Fiscal haben das Ihre nicht getan, denn weder gut noch Recht ist, dieweil doch je zu Zeiten andere kleine Räuber und Diebe hart (als hertiglich) gestraft werden, und diese reichen Gesellschaften eine des Jahrs den gemeinen Nutzen viel mehr weder [als] alle andere Strachräuber und Diebe beschädigen, wie dann das ihr und ihrer Diener Köstlichkeit, Pracht und überschwenglicher Reichtum öffentliche Anzeigung gibt. Derselben nicht kleine Anzeigung hat man auch daraus, dass Bartholome Rhem gar in kurzer Zeit mit so wenigem Hauptgut in der Hochsteter Gesellschaft als einmerklich Gut gewonnen hat, wie dann das in der Rechtfertigung am Stadtgericht zu Augsburg und auf jüngst gehaltenem Reichstag zu Worms offenbar gemacht ist. В Вормсе человек имеем в виду ден Рем, а он, как и прежде, является рефенглихом. Man soll ihn hieher nach Nürnberg erfordern, damit er Zeugnis ablegt und man erfährt, mit waserlei Gefährlichkeit obengemeldete verbotene Monopolen und Verkauf geübt werden, auch durch welche guten Mitteln Wege solchem zuvorzukommen und abzuwenden ist.

Drei Fragen sind hierüber zu stellen. (1) Ob die Monopolen dem heiligen Reiche schädlich und deshalb abzuthun sind. (2) Ob alle Gesellschaften ohne Unterschied abgethan werden sollen oder ob ihnen ein Mass zu setzen sei. (3) Durch was für Mittel dieses geschehen und wie diesen Sachen geholfen werden kann.

I. Erstlich dass die grossen Gesellschaften und Haufung ihrer Hauptgüter männiglich nachteilig sind, ist die eine Ursache und will es an der Spezerei, welches der vornehmste Stücke eines ist, so in deutscher Nation verführt und hantiert werden, ansehen. Man sagt glaublich, dass der [dem?] König von Portugal 1 Pfund Pfeffer aus Indien bis nach Antwerpen zu liefern, über drei Schilling in Gold, deren zwanzig ein Rheinischer Gulden tut, nicht zu stehen komme. So aber eine Gesellschaft in Portugal nach Spezerei schickt, so habe sie keine Beschwerde und Einrede, wie teuer der König solche Waare beut oder gibt, bezahle ihm sogar zu Zeiten noch mehr, nur mit dem Geding, dass er solche Ware andern, die hernach kaufen wollen, noch teurer gebe. Des zu einem Exempel mag gesetzt werden: so der von Portugal einen Centner Pfeffer um 18 Dukaten etwa geboten hat, haben sie ihm 20 oder noch mehr darum gegeben, doch mit dem Geding, dass die königliche Würde in einem oder zwei Jahren keinem andern desselben Pfeffer oder Ware näher [billiger] denn um 24 Dukaten geben soll, und so einer den andern gesteigert, dass die Spezerei, so erstlich um 18 Dukaten erlangt werden mochte, itzund [jetzt] in Portugal über 34 Dukaten kauft wird. Und ist also shier noch einsten [einmal] so teuer geworden als es vorher gewesen. Dergleichen mit andern Spezereien auch geschehen ist, davon solchen Kaufleuten nichts gelegen, noch sie einigen Verlust, sondern grossen überschwänglichen Gewinn haben dieweil sie wiederum, so teuer sie wollen, geben mögen, und sonst niemand im heiligen Reiche dieselbe haben oder bekommen mag. То, что Schätzung und Nachteil den meisten bis auf den mindesten daraus erfolgt, ist nicht schwer zu gedenken. Человек может наблюдать это на примере Нюрнбергерских

спицрей-райзенов. Der höchste Saffra, так в католичество называется Ort Saffra, имеет в течение нескольких лет, а именно с 16 лет, дриттальб Гульден семь тысяч крейцеров; сейчас, в 22 года, он получает 15 крейцеров. Der beste Saffran, so von den Kaufleuten Zymer genannt wird, hat pro Pfund 1516-1519 2 Gulden und noch 1521 2 Gulden 24-26 Kreuzer gegolten, jetzt gilt er 4 Gulden; ebenso sind alle Saffrane, arragonischer, polnischer, avernischer aufgestiegen, u. s. w.

Die Kaufleute schlagen auch nicht mit allem auf einmal auf, sondern jetzt mit Saffran und Nägeln, das eine Jahr mit Pfeffer und Ingwer, dann noch mit Muskatnuß u. s. w., damit ihr Vorteil nicht verstanden werden soll. Man will deshalb eine Erhebung anstellen, wie viel Spezerei jährlich nach Deutschland gebracht wird, damit man weiss, so die Kaufleute auf ein jedes Pfund einen kleinen Anschlag machen, was es in solch grosser Menge tut, und damit abnehmen kann, was ein Zoll auf diese Spezerei ertrüge. Man hat auch schon von Kaufleuten sich Angaben machen lassen, welche aber abweichend waren, doch werden die Ziffern genannt für die Spezereien, welche allein jährlich aus Lissabon eingehen, damit man bessere Erkundigung einziehen könne. 36 000 сотников Пфеффер и не только; че-шарюбер; 2400 сотников Ингвер; 1000 баленов Саффрана приходят из Лиссабона, не считая того, что из Венедига. Другие Spezereien знают, что у них нет суммы. В Антверпене человек может получить информацию о дорт-эрхобенских золлах.

Die Gesellschaften haben es besonders auf die Waren abgesehen, deren man am wenigsten geraten [entbehren] mag; und wenn eine nicht reich genug ist, so nimmt sie eine andere zu Hilfe und beide bringen dann die betreffende Ware ganz in ihre Hand. Если человек, владеющий оружием, покупает дизельную посуду и приносит ее на вертрейбене, то он получает гросс-хантерунген фон штунд ан ауф дем накен, хабен ден убержвалл дерсельбен варе, кеннен се вольфейлер, ау ауф лангем бургк [борг] хингебен; дамит диезер армер бедрангт, комм цу шаден и этлише цу вердерб. Manchmal kaufen sie auch ihnen ihre Waren durch urkundliche Personen, doch nicht ihnen zu gut, wieder ab; das schafft, dass sie schier an allen Orten im ganzen Europa ihre Gelager halten; Ursach das ist der Pracht des grossen Hauptgutz.

Большие общества заботятся о здоровье и здоровье людей в стране. Sie richten alles über Land und in Briefen aus; wo jetzt eine grosse Gesellschaft ist, da nährten sich sonst wohl 20 oder mehr, die alle webern und wandeln mussten, weil sie keine Lager und Diener an andern Orten halten konnten. Dadurch wurden die Strassen gebaut, Zoll und Geleit gemehrt, desgleichen wie Wirte und alle Handwerk des Nutzens und Geniessen empfinden; denn viel Verkäufer bringen gut Kauf und Wohlfeilheit der Waren.

Еще большее распространение получила золотистая и серебристая кожа благодаря компаниям, которые ее покупают и продают, среди других земель. В течение короткого времени золото Рейниша будет аусгевексельтом, верфюртом и верשמельцем. Deshalb sind auch schon in etlichen Städten Empörungen des gemeinen Mannes entstanden, was, wo es nicht abgewendet wird, noch weiter und mehr zu besorgen ist.

Человек размышляет о II., должны ли все общества быть абреманаму? Das die grossen geldmächtigen Gesellschaften zu vertrennen und nicht zu dulden sind ist die Ursach oben angezeigt. Deshalb sollen aber nicht alle Gesellschaften und versammelte Hantierungen gänzlich abgeschnitten sein; wär wider gemeinen Nutzen, auch ganzer deutscher Nation sehr hoch beschwerlich, nachteilig und verfächtlich; dann daraus würde folgen (1) dass man Franzosen und äussern Nationen Stärke, Hilf und Handreichung gäbe, dasjenige für zu nehmen und zu treiben, das man jetzt so hoch

beschwerlich abzutun fürhat. Эти свободные народы должны подчинить себе всю Немецкую землю. (2) Если Фёрнер будет держать всех в руках, а einem Schaden - в руках, то он будет герейхен, и также денен, который его в этом случае будет отвлекать. Это не может быть сделано, если несколько человек с массой вступают в связь. (3) Würde ein solches Verbot allein den Reichen zum Vorteil dienen, welche ohnehin allenthalben die Körner für sich ziehen und die Spreu den andern lassen. Von diesen Reichen sind einige so gestellt, dass sie eben dasjenige zu tun vermöchten, was jetzt grosse Gesellschaften tun und was man für so herb beschwerlich achtet. В этом случае Sache не будет ничем не прикрыт, а будем только Deckel aufgesetzt. (4) Hantierung und Gewerb bringen es mit sich, dass man die Ware nicht blos an einem Orte suchen muss; dazu ist eine einzige Person nicht im Stande, und namentlich nicht zu der Zeit, wo es etwa Notdurft ist. Die Folge wäre, dass man dem Handel das Land verbieten, fremden Nationen Nutzen schaffen, die Deutschen aber drücken und bösern würde. Diener aber anzunehmen und solche an seiner Statt an andere Orte zu schicken erfordert Geld, und kleine Hauptgüter ertragen kaum das Halten von Knechten; viele können sich selbst nicht, zu geschweigen Diener, hinbringen.

III. Какие факторы способствуют тому, чтобы вы могли использовать для этого более серьезные средства?

(1) В этом случае предприятиям и другим лицам необходимо иметь не более 20 000, 40 000 или, в крайнем случае, 50 000 гульденов гауптгута для ведения бизнеса и не более трех лагерей на территории их жилых домов.

(2) Sie sollen gehalten sein, bei ihren leiblichen geschworenen Eidespflichten ihrer Obrigkeit anzusagen, dass sie nicht mehr Geld im Handel haben.

(3) Dieses Hauptgut darf nicht durch Gewinn vermehrt werden; vielmehr muss längstens alle zwei Jahre Rechnung getan und der Gewinn verteilt, auch der Oberkeit davon Anzeige gemacht werden, dass die Rechnung und Austeilung erfolgt ist.

(4) Es darf zu Handelszwecken kein Geld um Zinskauf entlehnt werden, da dies ungöttlich und wucherlich, auch gemeinem Nutzen nachteilig und schädlich ist, ohne Wagnis Gewinns und Verlusts Geld oder Zins oder Zinsu nehmen oder zu geben.

(5) Keinerlei Ware darf in eine Hand gebracht werden.

(6) Zertrennte Gesellschaften dürfen sich nicht vereinigen, bei Verlierung aller ihrer Güter.

(7) Kein Kaufmann darf auf einen Kauf mehr über 100 Centner Pfeffer, 100 Centner Ingwer und von keinerlei Spezerei, wie die Namen hat, über 50 Centner kaufen, auch nach solchem Kauf in einem Vierteljahr derselben Ware keine mehr führen oder kaufen.

(8) Наряду с тем, что у больших обществ есть возможность приобрести такой товар, и они в разных землях знают, как можно вернуть или продать эту посуду, они должны сделать так, чтобы их свободные покупатели, а также те, у кого есть такая посуда, могли ее приобрести и привезти дизельное топливо в их дома, чтобы они были в курсе всех этих дел. Дараус следует за этим, а затем за грубым ауфшлагом для посуды. Dagegen setzt man am besten die Strafe, dass, so sich ein solcher gefährlicher Verkauf in vier Wochen den nächsten darnach erfunden, dass dann der Abkäufer soll verpflichtet sein, dem Verkäufer seine Ware um das halbe Kaufgeld wieder zuzustellen, weil er es ihm abgekauft hat der andere halbe Teil der Kaufsumme soll dann der Obrigkeit verfallen sein.

(9) Если в Кёльне существует наилучшая ситуация, при которой Веркауфер не имеет права на получение товара, он не должен делать этого, так как его товар не должен быть дороже.

(10) Damit nicht fremde Nationen geheilt und gebessert, aber das deutsche Land bezwungen und verderbt werden, ist bedacht, dass diese Ordnung auch alle Fremden, die Lager im Reiche haben, binden soll. Таким образом, в случае, если какой-нибудь Вальх, Француз или кто он там, в Священном Рейхе, будет иметь отношение к этому приказу, он может и должен иметь все границы, как и другие инландские уберфахрендские кауфлейты. Dass soll alle Fürstentümer, Herrschaften und Städte, ob die gleich indem dafür gefreiet wären, auch beflissen und binden, damit es gegen männiglich gleich gehalten und niemand hierin geschont werde.

(11) Durch das Fahren deutscher Kaufleute nach Portugal entsteht grosser Schaden, weil in Lissabon wegen der Schiffung von Portugal nach Indien mit Spezerei und anderem die grossen Niederlagen und tapfersten Käufe und Gewerbe sind, die sonst mindert an einigen Orten bestehen könnten, und deshalb dort die grossen Zoll Schatzung von allerlei Spezereien und Waren, die von dannen weggeführt werden, der gleichen auch von der Pfennigwerten [Verkaufsartikeln] die sie in Portugal selbst verbrauchen und nicht geraten, mögen als die wieder hinein in India und an den Ort geschifft werden, aufkommen. Dazu muss alle Ware, welche von Portugal kommt, von Deutschen auf der See gewagt und aufs Glücksrad gebunden werden, und die Fahrt nach Portugal ist schier mehr sorglich und gefährlich als die nach Indien; in wenig Jahren sind auf derselben See über 1,500,000 Gulden Wert ertrunken und verdorben, und trotzdem sind die Kaufleute, welche wenig ererbt haben, so unaussprechlich reich geworden. Deshalb soll alle Schiffung nach Portugal verboten werden; die Portugiesen sollen selbst das Wagnis übernehmen und ihre Ware, die sie doch nicht behalten können, nach Deutschland bringen; wenn man ihnen so nicht nachläuft, werden sie auch billiger verkaufen müssen. Andere bemerken nun freilich, dass wenn die Portugiesen auch die Ware nach Antorff [Antwerpen] bringen, so würden die grossen Gesellschaften auch dort Wege finden, die Waren aufzukaufen; auch könne der König von Portugal bewogen werden, die Ware nach Danzig oder Egen Merten [Aigues Mortes] in Frankreich zu schaffen, so dass die Deutschen sie dort holen müssten. Allein andere zeigen an, dass er wegen des Zugangs der Metalle Deutschland nicht entbehren und ohne dieselben gegen India nichts schaffen könnte; man dürfe ihm also nur den Zugang der Metalle versperren, so werde man ihn zwingen können, nicht nach Frankreich zu handeln.

(12) Soll eine Satzung etlicher Waren vorgenommen werden, damit nicht blos für die gemeinen Hantierer und Kaufleute gesorgt ist, sondern auch für die, so diese Waren zu ihrer Niessung und Gebrauch kaufen. Es ist zu besorgen, dass auch die getrennten Gesellschaften sich heimlich über die Preise verständigen; auch hat der König von Portugal die Spezerei allein in seiner Gewalt, und seither kann er Preise setzen wie er will, weil sie bei den Deutschen wegen keiner Verteuerung ungekauft blieben. Кроме того, в Рефеле и Любеке говорят, что король Денмарка и еблан действуют заодно, а все кауфмансгютеры, которые из Мусцея и Москау попадают в немецкие хандельштедты, фюрерствуют в Денмарке и в гевальте короля и еблана, чтобы их дизельбены вертелись под ударом. Bisher hat man solche Dinge nicht mit rechter Peen gestraft, sondern wissiglich geduldet. Dem kann nur ein Verbot abhelfen, dass die und die Waren in Deutschland nicht höher als zu einem bestimmten Satz verkauft werden dürften. Полк должен быть в одном месте с Зентнером на одной гауптсумме. В качестве массового штаба можно использовать различные

виды миттельшпилей, как и в случае, если они были в опасности. Человек задает себе вопрос: "А как же вы пропустите эти деньги? Dann werden die Kaufleute sich bei den wohlgeratenen erholen. Когда возникает опасность для здоровья? Die Fremden können unser Geld gar viel weniger entbehren, als wir ihre Waren; deshalb ist im Reich kein langwieriger schädlicher Mangel zu besorgen; man wollt denn unnütz Geld ausgeben für einen Mangel achten. Благодаря этому сацунгу можно с уверенностью утверждать, что Gefahr übermässiger Steigerung der Preise am besten. При начислении налога может учитываться и его значение, и разнообразие видов продукции; так, например, во Франкфурте Pfeffer an der Hand - Pfund auf 1 Kreuzer taxiert, в Нюрнберге - тоже. Die Taxe soll ein halbes Jahr nach Beschliessung durch die Reichsstände angehen.

Weiter soll nicht sein, dass die Kaufleute dem armen Volke auf den Samen, so noch auf dem Feld steht, auf die Trauben an den Stöcken und andere Frucht Geld leihen; dadurch diesen armen notdürftigen Lenten das genommen wird, was sie härtiglich erarbeiten.

Дарауф фолген страфен для всех уберфареров, для всех вялых обригкейтов; ди эрлаубнис, дас юдер фискал клаген дарф; ди бестиммунг, дас алле конфисциертен гютер хэлфтуг дем рейхсфискус, хэлфтуг дер обригкейт цуфаллен соллен, дарутер солче вербрехен гешехен. Der Fiskal soll auch gegen die Gesellschaften, welche sich seither offenbar widerrechtlich bereichert haben, vorgehen; geschicht dies, so wird das nicht allein den Fiskus speisen, sondern auch andere warnen; sich vor dergleichen böser Beschädigung zu hüten. Распоряжение, относящееся к веркауфу и т. д., должно действовать в течение двух месяцев с момента его принятия.

Ist auch bewogen, dass Befriedung der Strassen dem Kaufmannsgewerb fürträglich sei, damit alle Hantierer auf des heiligen Reichs Strassen sicherer, dann etliche Zeit her geschehen ist, webern und ziehen mögen.

Es kommt vor, dass etliche Kaufleute betrüglich im Schein Trauens und Glaubens den Leuten das ihre nehmen durch Bankrottieren, was einem Diebstahl vergleichbar ist, und wer andere fürsätzlich an Geld und Gut ansetzt soll streng gestraft werden.

В конечном счете, должны быть определены рейхсмасса и гевихт, для фельдшерских пунктов и вареников должна быть предусмотрена сильная обработка, а также должны быть обеспечены гарантии, направленные на то, чтобы в бараках находились арглистичные и эркауфтевые продукты, если это распоряжение будет исполнено фондами. (N.B. - Gemeint ist, nach einer Notiz von andrer Hand, Bestechung der Obrigkeiten, um durch ihren favor und patrocinium den Folgen dieser Ordnung zu entgehen).

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Десять плотно напечатанных страниц "Хроники" Себастьяна Франка (опубликованной в 1531 году) заняты, казалось бы, исчерпывающим рассказом об инциденте, о котором идет речь в тексте; хотя сам Франк говорит нам, что это лишь небольшая часть - "ядро", как он

выражается, - того, что он подготовил и фактически написал по этому вопросу, основную часть которого, однако, по причине нехватки места он был вынужден опустить.

"В 1509 году, - пишет Франк, - два ордена - "Проповедников" (доминиканцев) и "Босоногих монахов" (францисканцев) - разгорячились друг против друга по поводу зачатия Марии. Босоногие" утверждали, что она чиста от первородного греха и безупречна; "проповедники" - что она была зачата в первородном грехе, как и другие дети человеческие. По этому поводу было много споров, и в Гейдельберге состоялся диспут..... В конце концов, "проповедники" (доминиканцы) придумали, как продолжить свое дело и мнение ложными знамениями и чудесами".

Некий доминиканский проповедник, по имени Вигандус, написавший книгу против Непорочного Зачатия, посоветовал прибегнуть к хитрости. Это предложение было принято на полном капитуле ордена, состоявшемся в Вимпфене в 1506 году. В качестве подходящих мест рассматривались Нюрнберг и Франкфорт, но при ближайшем рассмотрении были отвергнуты на том основании, что жители этих двух торговых центров слишком остроумны. В конце концов выбор пал на Берн. Соответственно, четыре доминиканца, приор, субприор, главный проповедник и еще один монах, связанные с фондом, принадлежащим ордену в этом месте, получили указание приступить к делу. Им попался молодой портной-подмастерье, который попросил принять его в орден, и его приняли с видимой неохотой, заплатив пятьдесят три гульдена, а также подарив немного дамаска и шелка. Как только он оказался у них в руках, они начали проверять его легкоеверие, разыгрывая с ним по ночам розыгрыши: подбрасывали в его келью вещи, издавали таинственные звуки и тому подобное, притворяясь, что это дело рук духа. Наконец настоятель пришел однажды ночью, закутанный в белую льняную простыню, и с ужасными звуками и жестами схватил дрожащего послушника, когда тот лежал в своей постели. Тот, конечно же, закричал и призвал Богородицу. На это призрак заверил его, заявив, что он и его коллеги могут оказать ему неоценимую помощь, если только будут бичевать себя восемь дней подряд и читать восемь месс в часовне Святого Иоанна. С этими словами призрак покинул его.

На следующий день юноша рассказал обо всем в агонии страха. Главный проповедник ордена, доктор Стеффан, улучшил ситуацию, выступив с речью против францисканцев, заявив, что ни один страдающий дух не вступал переговоры с такими отъявленными негодяями, как они, и не обращался за помощью к таким отъявленным злодеям. Наконец, ему удалось возбудить в городе сильные чувства против соперничающего ордена.

Четверо монахов-заговорщиков, испытав глупого юношу и найдя его непоколебимым в своей вере, увещевали его быть мужественным в следующую ночь; настоятель очистил его келью святой водой и оградил ее мощами. Но дух явился снова; после допроса, в соответствии с инструкциями, данными послушнику, призрак объявил себя душой бывшего настоятеля монастыря, который был низложен за разгульный образ жизни, покинул обитель в мирском одеянии, ввязался в "дурное дело" и был заколот до смерти в драке без повода. Далее дух восхвалял доминиканский орден за счет францисканцев, которые, по его предсказаниям, вскоре станут гибелью для городаерна.

Подобные видения происходили и в последующие ночи. Проповедник, доктор Стеффан, вручил послушнику письмо с наводящими вопросами, благоприятными для ордена, которое он должен был постараться передать Богоматери и вернуть с прикрепленными ответами. Впоследствии письмо было найдено чудесным образом вложенным в пикс, окропленным кровью, как говорят, Христа, и запечатанным ею же. На следующий день письмо было с большой помпой возложено на главный алтарь. На следующую ночь один из четырех

монахов явился к послушнику в одеянии Девы Марии с восторженными похвалами ордену и с указаниями умолять Святого человека, папу Юлия II, учредить праздник в честь "пятнистого зачатия" Девы Марии, обещая при этом передать ему крест с тремя пятнами крови ее Сына на нем, как свидетельство истины о том, что она родилась в первородном грехе. Она дала ему ткань, пропитанную кровью из раны в боку, и другие реликвии. Затем она пронзила руку бесхитростного юноши булавкой и заставила его кричать, утешая его заверениями, что рана будет открываться вновь дважды в год - в Страстную пятницу и в день Тела Христова. После этого монах-дева исчезла.

До этого времени все шло успешно, и теперь четверо монахов решили официально объявить послушника вдохновенным человеком. Для этого им удалось - "путем магических практик", говорит Франк - приготовить воду, которая лишила нового брата чувств, и другую воду, которую, находясь в этом состоянии, они втирали в его руки и ноги, получая раны. С помощью третьей воды они заставили его очнуться - он был в восторге от новых чудес, которые творились с ним. Затем они отвели ему особую комнату, где его могли видеть "верные миряне"; но никому не разрешалось говорить с ним, опасаясь, что он скомпрометирует орден.

Тем временем об этих событиях начали шуметь по всему миру и с нетерпением обсуждать, все желали увидеть нового бога. В конце концов многострадальный послушник во время очередного визита узнал в мнимой Деве голос приора и, выхватив нож, вонзил его в правое бедро, после чего приор, схватив со стены блюдо, швырнул его в послушника и скрылся. Никакие уговоры и предупреждения со стороны субприора или других монахов не могли побудить разочарованного послушника больше не позволять выставлять себя на посмеище. Покончив с этой стороной дела, они стали уговаривать его обещаниями не губить себя и их, а бросить свой жребий вместе с ними и согласиться обмануть народ. В конце концов он с некоторой неохотой согласился. Затем они проинструктировали его о роли, которую он должен был сыграть. Он должен был представлять образ Богородицы в Женской часовне, а доктор Стеффан должен был скрываться за занавесом и, говоря через трубку, олицетворять ее "Божественного сына". Сын" спросил "Мать", почему она плачет. Мать ответила, что плачет потому, что ее повеления еще не полностью выполнены. Тем временем несколько старушек, которых пустили в часовню, бросились бежать, распространяя повсюду весть о том, что образ Богородицы плакал и говорил. В часовне собралось много народу, в том числе и четыре монаха, которые были крайне изумлены. Вскоре прибыл бюргермайстер с тремя другими высокопоставленными гражданскими чиновниками и потребовал от настоятеля и монахов объяснить, в чем смысл такого большого переполоха. Приор ответил, что Дева плакала о приближающемся разорении всего города Берна, потому что он получал пенсию от французского короля и потому что терпел в своей среде францисканцев с их нечестивой ересью о Непорочном Зачатии, благодаря чему они приписывали ей честь, которая ей не принадлежала и которую она отвергала. Городские старейшины сочли это событие примечательным и были очень серьезны.

Монахи решили дать послушнику, предполагаемому посреднику стольких божественных посланий, отравленное причастие в присутствии народа, чтобы он внезапно умер, и таким образом получить два преимущества - избавиться от опасного свидетеля и пополнить свой орден святым, которого Христос взял к Себе во время принятия Святых Элементов. Но наш послушник отказался от предложенной ему облатки с красными пятнами, которая якобы была окроплена кровью Христа, и настоял на том, чтобы причаститься менее чудесной на вид. Тем не менее монахи не отказались от своего проекта, и на следующую ночь послушник подслушал тайный консилиум четверых, обсуждавших, как лучше от него избавиться:

уморить голодом, утопить, задушить, проткнуть тело или задушить. Теперь он начал серьезно беспокоиться, тем более что его паек уменьшался с каждым днем. Поэтому однажды он вылез из своей кельи и последовал за одним из четырех монахов в трапезную, где увидел, как они едят каплунов и пьют вино с девушками, которые, к его глубокому отвращению, носили платья из того самого дамаска и шелка, которые он пожертвовал в монастырь при своем посвящении. Его присутствие было обнаружено, и доктор Стеффан попытался выдать девушек за своих сестер. Монахи, однако, решили, что пора "оставить свои проклятые лица и начать". Поэтому они дали послушнику капусту, тушенную в растворе раздавленных пауков, но это не принесло ему вреда. Тогда они попробовали его на кошке, которая умерла. Затем настоятель принес ему отравленный суп, который он не стал есть, а выбросил. После этого пять молодых волков, содержащихся в монастыре, съели его и умерли. Тогда они снова попробовали трюк с причастием, засунув его ему в рот, но он бросил его на подножку, которая, как уверяет достойный Себастьян, тут же начала потеть кровью. Это встревожило заговорщиков, и они изменили тактику: заковали юношу в цепи и стали бить его раскаленными утюгами по разным частям тела, пока он не дал торжественную клятву ничего не разглашать. В конце концов, говорит Себастьян, дело "стало слишком тяжелым для брата", и он решил немедленно бежать. Ему удалось это сделать хитростью и скрытностью, и, ворвавшись в город, он рассказал всем встречным обо всем, что произошло. Власти, однако, не желали накладывать руки на духовный орден.

Монахи, со своей стороны, не теряли времени и отправили своего проповедника и субприора в Рим, чтобы Папа подтвердил их рассказ. Их поддержало все влияние Доминиканского ордена во всей Центральной Европе. Тогда бернский рат также отправился в Рим, чтобы потребовать беспристрастного судьи для решения этого вопроса, и папа Юлий II назначил комиссию, состоящую из трех священников и доминиканского провинциала. Последний, увидев, как один из епископов наставляет доктора Стеффана, как поступить, был удален от суда и умер в Констанце от досады. Затем четырех монахов поставили на дыбу, и они все рассказали. Бедного послушника тоже несколько раз ставили на дыбу, чтобы убедиться, что он рассказал все, что знал. Он отрепетировал все, включая историю с девушками.

В ходе процесса выяснилось, что кровь евреев, девятнадцать волосков из черной брови еврейского ребенка и другие ингредиенты, о которых, по словам нашего скромного Себастьяна, "не подобает рассказывать", вошли в состав магического отвара, который монахи использовали, чтобы сделать послушника покорным им. Кроме того, выяснилось, что подприор украл пятьсот гульденов из монастырского сундука, а другие монахи сняли драгоценные камни с образа Богородицы и растратили их, а также что приор хвастался, что может творить свою волю с любой женщиной, на которую положит руку.

Епископы хотели передать дело в Рим, но светские власти и слышать об этом не хотели и настаивали на том, чтобы суд был усилен восемью почетными советниками города. В конце концов церковники согласились восстановить суд в таком виде. В результате всем четверем монахам был вынесен приговор - унижение и сожжение заживо. Казнь была приведена в исполнение при большом стечении народа на большой рыночной площади города Берна 31 мая 1509 года.

Как уже говорилось в основной части этой работы, вышеупомянутое дело произвело глубокое впечатление на широкую аудиторию, затронув честь и целостность такого могущественного ордена, как "Проповедники" или доминиканцы, и сделав город и кантон Берн легкой добычей реформаторских тенденций, вошедших в моду несколько лет спустя.

Еще одной иллюстрацией легковерия средневекового населения и чрезмерной возбудимости общественного мнения в первые годы шестнадцатого века является следующая история. Я цитирую, на этот раз дословно, из другой части *"Хроники"* Себастьяна Франка:

"В 1516 году доктор Бальтасар Хубмайер [в это время Хубмайер был еще католиком] в Регенсбурге с яростью проповедовал против евреев, показывая, какое великое зло причиняет всему немецкому народу не только их вера, но и их ростовщичество, и какую невыразимую дань приносят их ростовщичество. Тогда был создан совет, чтобы они молили императора о том, чтобы евреи были изгнаны. Поэтому они [люди] разбили на куски свою синагогу, а также многие из своих домов и построили на их месте храм в честь Марии, которому дали имя Прекрасной Марии. Некоторые посетили его тайно и сказали, что с того часа исполнилась их молитва. И вот, как только об этом стало известно во всем мире, со всех сторон туда побежали люди, как будто околдованные, жены, дети, господа, одни духовные, другие мирские, они проделали такой долгий путь, что, возможно, ничего не ели. Некоторые дети, не знавшие дороги, приходили издалека с куском хлеба, а люди приходили с таким разнообразным вооружением, что случалось, что каждый из них был при своей работе: один - с доильным аппаратом, другой - с вилами для сена. Были среди них и такие, что в самый сильный холод не имели ничего, чем можно было бы укрыться в случае крайней нужды. Были и такие, которые пробегали многие мили, не разговаривая, как полуодержимые или неумные; некоторые приходили босиком с граблями, топорами и серпами; эти бежали с полей и оставили своих господ; некоторые приходили в рубашке, которая случайно попадалась им под руку, когда они вставали с постели; некоторые приходили в полночь; некоторые бежали день и ночь; и в целом было такое стечение людей со всех земель, что всего за один день пришли многие тысячи людей.

"Был один, который видел чудеса от стольких и стольких серебра, золота, воска, картин и драгоценностей, которые приносили сюда. Ежедневно читалось так много месс, что один священник, отходя от алтаря, едва мог встретить другого. Когда один из них читал причастие, другой даже тогда становился на колени перед алтарем со своей Исповедью. Так происходило ежедневно до самого полудня, и хотя в храме и за его пределами было установлено множество алтарей, тем не менее один священник не мог не встретиться с другим.

"Ученые пели много карминов в честь Прекрасной Марии, и было придумано много различных служб из знаков, труб и органов. Много больных они вели и несли туда, а также, как считают некоторые, мертвецов, которых они возвращали домой живыми и восстановленными. Было также много великих знамений и чудес, о которых не подобает рассказывать, и о которых ходили особые слухи, что, если кто приносил туда жертву, только поклялся ею, тотчас же исцелялся, и не только от своих болезней, но и живые принимали своих мертвых, слепые прозревали, хромые бежали, оставляли свои костыли в храме и ходили оттуда прямо. Некоторые бежали туда с войны; да, жены от своих мужей, дети от послушания и воли своих отцов шли туда, говоря, что не могут оставаться в стороне и что нет им покоя ни днем, ни ночью.

"Некоторые, войдя в храм и увидев образ, сразу же падали, как будто их поражал гром. Видя, как падают такие, безумный сброд подумал, что это сила Божья и что

каждый должен упасть в этом месте. Таким образом, произошло такое падение (глупое, безудержное и дьявольское), что почти каждый, кто приходил в эти места, падал, а многие из сброда, которые не падали, считали себя нечестивцами и сразу же заставляли себя падать, пока Совет [Rath] не был подвигнут, как говорят, запретить это, и тогда знамения и падения прекратились.

"Удивительно рассказывать, с какими странными орудиями люди приходили сюда; когда один был схвачен посреди своего труда, он не время, чтобы отложить то, что держал в руке, но нес это с собой, и каждый бежал без оглядки, движимый своим собственным духом. Но подвигнул ли великий Святой Дух на такой необдуманный бунт против послушания, оттолкнул ли мать от ребенка, жену от мужа, слугу от ребенка вопреки послушанию, которое должно быть оказано господину и отцу, я оставляю решать другим. Многие даже считают, как и я, что это не может быть делом Божьим, поскольку противоречит Его Слову, делу, образу, природе и толкованию Писания.

"Ныне это бегство в сторону держалось довольно долгое время, может быть, шесть или восемь лет, но теперь прекратилось, хотя и не совсем".

Я воспроизвел эти строки как можно более буквально с языка самого Франка, не опуская и не смягчая повторов и несоответствий стиля.

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

Знаменитая аугсбургская семья Фуггеров переселилась в этот город около 1370 года из деревни под Швабмюнхеном. Каков был их статус на родине, не совсем ясно, но, судя по всему, они были выше простых крестьян, и вполне возможно, что они были *фрайерами* или свободными землевладельцами без дворянства. Во всяком случае, говорят, что они широко выращивали лен и коноплю. Два брата, Ульрих и Иоганн Фуггер, прибыв в Аугсбург, посвятили себя ткачеству шерсти и льна и стали мастерами-ткачами, владевшими несколькими станками. Благодаря браку они вскоре получили гражданство, и семья продолжала расти и процветать в течение пятнадцатого века. За некоторое время до 1450 года один из Фуггеров стал Великим мастером гильдии ткачей, а к концу века Ульрих Фуггер одним из первых воспользовался преимуществами растущего мирового рынка и неустроенности феодальных отношений того времени. В 1473 году ему пришлось улаживать финансовые дела Максимилиана, который хотел одолжить деньги Карлу Смелому. За свои заслуги в этом деле он и его братья были благодетельствованы и получили в качестве гербового знака "лилию". Ульрих также был покровителем Альбрехта Дюрера, и именно через него картины Дюрера были отправлены в Италию.

Ульрих Фуггер купил у папы Александра VI за тысячу дукатов патронаж канонического монастыря близ Санкт-Морица. В 1494 году он и его брат открыли торговые синдикаты, о которых говорилось на предыдущих страницах, создав компанию по торговле пряностями. О ней говорится в рескрипте рейхстага, приведенном в Приложении А. Ульрих умер в 1510 году, оставив семь дочерей и трех сыновей; его брат умер еще в 1506 году. Они скупили все дома на Вайнмаркт и превратили их во дворец, в котором жили вдвоем.

Якоб Фуггер, младший сын Ульриха, возвел семью в зенит ее роскоши и великолепия. Воспитанный для церкви, он стал каноником, но позже, по желанию отца, отказался от пострига и посвятил себя коммерции. Сначала он отправился жить в Венецию, чтобы получить меркантильное образование в семейном складе, который Фуггеры основали в этом городе. Венеция была тогда и долгое время после этого своего рода школой обучения для купцов южногерманских городов. Якоб также совершил ряд поездок по главным торговым городам Европы, и результатом его обучения и путешествий стало расширение семейного бизнеса до уровня, ранее неслыханного в анналах средневековой торговли. Он довел свой успех до такой степени, что вскоре прядение шерсти, шелка и вообще стало для него лишь второстепенным делом, а главными занятиями стали горное и банковское дело. Якоб Фуггер стал, по сути, первым великим европейским капиталистом, Ротшильдом и Вандербильтом своего времени.

В Испании, Тироле, Венгрии и Каринтии он скупал земли с богатыми рудами у бесхозных и безнадёжных дворян и сумел открыть ценные серебряные, медные и свинцовые рудники. Парацельс упоминает, что в связи со своими алхимическими исследованиями посетил рудники Фуггера в Шваце в Тироле. Новый путь в Индию, открывшийся благодаря открытию Капского прохода, дал Фуггеру возможность продемонстрировать свое умение своевременно извлекать выгоду из меняющихся условий. В 1505 году он вместе с двумя другими крупными торговыми домами, Вельзером и Хохштеттенем, заключил договор на перевозку трех грузов индийских товаров. До этого товары такого рода доставлялись по суше через Левант и Венецию, но теперь они впервые были доставлены прямо из Ост-Индии по новому Капскому пути.

В предыдущем, 1504 году, Якоб и его братья были благодетельствованы императором Максимилианом, причем сам Якоб был назначен императорским советником. Лев X. также назначил его графом Палатина и *Eques Aureatus*. В 1509 году Якоб предоставил Максимилиану 170 000 дукатов в качестве субсидии на расходы по Итальянской войне. Впоследствии, при избрании Карла V. на императорский престол, он внес 300 000 дукатов на покрытие расходов. Однажды, принимая Карла V в качестве гостя в своем дворце на Вайнмаркт в Аугсбурге, он сжег просроченные "акцепты" императора на большом костре из корицы, в то время одной из самых дорогих пряностей.

Фуггеры приобрели в виде отпавших закладных несколько феодальных территорий, состоящих из многочисленных деревень. Фактически, только за счет своих финансовых операций, не считая огромных торговых сделок, семья сколотила огромное состояние. Якоб расширил большой дворец Фуггеров, о котором уже упоминалось, и пристроил роскошные хоры к аугсбургской церкви Святой Анны. Он также основал "Фуггерай" - целый квартал Аугсбурга, сохранившийся до наших дней, который использовался как богадельня для бедных горожан. Он умер в 1525 году, оставив наследниками двух своих племянников Раймонда и Антона.

Проживая вместе во дворце Фуггеров, они еще больше укрепили славу своей семьи, покровительствуя новым знаниям и изящным искусствам. Они заняли видное место патрициев в рате своего родного города и были возведены Карлом V в ранг высшей знати как наследственные графы империи, получив также земли с наследственной юрисдикцией. Своими финансовыми операциями они еще больше увеличили территориальные приобретения своей семьи. Все современные авторы отмечают пышность и великолепие

заведения Фуггеров. Процветание семьи продолжалось вплоть до Тридцатилетней войны, в которой она сыграла значительную роль на стороне католической империи. История Фуггеров, их обогащения за счет гигантских меркантильных операций на основе мирового рынка, нового развития, которое они привнесли в старую практику денежного кредитования, свежей энергии и улучшенных методов , используемых в их горнодобывающих предприятиях, является типичным примером рождения и быстрого роста нового конструктивного принципа капитализма - рождения и роста, происходившего *параллельно* с разрушительными процессами распада феодализма.

Примечание транскриптора:

В оригинале книги содержалась одна непарная двойная кавычка. Было неясно, где находится недостающая кавычка, поэтому попытка добавить ее не предпринималась.